

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ
М.В. ЛОМОНОСОВА»**

На правах рукописи

Михайлов Сергей Александрович

**ПОЗИЦИЯ США В ВОПРОСЕ ФОРМИРОВАНИЯ ЕВРОПЕЙСКОЙ
ПОЛИТИКИ БЕЗОПАСНОСТИ И ОБОРОНЫ
(1998 – 2009 ГГ.)**

Специальность 07.00.03 – всеобщая история (новое и новейшее время)

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
кандидат исторических наук, доцент
Сетов Роман Александрович

Москва - 2017

Оглавление

Введение	4
Характеристика источников	17
Обзор историографии	21
Глава 1. Истоки и эволюция подходов США к развитию европейских интеграционных процессов в сфере безопасности и обороны (1950 – 1998 гг.)	45
1.1. Трансатлантические отношения и попытки европейской военно-политической интеграции в период «холодной войны» (1950 – 1991 гг.).....	45
1.2. Особенности подходов США к европейским интеграционным проектам в сфере безопасности и обороны в 1987 – 1998 гг.	60
Глава 2. Активизация военно-политической деятельности Евросоюза и политика администрации У. Клинтона (1998 – 2000 гг.)	91
2.1. Принятие декларации в Сен-Мало и позиция США (декабрь 1998 – июнь 1999 гг.).....	91
2.2. Кельнский саммит Евросоюза и обострение противоречий с США по вопросу «европейской обороны» (июнь – ноябрь 1999 г.)	106
2.3. Роль Великобритании в трансатлантических разногласиях о европейской обороне и соглашение в Сен-Мало	121
2.4. Политика США по закреплению институциональной подчиненности ЕПБО Североатлантическому альянсу (ноябрь 1999 – декабрь 2000 гг.) ...	139
2.5. «Фактор Турции» и других членов НАТО, не входящих в ЕС, в контексте политики США в отношении ЕПБО.....	162
Глава 3. Администрация Дж. Буша-мл. и политика США в отношении ЕПБО в 2001 – 2009 гг.	179
3.1. Администрация Дж. Буша-мл. и обострение трансатлантических противоречий по военно-политическим вопросам (2001 – 2003 гг.)	179

3.2. Политика администрации Дж. Буша-мл. на европейском направлении после конфликта вокруг штаба в Тервюрене и проект «боевых групп»	205
3.3. Дальнейшая эволюция ЕПБО и исчезновение конфликтного потенциала в военно-политическом дискурсе США – ЕС (2004–2009 гг.)	229
Заключение	.251
Библиография	.264

Введение

Последние годы XX в. и первое десятилетие XXI в. отмечены в отношениях между США и их европейскими союзниками острыми дебатами, иногда перераставшими в дипломатические конфликты, по вопросу о формировании в рамках Евросоюза военно-политических структур, автономных от НАТО, а значит и от США. Ведущие военные державы Европы – Франция и Великобритания – заявили о намерении создать такие структуры в декабре 1998 г. Вскоре этот проект был официально одобрен ЕС в целом. Это вызвало необходимость для США выработать свою позицию по данному вопросу. Эта задача была тем более важной для Вашингтона, что она являлась составной частью важнейшего, со времен Второй мировой войны, направления в американской внешней политике – сложного комплекса отношений с европейскими союзниками. Данные отношения являются краеугольным камнем общего положения США на мировой арене, обеспечивая американское доминирование в рамках Запада и сильнейшую внешнеполитическую позицию в мире в целом.

События начала XXI в. наглядно продемонстрировали, что государства ЕС в настоящее время продолжают в целом следовать в фарватере США, а сам Евросоюз пока не смог сформировать единую и связную внешнеполитическую линию, в основе которой лежали бы европейские интересы. В такой ситуации естественным является и отсутствие единой военной политики ЕС, в смысле использования силового фактора как инструмента для поддержки своей внешней политики.

Евросоюз не смог адекватно отреагировать на события «арабской весны», которые поставили южную и юго-восточную периферию ЕС на грань хаоса. Более того, отдельные страны ЕС сами способствовали нарастанию этого хаоса, подобно Франции, Италии и Великобритании, с подачи и при поддержке США военным путем добившимся свержения и уничтожения режима М. Каддафи в Ливии. При этом даже в связи с самой этой операцией по свержению М. Каддафи европейские страны не выступили единым

фронтом в рамках общей военной политики. Французская газета «Монд» в 2011 г. оценивала эту ситуацию следующим образом: «Европейский союз, со своей стороны, потерпел жалкий провал. “Институциональная” Европа оказалась не на уровне этой проблемы. В рамках североафриканской саги ее [Европы – авт.] просто не существует. Она не способна договориться о том, как действовать... Отсутствие единства является полным и особенно поражает, когда дело касается принятия решений о войне»¹.

Результатом «североафриканской саги» стал невиданный рост числа мигрантов, устремившихся в Европу через ливийскую территорию. Схожим образом развивалась и ситуация вокруг Сирии. Евросоюз так и не смог выработать единого активного политического курса, не говоря уже о военном, в отношении сирийского кризиса. Это привело к появлению еще более масштабного потока мигрантов в Европу, что напрямую способствовало совершению терактов 2015 – 2016 гг. во Франции, Бельгии и Германии.

В этом же ряду стоит участие европейских стран в украинском кризисе, где видимость единой линии поведения Евросоюза в основном обусловлена лидирующей ролью США. Участие европейских стран в развитии данного кризиса осуществляется в основном на индивидуальном уровне Германией и Францией.

Все это выглядит довольно контрастно на фоне амбициозных заявлений многих европейских политиков, громко звучавших в первой половине 2000-х гг., о перспективах развития военной интеграции в рамках Евросоюза, которая должна была подкреплять самостоятельную внешнюю политику ЕС. Эти заявления весьма серьезно воспринимались в США, о чем свидетельствуют напряженные трансатлантические дебаты, развернувшиеся по данному вопросу в 1990-х – 2000-х гг.

---

¹ Le Monde, 31 March 2011. Цит. по: Menon A. European Defence Policy from Lisbon to Libya// Survival. 2011. №3. P. 76.

Оценивая ситуацию во втором десятилетии XXI в., можно констатировать, что США смогли найти такой ответ на военно-политические претензии ЕС, звучавшие в 1998 – 2009 гг., который надежно сохранил за Соединенными Штатами доминирующую роль в европейской политике безопасности и не оставил Евросоюзу значимой роли в этой сфере.

Актуальность темы исследования. Изучение истории развития Европейской политики безопасности и обороны (ЕПБО) и подходов США к этому вопросу актуально тем, что помогает понять значение трансатлантических институтов и связей для Соединенных Штатов в начале XXI века, а также способствует адекватному анализу текущих отношений США и Европы в их динамике. Нужно отметить, что в течение 2016 г. вопрос углубления европейской военно-политической интеграции вернулся в текущую политику Евросоюза. Администрации Д. Трампа, пришедшей в январе 2017 г. в Белый дом, еще предстоит выработать свой подход к этому явлению. Таким образом, тема отношения США к ЕПБО важна для изучения не только с исторической, но и с текущей политической точки зрения.

Объектом исследования являются трансатлантические отношения как в рамках НАТО, так и по линии США – Евросоюз и США – отдельные ведущие европейские страны.

Предмет исследования – политико-дипломатические действия США по направлению европейской политики безопасности и обороны в русло, выгодное для американских интересов и не несущее угрозы военно-политическому доминированию Соединенных Штатов в Европе.

Цель работы – изучить основные черты и эволюцию подходов США к попыткам стран Евросоюза реализовать интеграционный потенциал ЕС в военно-политической сфере. Для достижения этой цели намечены следующие исследовательские задачи:

- 1) Выявить движущие мотивы США, американские цели в рамках политики Вашингтона в отношении ЕПБО и пути их достижения;

- 2) Рассмотреть эволюцию проекта военно-политической интеграции в рамках Евросоюза;
- 3) Проанализировать практические формы реализации американской политики в увязке с процессом развития ЕПБО;
- 4) Выявить ключевые элементы системы американского влияния на формирование ЕПБО, установить роль и взаимную связь этих элементов в данной системе;
- 5) Оценить политическую мотивацию в действиях Великобритании и Турции, стран, сыгравших ключевую роль в поддержке американского курса в отношении ЕПБО;
- 6) Охарактеризовать факторы, обуславливавшие динамику конфликтности в трансатлантических отношениях в связи с вопросом о становлении и развитии ЕПБО.

Хронологические рамки исследования охватывают 1998-2009 гг. В декабре 1998 г. в истории европейской военно-политической интеграции произошло этапное событие – было заключено англо-французское соглашение в Сен-Мало, открывшее новую страницу в ряду западноевропейских попыток организовать автономные от США военно-политические интеграционные структуры. Две ведущие военные державы Западной Европы официально заявили о намерении добиваться европейской военно-политической автономии не в рамках НАТО, а за пределами альянса. С этой встречи начался процесс формирования военно-политических структур Евросоюза. Соглашение в Сен-Мало, в сочетании с последовавшим в июне 1999 г. кельнским саммитом ЕС, в тот период произвело впечатление наличия у европейских лидеров политической воли для развития оборонной интеграции в практическом направлении. Это, в свою очередь вызвало ответную политико-дипломатическую реакцию США. Последовавший обмен мнениями стал отправной точкой трансатлантических дискуссий, продолжавшихся в течение последующих десяти с лишним лет.

В январе 2009 г. с уходом из Белого дома администрации Дж. Буша-мл. трансатлантические разногласия по вопросу о «европейской обороне» затихли, поскольку к тому моменту данная тема по ряду причин перестала вызывать какое-либо беспокойство в среде большей части американского политического класса. По сути, дискуссия, занимавшая то большее, то меньшее место в трансатлантических отношениях на протяжении более чем десятилетия, завершилась. Кроме того, в 2009 г. вступил в силу Лиссабонский договор, который существенным образом реформировал систему внешнеполитических органов ЕС и повлиял на процесс принятия решений в сфере безопасности и обороны. Таким образом, 2009 г. был отмечен для американской политики на этом направлении рубежными событиями как с точки зрения смены власти в самих США, так и с точки зрения крупных изменений в рамках европейских внешнеполитических структур.

Научная новизна исследования состоит в следующем:

1. Впервые в отечественной историографии целостно проанализирована система политико-дипломатических мер, предпринятых Соединенными Штатами для сохранения контроля над военно-политическими интеграционными процессами в рамках Евросоюза и для удержания Европейской политики безопасности и обороны в рамках, приемлемых для Вашингтона.

Система американского контроля над развитием ЕПБО носила комплексный характер и опиралась на поддержку таких союзников США, как Великобритания и Турция.

Пользуясь их ключевым содействием, на внутринатовском уровне Вашингтон выдвигал принципиальное ограничение в отношении европейского оборонного проекта – отсутствие собственных структур оперативного планирования в распоряжении Евросоюза. Главным мотивом США в этом вопросе было стремление закрепить зависимость европейских сил от органов управления НАТО, которые, в свою очередь, были

подконтрольны Вашингтону. При этом роль Великобритании была важна, так как ее вклад мог бы стать важнейшей составляющей военного потенциала ЕПБО. В свою очередь Турция шантажировала Евросоюз своим вето на военное сотрудничество между ЕПБО и НАТО, и как и США, требовала максимального усиления институционального натовского влияния на военно-политический проект ЕС.

Таким образом, распределение основных ролей выглядело следующим образом: США оказывали на Францию и других сторонников ЕПБО давление в рамках НАТО, Великобритания – в рамках Евросоюза, то есть, по сути, в рамках самого процесса развития ЕПБО, а Турция – в вопросе взаимодействия НАТО и ЕС. Эта комбинация и стала ключевой для успеха американских усилий.

2. Проанализирован американский подход к развитию проекта европейских «боевых групп», являвшихся «усеченным» вариантом первоначальных планов формирования европейских военных структур. Исследована реакция США после того, как стало очевидно существенное уменьшение европейских автономистских амбиций в военно-политической сфере. Добившись блокирования институциональных инициатив Франции и ее сторонников в этой области, Вашингтон, однако, так и не смог обеспечить увеличения военного вклада европейцев в рамках НАТО. Именно для этого США изначально планировали использовать ЕПБО.

3. Рассмотрены движущие мотивы политики Великобритании в отношении ЕПБО в период лейбористского правительства премьер-министра Т. Блэра. Политический курс британского руководства, приведший к появлению проекта ЕПБО, был независимым от Вашингтона. По сути, Т. Блэру удалось навязать этот проект Вашингтону. Формально британский премьер заявлял, что ЕПБО необходимо для увеличения европейского вклада в военные расходы евроатлантического сообщества. В реальности главной целью Лондона было укрепление британского влияния, как на американскую, так и на европейскую политику.

Методология исследования. В основе методологии диссертационной работы лежит ряд принципов, позволяющих проанализировать различные аспекты исследуемых процессов. Прежде всего, речь идет о принципах историзма и системности.

При анализе развития преемственных форм европейской военно-политической интеграции, особенно начиная с 1991 г., применялся историко-генетический метод, который позволяет «последовательно раскрыть свойства, функции и изменения»² исследуемого феномена. По сути, указанная интеграция представляла собой процесс эволюции идеи о формировании у объединенной Европы военно-политической роли, автономной от США. Эта идея в разные периоды находила воплощение в постепенно меняющихся организационных формах. В связи с этим, указанный метод полностью отвечает задачам исследования данного сюжета.

Американский подход к вопросу формирования ЕПБО представлен как *система* политико-дипломатических мер, направленных на максимальное использование европейской инициативы в интересах США. Соответственно, при изучении американской политики применены методы системного анализа. Было предпринято эмпирическое выявление элементов выстроенной Соединенными Штатами системы, описана ее внутренняя организация, то есть структура. Проанализированы функции указанных элементов в рамках системы и ее общее строение. Показано, как взаимодействие этих элементов «обуславливает возникновение у этой совокупности новых интегративных качеств, не присущих образующим ее элементам»³.

В процессе изучения американской политики, неизменно выступавшей с позиций безусловной защиты прерогатив и привилегий НАТО, возникает необходимость использования такого универсального

---

² Ковальченко И.Д.. Методы исторического исследования. М., 2003. С. 184.

³ Там же. С. 173–174.

научного метода (и универсальной категории мышления), как сравнение⁴. В частности, этот метод необходим для того, чтобы четче понять, как Соединенные Штаты воспринимали ЕПБО, поскольку это восприятие неизбежно базировалось на сравнении с НАТО, как осознанном, так и подсознательном. Для этих же целей уместно и использование правила аналогии в рамках индуктивного метода познания⁵.

Поскольку в данной работе анализируется эволюция такого политического процесса, как взаимодействие двух центров принятия решений (т.е. США и Евросоюз), действующих в рамках одной общности (евроатлантическое сообщество), то на наш взгляд, уместно говорить о некоем сближении данного исследования с политологией как наукой. В связи с этим, исследовательскими ориентирами в рамках данной работы выступали, в частности, методические принципы проведения прикладных политических исследований⁶, а также, например, теория из сферы политологического анализа, известная как «закон Г. Хардина» («Свобода в сообществах приводит к разрушению всего»). Эта теория рассматривает «коллизии, возникающие между действиями различных органов принятия решений по обеспечению их интересов и общими последствиями данных действий»⁷. Как видно, эта ситуация практически совпадает с контекстом исследуемого в диссертации сюжета.

В теоретическом плане при анализе политики США в отношении ЕПБО наиболее адекватным представляется неореалистский подход. (Нужно отметить, что сами сторонники этого направления часто называют себя реалистами, разумеется, осознавая все отличия нынешнего неореализма от классического реализма)⁸. Для целей исследования продуктивным является один из центральных постулатов неореализма (или, иначе, структурного

---

⁴ Румянцева М.Ф. Теория истории. М., 2002. С. 198.

⁵ Петров Ю.А., Захаров А.А. Общая методология мышления. М., 2001. С. 26–27.

⁶ Боришполец К.П. Методы политических исследований. М., 2005. С. 18 – 25.

⁷ Гульбрандсен Э. Трагедия сообществ: общие ресурсы и индивидуальные интересы // Теория и методы в социальных науках. Под ред. С.У. Ларсена. М., 2004. С. 206.

⁸ См., напр.: Waltz K.N. Structural Realism after the Cold War // International Security. Summer 2000. № 1. P. 5.

реализма), гласящий, что движущей силой международной политики является борьба за контроль над действиями других (т.е. борьба за власть) в условиях сложившейся структуры международных отношений. Эта структура формирует набор принуждающих условий и ограничений во внешней политике государств, в том числе великих держав⁹.

Как отмечает американский теоретик Р. Кеохэйн, сам выступающий с критических позиций по отношению к неореализму, «реализм является необходимым компонентом логически полноценного анализа мировой политики, поскольку он концентрируется на мощи, интересах, а рациональный подход [с точки зрения реализма – авт.] является критически необходимым для понимания этого предмета»¹⁰.

В свою очередь, представитель неореалистов Р. Гилпин, отвечая на критику в адрес этой школы за то, что она абсолютизирует вопросы мощи и безопасности в международных отношениях, писал, что реализм не отрицает важность других мотивов в жизни человечества: «Что реалист стремится подчеркнуть, так это то, что все более благородные цели будут недостижимы, пока не будет обеспечена безопасность [социального субъекта] в борьбе за власть и силу среди других социальных групп»¹¹.

Таким образом, опора на постулаты школы реализма в контексте данного исследования представляется продуктивной, прежде всего, по причине того, что она наиболее адекватно освещает с теоретической точки зрения вопросы борьбы за влияние в сфере безопасности, особенно на межгосударственном уровне. Как мы видим, это признают и критики реализма.

Реалистский подход, на наш взгляд, вполне адекватно объясняет логику поведения Соединенных Штатов в обстановке, когда действия стран Евросоюза потенциально несли в себе угрозу ослабления американского

---

⁹ Бордачев Т.В., Зиновьева Е.С., Лихачева А.Б. Теория международных отношений в XXI веке. М., 2015. С. 110 – 111.

¹⁰ Keohane R.O. Theory of world politics: structural realism and beyond // Keohane R.O. (ed.) Neorealism and its critics. N.Y., 1986. P. 159.

¹¹ Gilpin R.G. The richness of the tradition of political realism // Ibid. P. 305.

влияния на ситуацию в Европе в сфере военной политики и безопасности. Независимо от того, насколько реальной была эта угроза, и каковы были реальные движущие мотивы ведущих европейских держав в вопросе формирования ЕПБО (зарубежная научная дискуссия об этом кратко очерчена в разделе Обзор историографии), руководство США ясно осознавало опасный потенциал этого явления в рамках Евросоюза. Соответственно, его действия по установлению контроля над действиями европейцев хорошо обосновываются постулатами школы реализма.

В этом контексте уместно обращение к положениям такой частной разработки в рамках указанной школы, как теория баланса угроз, автором которой является С. Уолт. Согласно этой теории, важным обстоятельством, вызывающим ответную защитную реакцию других акторов, является не столько рост мощи той или иной державы сам по себе, сколько рост ощущения угрозы, исходящий со стороны этой державы¹². И хотя у С. Уолт речь идет о реакции сравнительно слабых государств на поведение держав, претендующих на гегемонию, очерченная им закономерность, как представляется, применима и к обратной ситуации. В случае с сюжетом, рассматриваемом в данной работе, можно уверенно утверждать, что американское руководство в первую очередь стремилось устранить угрозу, исходившую, как это виделось в Белом доме, от ЕПБО. И лишь последующей задачей было попытаться использовать феномен ЕПБО в американских интересах.

Что касается теоретического обоснования мотивации европейских стран в процессе формирования ЕПБО, то, как представляется, необходимо рассматривать крупные европейские державы не как единый блок, а как самостоятельных акторов, движимых различающимися стимулами и обстоятельствами. Так, позицию Франции можно уверенно охарактеризовать, как попытку «контр-балансирования» американской мощи, ставшей абсолютной на евроатлантическом пространстве после завершения

---

¹² Walt S. The origins of alliances. Ithaca, N.Y. 1990. P. 5.

«холодной войны». В то же время, Великобритания под руководством Т. Блэра в вопросе ЕПБО откровенно проявляла элементы «торговли» (bargaining) с США в своем поведении. Это поведение также можно назвать «балансированием», но не *против* США, а *между* США и континентальной Европой с целью добиться большего преимущества для торговли с обеими сторонами.

Совокупность избранных научных методов в полной мере позволяет достичь целей исследования, решить поставленные научные задачи.

Положения, выносимые на защиту:

1. После первоначально осторожной реакции на выдвинутую западными европейцами в декабре 1998 – июне 1999 гг. инициативу формирования Европейской политики безопасности и обороны Соединенные Штаты сформулировали собственную политическую линию и стали ее последовательно проводить. Тем самым, они отказались от тактики «пассивной обороны» в пользу стратегии навязывания собственной инициативы. Этот поворот произошел примерно в течение осени 1999 г.

В целом, главным движущим мотивом американской политики в отношении ЕПБО было стремление придать этому проекту такой вектор будущего развития, который соответствовал американским интересам в рамках трансатлантических отношений и никоим образом не ослаблял влияния и положения НАТО. Для того чтобы иметь возможность воспользоваться потенциалом ЕПБО, Соединенным Штатам было необходимо поставить европейский оборонный проект в прочную институциональную зависимость от НАТО. Что было еще более важно, такая зависимость позволяла бы предотвращать негативные для США явления в развитии ЕПБО.

2. Основные элементы американской политической линии заключались в следующем. США заявили о поддержке европейской инициативы и при этом предъявили ряд условий, которые делали эту инициативу приемлемой для Вашингтона. Едва ли не единственный мотив,

который заставлял США согласиться на развитие европейской военно-политической самостоятельности вне рамок НАТО, заключался в стремлении побудить европейцев расходовать больше средств на военные нужды. Соединенные Штаты заявляли, что именно реальное развитие военных возможностей армий Европы будет являться единственным истинным критерием успешности ЕПБО. В то же время очевидно, что США при выдвижении своих требований к европейцам заботились, прежде всего, о собственных интересах. Эти интересы заключались в том, чтобы с помощью ЕИБО/ЕПБО побудить союзников заняться усилением их военных возможностей, а затем, с помощью натовских механизмов фактически получить их в распоряжение США.

3. Для решения этих задач Вашингтон выдвигал в отношении европейского оборонного проекта принципиальное ограничение – отсутствие у ЕС собственных структур оперативного планирования. США оправдывали это требование необходимостью избегать дублирования военных органов НАТО и ЕС, что могло привести к «распылению ресурсов» и т.п. Однако очевидно, что главным мотивом США в этом вопросе было стремление закрепить зависимость европейских сил от органов управления НАТО, которые были в свою очередь подконтрольны Вашингтону. Таким образом, если усиление военных возможностей европейцев было принципиальным мотивом США, то требование об отказе от самостоятельности в использовании этих возможностей было принципиальным американским возражением в отношении ЕПБО, их «красной линией».

4. Система американского контроля над развитием ЕПБО носила комплексный характер и опиралась на ключевое содействие таких союзников США, как Великобритания и Турция. Они были нужны для усиления прессинга на Евросоюз с целью добиться юридически закрепленных обязательств ЕС в отношении НАТО. В этом контексте для США оказались весьма полезными разногласия между Турцией и Евросоюзом, накопившиеся как в вопросе о присоединении Турции к ЕС, так и по направлению греко-

турецких отношений. Открытым остается вопрос, имелась ли прямая дипломатическая координация политики между Вашингтоном и Анкарой, однако, судя по последовательности событий, согласование действий и позиций, скорее всего, имело место. Эмпирический анализ позволяет говорить о наличии, как минимум, ситуативного альянса между США и Турцией в вопросе совместного воздействия на формирование ЕПБО.

В свою очередь, Великобритания под руководством Т. Блэра проводила самостоятельную политическую линию, общие цели которой, впрочем, совпадали с американскими.

5. Вашингтону удалось добиться формально-юридического закрепления институциональной связи между ЕПБО и НАТО с помощью соглашения «Берлин Плюс», а также отказа европейцев от идеи независимой от НАТО командно-штабной структуры. Появившийся вслед за этим проект «боевых групп» уже не вызвал существенного резонанса в американо-европейских отношениях. Больше того, практическая общая результативность европейской оборонной активности в конечном счете, оказалась близкой к нулю, а Франция, главная движущая сила автономистов, уже при следующем после Ж. Ширака президенте пошла на то, чтобы вернуться в командную структуру НАТО.

Однако в результате сложилась такая ситуация, когда США могли с помощью своих союзников пресекать нежелательные варианты развития ЕПБО, но, как и в рамках НАТО, не могли заставить своих союзников расходовать больше средств на оборону. По сути, ЕПБО так и не стала значимым военно-политическим ресурсом, превратившись в некий аналог ооновских программ миротворчества и помощи в распоряжении Евросоюза. К концу правления администрации Дж. Буша-мл. американские политики и эксперты прекрасно понимали это, что и послужило причиной утраты данной темой конфликтного потенциала.

Характеристика источников

Источниковая база по рассматриваемой проблеме обладает определенными характерными чертами, обусловленными ее хронологическими и тематическими особенностями.

С одной стороны, большой объем документов имеется в свободном доступе в сети интернет, а также оперативно публикуемых сборниках, издаваемых под эгидой Института стратегических исследований Евросоюза. Но при этом совершенно очевидно, что представленные для ознакомления материалы были тщательно отобраны и подвергнуты цензурному отбору, поскольку касались вопросов текущей военной политики. Можно с уверенностью предполагать, что наиболее информативные дипломатические и военно-политические документы, возможно, будут обнародованы только в исторической перспективе, поскольку им присвоен тот или иной уровень секретности. О том, какого рода материалы по теме американской политики в отношении ЕПБО относятся к секретным, можно отчасти судить по таким редким утечкам, как например, отчет о встрече американского представителя при НАТО Н. Бернса с высокопоставленными сотрудниками министерств обороны и иностранных дел Финляндии 29–30 ноября 2004 г.¹³ Судя по тексту этого документа, отчеты даже о сравнительно рутинных обменах мнениями сотрудники Госдепартамента засекречивают, почти наверняка в «автоматическом» режиме.

Вместе с тем, высокая политическая актуальность тематики ЕПБО в контексте трансатлантических отношений способствовала тому, что несколько бывших и действующих сотрудников американских внешнеполитических ведомств обратились к составлению крупных работ по данному вопросу. В связи с тем, что по своему служебному положению они обладали расширенными возможностями получения информации, эти работы можно охарактеризовать, как обладающие определенными чертами

---

¹³ Отчет о встрече, составленный в посольстве США в Финляндии, был опубликован на сайте Викиликс. См.: NATO Ambassador Burns' Visit to Helsinki. December 16, 2004. URL: https://wikileaks.org/plusd/cables/04HELSINKI1571_a.html

исторического источника (подробнее о них см. в разделе «Обзор историографии»).

В связи с ограниченностью доступа к материалам дипломатического обмена между США и их европейскими контрагентами большое значение имеет анализ официальных выступлений и заявлений перед прессой американских и европейских политиков и дипломатов. Более того, некоторые из этих политиков, например, министр обороны США Д. Рамсфельд, часто приносили в подобные выступления элементы эмоциональной окрашенности. Это дает дополнительные возможности, позволяет понять американское восприятие обстоятельств, связанных с формированием ЕПБО, под несколько другим углом зрения, по сравнению с изучением сугубо официальных документов. Средством доступа к этим материалам является интернет. Речь идет об архивных и действующих сайтах министерств и ведомств США: Белого дома¹⁴, Госдепартамента¹⁵, Пентагона¹⁶.

Отдельно стоит упомянуть материалы слушаний и пленарных заседаний Конгресса США¹⁷. Наиболее активное обсуждение вопросов, связанных с европейскими планами усиления военной автономии, происходило в Конгрессе в период с начала 1990-х и до середины 2000-х гг. В это же время происходила и выработка общей американской политики по данному вопросу. Дискуссии конгрессменов и материалы выступлений на слушаниях позволяют более объемно понять настроения американского политического класса в отношении европейских оборонных инициатив, развивавшихся первоначально в рамках НАТО (в виде Европейской идентичности в сфере безопасности и обороны – ЕИБО), а затем и за этими рамками (в форме Европейской политики безопасности и обороны – ЕПБО). Дебаты в Конгрессе наглядно отражают процесс формирования подходов

---

¹⁴ Действующий сайт – URL: <http://www.whitehouse.gov>; архивные сайты – URL: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov>; <https://clinton3.nara.gov/>

¹⁵ Действующий сайт – URL: www.state.gov; архивные сайты – URL: <http://2001-2009.state.gov>; URL: <https://1997-2001.state.gov>

¹⁶ Действующий сайт – URL: <http://defense.gov/>; архивный сайт – URL: <http://archive.defense.gov>

¹⁷ Их можно найти на сайте Издательства правительства США: URL: <https://www.gpo.gov/fdsys>

американского истеблишмента по данному вопросу, причем этот процесс активно развивался еще в первой половине 1990-х гг., одновременно с первыми после «холодной войны» инициативами Франции и Германии в указанной сфере. Таким образом, к моменту заключения соглашения в Сен-Мало, то есть к началу зарождения ЕПБО, отношение высших кругов США по этому кругу вопросов уже было выработано.

Материалы работы Конгресса являются тем более репрезентативными, что в этих дебатах в качестве конгрессменов участвовали лица, впоследствии занявшие важные посты в аппарате исполнительной власти, например, такие как сенатор-республиканец У. Коэн, в будущем – министр обороны в администрации президента У. Клинтона, или сенатор – демократ Дж. Байден, избранный в 2008 г. вице-президентом США. Кроме того, в ходе слушаний их участники, как сами конгрессмены, так и приглашенные представители исполнительной власти или эксперты, делали намного более откровенные и эмоциональные высказывания, чем в других публичных выступлениях.

Дополнительным источником фактической информации послужили доклады Исследовательской службы Конгресса США, где можно в сжатом виде найти описание того или иного международного вопроса, в частности отношений НАТО и Евросоюза, а равно и характеристику американской позиции по этой теме¹⁸.

Что касается документов на европейской «стороне», то их можно найти на сайтах НАТО¹⁹, учреждений Евросоюза²⁰. Кроме того, начиная с 2001 г. систематическую публикацию документов, связанных с развитием ЕПБО, проводит Институт стратегических исследований Евросоюза (до 2001

---

¹⁸ Обширная база текстов таких докладов имеется, например, на сайте библиотеки Университета Северного Техаса: http://digital.library.unt.edu/explore/collections/CRSR/browse/?q=&t=dc_title

Сама Исследовательская служба Конгресса США не публикует свои доклады в свободном доступе, хотя они и не являются секретными.

¹⁹ North Atlantic Treaty Organization. URL: nato.int.

²⁰ Сайт Совета ЕС - URL: <http://www.consilium.europa.eu/en/home/>; сайт Европейской комиссии – URL: <http://ec.europa.eu/>; сайт Общей политики безопасности и обороны (так с 2009 г. называется ЕПБО) - https://eeas.europa.eu/topics/common-security-and-defence-policy-csdp_en

г. он являлся структурой Западноевропейского союза – ЗЕС). Сборники этих документов²¹ можно найти на сайте ИСС ЕС²². В сборниках представлены материалы заседаний Совета ЕС, совещаний министров обороны и министров иностранных дел Евросоюза, саммитов ЕС и тех или иных стран мира, заявления и выступления Верховного представителя ЕС по внешней политике и политике безопасности (с 1999 г. по 2009 г. этот пост занимал Х. Солана). Все эти материалы представляют документальную базу изучения самого процесса формирования ЕПБО, без понимания которого, разумеется, невозможно анализировать позицию США по данному вопросу.

Для изучения позиции Франции были использованы, в частности материалы Елисейского дворца, французских министерств обороны и иностранных дел периода кон. 1990-х – первой половины 2000-х годов. Для этого были задействованы актуальные и архивные интернет-ресурсы французских официальных ведомств²³.

Безусловно, важную роль в качестве источника имеют материалы прессы. Среди американских газет наиболее информативной с точки зрения изучения политики Соединенных Штатов в рамках трансатлантических отношений являлась «International Herald Tribune», поскольку до 2003 г. она представляла собой совместное издание по международным вопросам двух ведущих газет США – «New York Times» и «Washington Post». Статьи самих этих двух газет также были использованы в качестве источника, также как и статьи газеты «Wall Street Journal».

---

²¹ From St-Malo to Nice. European defence: core documents. Chaillot Paper 47, Paris – May 2001; From Nice to Laeken. European defence: core documents. Vol. II. Chaillot Paper 51, Paris – April 2002; From Laeken to Copenhagen. European defence: core documents. Vol. III. Chaillot Paper 57, Paris - February 2003; From Copenhagen to Brussels. European defence: core documents. Vol. IV. Chaillot Paper 67, Paris - December 2003; European defence: core documents. Vol. V. Chaillot Paper 75, Paris – February 2005; EU security and defence. Core documents 2005. Vol. VI. Chaillot Paper 87, Paris – March 2006; EU security and defence. Core documents 2006. Vol. VII. Chaillot Paper 98, Paris – March 2007; EU security and defence. Core documents 2007. Vol. VIII. Chaillot Paper 112, Paris – October 2008; EU security and defence. Core documents 2008. Vol. IX. Chaillot Paper 117, Paris – July 2009; European Union security and defence. Core documents 2009. Vol. X. Paris – July 2010.

²² European Union Institute for Strategic Studies. URL: <http://www.iss.europa.eu>

²³ Direction de l'Information Légale et Administrative. URL: <http://discours.vie-publique.fr/>

Ministere de la Defense. URL: <https://web.archive.org/web/20040102215604/http://www.defense.gouv.fr/>

Среди использованных европейских изданий необходимо выделить британские газеты «Financial Times», «Guardian», еженедельники «Economist» и военно-политическое издание «Jane's Defence Weekly». В нем можно найти важные подробности о практических деталях достижения и реализации тех или иных соглашений в рассматриваемой области.

Статьи в англоязычной версии германского журнала «Spiegel» содержат сведения о различных аспектах позиции ФРГ по изучаемому кругу вопросов. Также большой фактический материал об обстоятельствах политических процессов в Европе вокруг вопроса формирования ЕПБО содержится в информационных сообщениях британской службы новостей Би-Би-Си, для доступа к которым использовался ее интернет-сайт²⁴.

Обзор историографии

Пристальное внимание отечественных исследователей, начиная с советского периода, привлекало **развитие трансатлантических отношений в широком смысле** этого термина. С точки зрения анализа взаимоотношений между США и Европой, как военно-политическими конкурентами, нужно выделить работу А.И. Уткина «Доктрина атлантизма и европейская интеграция»²⁵. В ней автор, в частности, характеризует европейские устремления в направлении политической автономии, как «европейский сепаратизм»²⁶. В целом, работа посвящена анализу идейных подходов к проблеме европейской «автономии» или «сепаратизма» со стороны представителей, соответственно, европеистов и атлантистов.

Из других работ советского периода по данной тематике необходимо выделить коллективную монографию «США и западноевропейские “центры силы”»²⁷.

---

²⁴ BBC News Service. URL: <http://www.bbc.com/>

²⁵ Уткин А.И. Доктрина атлантизма и европейская интеграция. М., 1979.

²⁶ Там же, С. 13.

²⁷ Давыдов В.Ф., Оберемко Т.В., Уткин А.И. США и западноевропейские “центры силы”. М., 1978.

Анализу американско-европейских противоречий в военно-политической сфере в период «холодной войны» посвящена книга В.С. Михеева «США, Франция и европейская безопасность (1958-1992)»²⁸. Особое внимание, уделенное в данной работе политике Франции, обусловлено особой ролью Парижа, как основного оппонента Вашингтона в Европе в обозначенный период, в контексте трансатлантических дебатов о европейской безопасности.

Изучению отношений между США и их европейскими союзниками на различных этапах «холодной войны» были посвящены, в частности, такие исследования советских ученых, как «Атлантические отношения и современность»²⁹ (автор – Г.А. Воронцов), «Атлантические союзники: новые тенденции в соперничестве»³⁰ (Г.А. Воронцов, А.И. Уткин), «США – диктатор НАТО»³¹ (С.А. Караганов, Г.А. Трофименко, В.С. Шеин), «Геополитика империализма США: атлантическое направление»³² (И.Б. Пономарева, Н.А. Смирнова). Эти работы отличает большое внимание к вопросам соотношения социально-экономических потенциалов США и Западной Европы и влияния изменений в этом балансе на развитие американско-европейских отношений.

Отечественными исследователями большое внимание уделяется изучению таких сюжетов, как **развитие процесса европейской военно-политической интеграции и отношению к нему со стороны США.**

Фундаментальный вклад в изучение истории Европейской политики безопасности и обороны внес выдающийся специалист по Европейскому Союзу – академик В.В. Журкин. Многие годы он посвятил исследованию военно-политических аспектов европейской интеграции. Результаты его аналитической деятельности по данному вопросу изложены в ряде трудов, в

---

²⁸ Михеев В.С. США, Франция и европейская безопасность (1958-1992), М., 1993.

²⁹ Воронцов Г.А. Атлантические отношения и современность. М., 1977.

³⁰ Воронцов Г.А., Уткин А.И. Атлантические союзники: новые тенденции в соперничестве. М., 1983.

³¹ Караганов С.А., Трофименко Г.А., Шеин В.С. США – диктатор НАТО. М., 1985.

³² Пономарева И.Б., Смирнова Н.А. Геополитика империализма США: атлантическое направление. Под ред. Е.М. Примакова. М., 1986.

которых последовательно отслеживается развитие военно-политических институтов ЕС³³. К настоящему времени наиболее масштабно свое видение данного вопроса В.В. Журкин изложил в книге «Военная политика Евросоюза»³⁴. В этой монографии рассматривается многолетняя история военного-политического направления в деятельности ЕС. Большое внимание в ней уделено становлению и развитию структур планирования и руководства, дискуссиям и декларациям о модернизации военного потенциала, результатам военных и гражданских операций ЕС. Определенное внимание уделено и отношениям ЕС и США вокруг развития темы ЕПБО. В частности, в контексте общей картины развития ЕПБО очерчена фактическая сторона сюжета о европейско-американском конфликте вокруг проекта формирования командного центра ЕС в Тервюрене.

Основное внимание в данной книге В.В. Журкин уделяет бюрократическим процессам формирования в рамках Евросоюза структур ЕПБО и другим аспектам институциональной деятельности ЕС на данном направлении. При этом общая оценка им итогов развития ЕПБО представляется чрезмерно оптимистичной. В частности, в свете событий 2011 – 2016 гг. вокруг европейского континента и реакции на них со стороны ЕС трудно согласиться с таким тезисом: «Подводя же итог... оценок в балансе [успехов и неудач ЕПБО – авт.], следует признать, что достижения явно превалируют в военной политике Евросоюза над недостатками. Общий вывод о том, что Общая политика безопасности и обороны³⁵ ЕС не просто

---

³³ Основные из них: Журкин В.В. Европейский Союз: внешняя политика, безопасность, оборона. М., 1998.; Журкин В.В. Европейский Союз в XXI веке: Европейская политика безопасности и обороны. М., 2005.; Журкин В.В. Европейская армия: Поражения и победы. Общая политика безопасности и обороны ЕС. М., 2012.

³⁴ Журкин В.В. Военная политика Евросоюза. М., 2014.

³⁵ В.В. Журкин использует в своей книге это название данного направления в деятельности Евросоюза - Общая политика безопасности и обороны (Common Security and Defence Policy), - официально принятое ЕС после вступления в силу Лиссабонского договора в 2009 г. В разные периоды в обиходе ЕС использовались и другие названия (подробнее см. ниже).

состоялась, но сделала это достаточно эффективно, коротко говоря, оптимален»³⁶.

Развитие американо-европейских отношений в 1991 – 2004 гг. вокруг вопроса европейской военно-политической интеграции проанализировал в своей работе М.А. Троицкий³⁷. Эта тема является одной из составных частей в его монографическом обзоре, посвященном общему контексту модернизации системы американо-европейского партнерства после распада биполярной системы. В частности, этот автор затрагивает сюжеты формирования европейских структур единой внешней и оборонной политики и реакции на это США³⁸, а также развития проекта ЕИБО в рамках НАТО³⁹. М.А. Троицкий справедливо указывает, что системными факторами, сдерживавшими активность ЕС, как единого института, в международной и военно-политической сферах были кардинальные противоречия как между различными группами стран-членов Евросоюза, так и между этими странами, с одной стороны, и его наднациональными органами управления – с другой⁴⁰.

Нужно отметить, что исходя из логики своего исследования, М.А. Троицкий разделил темы европейской внешней и оборонной политики и ЕИБО и рассматривает их в разных частях данной работы, одну тему – в главе о политике США в отношении Евросоюза, а вторую – в главе о политике США в рамках НАТО. Однако такой подход видится не вполне обоснованным, так как, безусловно, и ЕПБО, и ЕИБО представляют собой проявления одного и того же процесса – политики европейских государств, направленной на достижение большей самостоятельности от США в военно-политической сфере.

Емкая и содержательная характеристика процесса становления ЕПБО и влияния на этот процесс со стороны США содержится в монографии З.У.

---

³⁶ Там же. С. 254.

³⁷ Троицкий М.А. Трансатлантический союз. 1991–2004. Трансформация системы американо-европейского партнерства после распада биполярности. М., 2004.

³⁸ Там же. С. 76–87.

³⁹ Там же. С. 176–188.

⁴⁰ Там же. С. 85–86.

Махмудовой «Конфедерализм: концепции и практика в современном мире»⁴¹. Автор данного исследования, в котором подробно рассмотрен ряд политических аспектов эволюции Евросоюза, отмечает, что на развитии Общеввропейской внешней политики и политики безопасности (далее – ОВПБ), а соответственно и ЕПБО, как составной части ОВПБ, негативно отразилась «проблема неполной международной правосубъектности ЕС»⁴². Со своей стороны, Соединенные Штаты использовали эту проблему, чтобы максимально приуменьшить значение и роль ОВПБ, как одного из направлений деятельности Евросоюза. З.У. Махмудова отмечает, что одной из причин отсутствия ощутимых успехов у ЕПБО было «доминирование США и стремление Вашингтона оставить ОВПБ Евросоюза в подчинении НАТО, а в более широком плане – определить место ОВПБ только как составной части общей трансатлантической политики, формально совместного “стратегического детища” Европы и Северной Америки»⁴³.

Сотрудник Института США и Канады РАН М.М. Панюжева в начале 2016 г. опубликовала статью, посвященную анализу идейной сущности дебатов между США и Францией вокруг вопроса о путях развития европейской системы безопасности. Автор во многом сводит конкуренцию между НАТО и ЕПБО к противодействию между идеологическими доктринами атлантизма и европеизма⁴⁴. Носителями этих доктрин, по мнению М.М. Панюжевой, являются, соответственно, США и Франция. Исходя из этого, трансатлантические разногласия 1990–2000-х годов вокруг ЕПБО предстают в виде почти исключительно американо-французского противоборства, основанного на идейной базе. Как представляется, такой подход несколько преувеличивает идеологический фактор, однако сама по себе подобная постановка вопроса, безусловно, заслуживает внимания.

---

⁴¹ Махмудова З.У. Конфедерализм: концепции и практика в современном мире. М. 2009.

⁴² Там же. С. 57.

⁴³ Там же. С. 58.

⁴⁴ Панюжева М.М. Европейская безопасность: атлантизм vs европеизм// Современная Европа. 2016. №1.

Два хронологически последовательных очерка отношений США и Евросоюза в связи с вопросом европейской оборонной интеграции опубликовали В.И. Батюк и В.А. Мазинг⁴⁵.

Среди диссертаций последнего времени следует отметить работу Н.Ю. Тузовской «Отношения ЕС и НАТО в процессе трансформации европейской системы безопасности»⁴⁶. Основным направлением данного исследования является изучение процесса институционального взаимодействия между НАТО и Евросоюзом в связи с развитием проекта европейской оборонной автономии. Н.Ю. Тузовская выделяет три этапа в развитии такого взаимодействия:

1) Период 1991–1998 гг., который автор называет «подготовительным», когда основным контрагентом НАТО был Западноевропейский союз (ЗЕС), а Североатлантический альянс «доминировал как основной институт обеспечения безопасности на европейском континенте».

2) Период 1999–2003 гг., начало формирования новой модели отношений, основанной на принципе политической автономии европейских союзников в процессе принятия решений. По сути, речь идет о периоде с момента встречи в Сен-Мало и до принятия соглашения «Берлин Плюс». В отношениях между НАТО и ЕС декларируется состояние «стратегического партнерства».

3) Начиная с 2003 г. НАТО и ЕС предпринимают попытки реализовать это «стратегическое партнерство» на практике⁴⁷.

Как можно заметить, приведенная периодизация опирается на соответствующие этапы в развитии ЕПБО. Первый этап – период развития

---

⁴⁵ Батюк В. И., Мазинг В. А. Европа в военной политике администрации Буша// США-Канада: экономика, политика, культура. 2001. № 10.

Батюк В. И., Мазинг В. А. Проблема европейской оборонной интеграции и США// США-Канада: экономика, политика, культура. 2002. № 1.

⁴⁶ Тузовская Н.Ю. Отношения ЕС и НАТО в процессе трансформации европейской системы безопасности: диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. Москва, Институт Европы РАН, 2009.

⁴⁷ Там же. С. 64.

проекта европейской оборонной автономии в рамках НАТО, второй – период между встречами в Сен-Мало и вступлением в действие соглашения «Берлин Плюс» и, наконец, третий этап – период после формального вступления в силу указанного соглашения.

Следует также отметить, что при анализе взаимодействия НАТО и ЕС Н.Ю. Тузовская, по сути, исходит из того, что эти организации являются международными акторами, самостоятельно определяющими пути своего развития и характер отношений между собой. При этом интересы национальных государств, как США – с одной стороны, так и ведущих европейских стран – с другой, оказываются в тени.

Помимо диссертации Н.Ю. Тузовской динамика подходов США к вопросу о европейской оборонной автономии была рассмотрена в диссертации В.В. Цыкало «Европейская оборонная идентичность в трансатлантических отношениях и Россия»⁴⁸. Автор этого исследования отмечает, что американское отношение к европейской политике в области безопасности и обороны носило двойственный характер. «С одной стороны – это поддержка, с другой – опасения, что подобное усиление может расколоть НАТО политически или отвлечь ресурсы от основных задач и подорвать атлантический компонент во внешней политике США»⁴⁹.

Вместе с тем следует отметить, что некоторые базовые тезисы, выдвинутые в диссертации В.В. Цыкало, представляются недостаточно обоснованными. В частности, трудно полностью согласиться с его характеристикой подхода администрации Дж. Буша-мл: «Сейчас [т.е. в середине 2000-х гг. – авт.] администрация Дж. Буша критикует позиции предыдущей администрации за слишком высокую настороженность и

---

⁴⁸ Цыкало В.В. «Европейская оборонная идентичность в трансатлантических отношениях и Россия: диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. М., Дипломатическая академия МИД России, 2007.

⁴⁹ Там же. С. 77.

озабоченность, призывая тем самым снять напряжение и оказать более энергичную поддержку европейцам»⁵⁰.

Как показала практика трансатлантических отношений, именно на период правления администрации Дж. Буша-мл., в частности, на 2003 г., пришелся наиболее острый этап противоречий между США и сторонниками оборонной автономии в Европе.

Также обращает на себя внимание, что некоторые части текста диссертации, касающиеся темы политики США в отношении ЕПБО, напрямую и без ссылок заимствованы из работ В.В. Журкина⁵¹.

В диссертациях Р.О. Лобанова⁵², В.В. Тиховой⁵³ и Н.Н. Коварского⁵⁴, основным предметом исследования которых является военно-политическая интеграция в рамках ЕС, рассмотрена и политико-дипломатическая канва отношений между НАТО и Евросоюзом вокруг вопроса о развитии ЕПБО.

Следует выделить диссертацию А.В. Пилько⁵⁵ и написанную на ее основе монографию⁵⁶. Несмотря на то, что ЕПБО или европейские сообщества не являются предметом указанного исследования, проанализированный в нем сюжет «кризиса доверия» между США и их европейскими союзниками является одним из этапов в трансатлантических отношениях, предшествовавших дискуссиям вокруг ЕПБО. Более того, сравнение этих двух сюжетов позволяет выявить значимые аналогии. Например, как отмечает А.В. Пилько, «основной линией конфликта [в ходе «кризиса доверия» – авт.], несомненно, были только американо-французские

---

⁵⁰ Там же. С. 77-78.

⁵¹ В частности, см. с. 86 и далее.

⁵² Лобанов Р.О. Проблемы внешней политики, безопасности и обороны в деятельности Европейского Союза: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., Московский государственный областной университет, 2005.

⁵³ Тихова В.В. Формирование Общей внешней политики и политики безопасности Европейского Союза (1992 – 2004 гг.): диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., МГИМО МИД России, 2006.

⁵⁴ Коварский Н.Н. Военно-политическая интеграция ЕС: направления, формы, методы: диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. М., Дипломатическая академия МИД России, 2007.

⁵⁵ Пилько А.В. "Кризис доверия" в НАТО и его влияние на политику альянса в Европе, 1956 - сер. 60-х гг.: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., МГУ им. М.В. Ломоносова, 2003.

⁵⁶ Пилько А.В. "Кризис доверия" в НАТО: альянс на пороге перемен (1956-1966). М., 2007.

отношения»⁵⁷. В свою очередь, дебаты вокруг проекта ЕПБО были обусловлены далеко не только американско-французскими противоречиями, однако именно противостояние США и «евроголлистов» во главе с Францией вносило в эти дебаты основной конфликтный потенциал. В 1990 – 2000-е гг. в американском истеблишменте было широко распространено убеждение, что проект европейской оборонной автономии является продолжением прежней «французской стратегии», проявившейся еще в период «кризиса доверия».

Из числа диссертационных работ также необходимо отметить диссертацию Ф.Г. Войтоловского, в которой он затрагивает вопрос об американских подходах к развитию ЕПБО в общем контексте эволюции трансатлантических отношений в 1990 – 2000 гг.⁵⁸

О.В. Приходько в 2000 г. опубликовал обстоятельный обзор политики США в отношении идеи «европейской оборонной идентичности» в рамках ЗЕС в 1990-е годы⁵⁹, а в 2004 г. – очерк взаимодействия США и ЕС вокруг темы ЕПБО в начале 2000-х гг.⁶⁰

Необходимо отметить, что большинство российских специалистов, обращавшихся к теме развития европейской интеграции в сфере внешней политики, безопасности и обороны, **рассматривает историю ЕПБО по «самодостаточному» принципу**, то есть с точки зрения внутренней логики развития этой политики. При этом вопрос об отношении к ней Соединенных Штатов остается в стороне.

Так, очень подробное и всестороннее фактологическое изложение процесса развития ЕПБО содержится в разделе «Формирование общей внешней политики и политики безопасности (ОВПБ)» ежеквартального

---

⁵⁷ Пилько А.В. "Кризис доверия" в НАТО и его влияние на политику альянса в Европе, 1956 - сер. 60-х гг.: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., МГУ им. М.В. Ломоносова, 2003. С. 205.

⁵⁸ Войтоловский Ф.Г. Идеология и практика атлантизма во внешней политике США: диссертация на соискание ученой степени доктора политических наук. Москва, ИМЭМО РАН, 2013.

⁵⁹ Приходько О.В. Западное «сообщество безопасности»: взгляд по обе стороны Атлантики. // США и Европа: перспективы взаимоотношений на рубеже веков. М., 2000. С 49–60.

⁶⁰ Приходько О.В. Трансатлантические отношения в сфере безопасности и их влияние на внешнеполитические позиции России. М., 2004.

обозрения «Европейский Союз: факты и комментарии», которое публикуется Институтом Европы РАН с 1995 г.⁶¹ Автором указанного раздела является заведующий Отделом европейской безопасности ИЕ РАН Д.А. Данилов.

Текущая эволюция ОВПБ явилась предметом исследования таких монографий, изданных Институтом Европы, как «Безопасность Европы»⁶² и «Европейский союз в XXI веке: время испытаний»⁶³.

Целый ряд работ, посвященных процессу формирования внешней политики Евросоюза, особенно его бюрократического аппарата, опубликовали такие исследователи, как Т.Н. Андреева⁶⁴, Л.О. Бабынина⁶⁵, И.А. Истомин⁶⁶, Л.О. Кузьмичева⁶⁷, М.Г. Носов⁶⁸, А.С. Сидоров⁶⁹, И.Н. Тарасов,⁷⁰ С.В. Уткин⁷¹. Последний автор посвятил ОВПБ диссертацию⁷². В 2013 г. влияние экономического кризиса в Евросоюзе на внешнюю и оборонную политику ЕС стало предметом обсуждения ученого совета ИМЭМО РАН⁷³. Необходимо также отметить исследование И.Д. Иванова, посвященное изучению военно-промышленного комплекса Евросоюза в контексте развития европейской оборонной интеграции⁷⁴.

С другой стороны, большое число отечественных исследователей обращалось к теме развития ситуации в НАТО и связанными с этим

---

⁶¹ Европейский Союз: факты и комментарии. Институт Европы Российской Академии Наук, Ассоциация Европейских Исследований (АЕВИС). Архив. URL: <http://www.edc-aes.ru/ru/union/archive>

⁶² Журкин В.В. (ред.). Безопасность Европы. М., 2011. См. главу 9: Рубинский Ю.И. Военное измерение европейской интеграции.

⁶³ Потемкина О.Ю. Европейский союз в XXI веке: время испытаний. М., 2012. См. главу 4: Арбатова Н.К. Роль ЕС в системе европейской безопасности после Лиссабонского договора; и главу 10: Данилов Д.А. Общая внешняя политика, политика безопасности и обороны.

⁶⁴ Андреева Т.Н. Военно-технический фактор политической интеграции ЕС. // Мировая экономика и международные отношения. 2006. №8.

⁶⁵ Бабынина Л.О. Дифференциация в рамках ОВПБ/ЕПБО Евросоюза. // Обозреватель-Observer. 2010. №4.

⁶⁶ Истомин И.А. Внешняя политика ЕС в современном мире. // Международные процессы. 2008. №3.

⁶⁷ Кузьмичева Л. О. "Внешнее измерение" сотрудничества ЕС по вопросам безопасности и обороны. // Мировая экономика и международные отношения. 2006. №8.

⁶⁸ Носов Н.Г. Зачем Европе собственная армия? // Современная Европа. 2005. № 1.

⁶⁹ Сидоров А.С. Вооруженные силы ЕС: реальность или химера?// Современная Европа. 2012. № 1.

⁷⁰ Тарасов И.Н. Перспективы внешнеполитического единства ЕС. // Международные процессы. 2007. №3.

⁷¹ Уткин С.В. Основные инструменты Общей внешней политики и политики безопасности Европейского Союза. // Мировая экономика и международные отношения. 2005. №11.

⁷² Уткин С.В. Процесс формирования общей внешней политики и политики безопасности Европейского Союза: диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. Москва, ИМЭМО РАН, 2006.

⁷³ Ученый совет ИМЭМО. Влияние кризиса на внешнюю и оборонную политику ЕС. // Мировая экономика и международные отношения. 2013. №8.

⁷⁴ Иванов И.Д. Военно-промышленный комплекс Евросоюза. // Современная Европа. 2006. № 1.

отношениями между США и ведущими европейскими странами, но не затрагивая при этом темы ЕПБО. Можно отметить работы по этой теме В.И. Батюка⁷⁵, Ю.П. Давыдова⁷⁶, П.Л. Иванова⁷⁷, А.М. Кокеева⁷⁸, О.Ю. Коровина⁷⁹, Д.С. Мироновой⁸⁰, Ю.И. Надточей⁸¹, О.В. Приходько⁸², А.В. Ракова⁸³, П.Е. Смирнова⁸⁴, Н.Ю. Тузовской⁸⁵, В.В. Штоля⁸⁶. Следует также отметить статью А.А. Филатовой, посвященную анализу политики Франции по отношению к НАТО и связанным с этим особенностям взаимодействия ЕС–НАТО⁸⁷.

Наконец, необходимо также выделить такой подраздел в сфере изучения трансатлантических отношений, как **исследования, касающиеся связей США и Евросоюза в широком смысле**, затрагивающие общий контекста политического, экономического и идейного восприятия друг друга представителями противоположных сторон Атлантики. Сюда следует

---

⁷⁵ Батюк В.И. Отношения США и НАТО в начале XXI века. // США-Канада: экономика, политика, культура. 2003. № 10.

⁷⁶ Давыдов Ю.П. Норма против силы. Проблема мирорегулирования. М., 2002; Давыдов Ю.П. «Старый» европеизм против «нового» атлантизма? // США-Канада: экономика, политика, культура. 2003. № 9.

⁷⁷ Иванов П.Л. Трансформация НАТО: век нынешний и век минувший. // Мировая экономика и международные отношения. 2003. №1.

⁷⁸ Кокеев А.М. Трансатлантические отношения во внешней политике Германии. // Мировая экономика и международные отношения. 2015. №11.

⁷⁹ Коровин О.Ю. США и «смена караула» в НАТО. // США-Канада: экономика, политика, культура. 2000. № 4.

⁸⁰ Миронова Д.С. Трансформация НАТО в контексте глобального финансово-экономического кризиса. // Мировая экономика и международные отношения. 2016. №6.

⁸¹ Надточей Ю.И. Назад в Евро-Атлантику: почему НАТО перестает быть глобальной организацией? // Мировая экономика и международные отношения. 2014. №6.

⁸² Приходько О.В. США и политика партнерства НАТО. // США-Канада: экономика, политика, культура. 2013. № 3.

⁸³ Раков А.В. Атлантический альянс в эпоху перемен. // Международные процессы. 2011. №1.

⁸⁴ Смирнов П.Е. США и НАТО: есть ли будущее у альянса? // США-Канада: экономика, политика, культура. 2000. № 4.

⁸⁵ Тузовская Н.Ю. Трансформация НАТО: от концепции к практике. // Мировая экономика и международные отношения. 2008. №3.

⁸⁶ См. его обобщающую работу по данной теме: Штоль В.В. Армия "Нового мирового порядка". М., 2010.

⁸⁷ Филатова А.А. Франция-НАТО: что стоит за решением о возврате в военную структуру? // Современная Европа. 2010. № 1.

отнести работы А.Ю. Давыдова⁸⁸, Ю.П. Давыдова⁸⁹, В.Л. Иноземцева⁹⁰, Л.Ф. Лебедевой и Г.Ф. Фейгина⁹¹, М.Г. Носова⁹², О.В. Приходько⁹³, А.И. Уткина⁹⁴.

* * *

Тематика подходов США к развитию ЕПБО стала предметом многочисленных исследований зарубежных авторов в течение 1990 – 2000-х гг., что обусловлено большой практической значимостью данного вопроса с точки зрения текущей политики стран Запада. Однако большинство из них отличает публицистическая направленность. Она заключается в том, что их целью являлся не столько анализ причинно-следственных связей фактически произошедших событий, сколько попытка оказать воздействие на их дальнейшее развитие, убедить политиков и экспертов в необходимости действовать в данной политической области тем или иным образом. В качестве примера можно привести анализ негативных для США сторон формирования ЕПБО, сделанный в 2001 г. известнейшим американским политическим деятелем и ученым Г. Киссинджером в его публицистической книге «Нужна ли Америке внешняя политика?»⁹⁵. Его позиция кратко изложена следующим образом: «В период «холодной войны» интеграция

---

⁸⁸ Давыдов А.Ю. Экономика определяет политику? (Проблемы внешнеэкономических связей США со странами Евросоюза). // США-Канада: экономика, политика, культура. 2012. № 10.

⁸⁹ Давыдов Ю.П. Стратегические культуры США и Европы. // США-Канада: экономика, политика, культура. 2006. № 3.

⁹⁰ Иноземцев В.Л. США и ЕС в новом столетии: союзники или соперники? // США-Канада: экономика, политика, культура. 2002. №№ 9, 10.

⁹¹ Лебедева Л.Ф., Фейгин Г.Ф. Факторы и условия трансатлантической интеграции. // США-Канада: экономика, политика, культура. 2015. № 5.

⁹² Носов М.Г. Глобальные аспекты трансатлантических отношений. // Современная Европа. 2006. № 2; Носов М.Г. Отношения ЕС-США: политика, экономика, безопасность. // Современная Европа. 2014. № 4; Носов М.Г. ЕС – США и Канада. // Громыко Ал.А., Носов М.Г. Европейский Союз в поиске глобальной роли: политика, экономика, безопасность. М., 2015.

⁹³ Приходько О.В. Кризис атлантизма или смена традиционной модели? // США-Канада: экономика, политика, культура. 2004. № 8; Приходько О.В. Какая Европа нужна США? // США-Канада: экономика, политика, культура. 2006. №2; Приходько О.В. «Американский интернационализм» vs «европейская многосторонность». // США-Канада: экономика, политика, культура. 2008. № 10; Приходько О.В. Формирование европейской политики администрации Обамы. // США-Канада: экономика, политика, культура. 2010. № 5; Приходько О.В. Обновление и преемственность в отношениях США с Европой. // Внешняя политика администрации Б. Обамы (2009-2012) / Отв. ред. В.А. Кременюк. М., 2012.

⁹⁴ Уткин А.И. США-ЕС: два полюса, два взгляда. // США-Канада: экономика, политика, культура. 2005. № 7.

⁹⁵ Киссинджер Г. Нужна ли Америке внешняя политика? М., 2002. С. 48-54.

европейских государств приветствовалась как метод укрепления трансатлантического партнерства; сегодня многие из сторонников интеграции рассматривают ее как средство создания противовеса Соединенным Штатам. Отличительной чертой вооруженных сил Европейского Союза, которые будут созданы к 2003 г., является возможность их использования вне рамок НАТО»⁹⁶.

В то же время, число исследований, комплексно и ретроспективно изучающих **американскую политику в отношении проектов европейской оборонной автономии** не столь велико.

Одной из наиболее важных американских работ по этому вопросу является книга представителя США при НАТО в 1993 – 1998 гг. Р. Хантера «Европейская политика безопасности и обороны: партнер или конкурент НАТО?»⁹⁷ Эта работа является не воспоминаниями о работе на должности посла, а масштабным и глубоким исследованием американской политической линии в отношении НПБО и НАТО. При этом книга носит и определенные черты исторического источника. Будучи американским представителем, который участвовал в дипломатическом взаимодействии, периодически превращавшимся в дипломатическую борьбу, с европейскими контрагентами, Р. Хантер хорошо знаком с информацией о подоплеке позиций и решений сторон по тем или иным вопросам.

Его анализ и комментарии тех или иных документов, которые принимались в рамках европейских и натовских структур, особенно полезен тем, что они раскрывают во всех деталях политический смысл, скрывающийся за бюрократическими формулировками. В связи с тем, что указанные документы написаны дипломатически-правовым языком, весьма непрым для понимания сторонним человеком, пояснения Р. Хантера, в силу его опыта в совершенстве владеющего этим стилем, имеют важнейшее

---

⁹⁶ Там же. С. 20.

⁹⁷ Hunter R. E. The European Security and Defense Policy: NATO's Companion - or Competitor? RAND, Santa-Monica, CA, 2002.

значение, поскольку в других работах по данной тематике такой информации практически не имеется.

Что касается концептуального подхода Р. Хантера к ЕПБО, то его взгляды в полной мере отражают позицию администрации Б. Клинтона. Как и другие ее представители, бывший посол США при НАТО считал, что ЕПБО представляла собой, с точки зрения американских интересов, определенный баланс достоинств и недостатков. С одной стороны, она позволяла «увеличить европейские оборонные расходы, а особенно, продемонстрировать адекватное разделение затрат (*burden sharing*) в рамках НАТО»⁹⁸. Но с другой стороны, ЕПБО потенциально несла в себе ряд опасностей для интересов США в Европе. Поэтому Вашингтону было необходимо обеспечить, чтобы «НАТО и действия ЕС в рамках ЕПБО были совместимы друг с другом, чтобы они преследовали одни и те же цели, и чтобы трансатлантическая безопасность и политические отношения были усилены, а не ослаблены в результате развития ЕПБО»⁹⁹.

Другими американскими работами по данной теме, несущими в себе некоторые черты исторического источника, являются исследования, написанные Д. Армитаджем, сотрудником Отдела анализа Европы (*Office of Analysis for Europe*), действующего в рамках Бюро по делам разведки и исследований Госдепартамента США. Этими исследованиями являются его диссертация, посвященная сравнительному анализу американской политики в отношении ЕПБО, с одной стороны, и проекта Европейского оборонительного сообщества (основанного на «плане Плевена») – с другой¹⁰⁰, а также его доклад, посвященный анализу подхода США к ЕПБО в конце 2000-х годов¹⁰¹. Сведения, представленные в работах Д. Армитаджа,

---

⁹⁸ Ibid. P. XV.

⁹⁹ Ibidem.

¹⁰⁰ Armitage Jr. D.T. *Enduring dilemmas: sources of American ambivalence toward European defense autonomy, EDC and ESDP in comparative perspective*. Dissertation. University of Maryland, 2005. URL: <http://drum.lib.umd.edu/bitstream/1903/2931/1/umi-umd-2722.pdf>.

¹⁰¹ Armitage D. *Soft Power in Hard Times: An American Perspective of ESDP after a Decade*. Paper presented at the European Union Studies Association Conference, April 23–26, 2009, Los Angeles, CA. URL: http://www.unc.edu/euce/eusa2009/papers/armitage_10J.pdf

позволяют подтвердить некоторые факты, излагаемые Р. Хантером в его книге, в частности об обстоятельствах подготовки соглашения в Сен-Мало 1998 г. Кроме того, его характеристики результатов, достигнутых ЕПБО к концу 2000-х годов, вполне можно назвать историческим источником сведений о позиции США в тот период, поскольку они исходят от действующего сотрудника внешнеполитического ведомства.

Большую работу по исследованию эволюции подходов США к ЕПБО провел американский эксперт С. Слоан, автор нескольких работ, затрагивающих данную тему¹⁰². С. Слоан долгие годы был аналитиком ЦРУ по европейским вопросам и сотрудником Исследовательской службы Конгресса США¹⁰³. Нужно отметить, что в своих работах данный автор в основном придерживается оценок, близких к официальной позиции американской администрации относительно успехов, а главное, неудач европейского оборонного проекта. Тем не менее, излагаемые им фактические сведения о роли Великобритании и Турции в ходе развития трансатлантических дебатов вокруг ЕПБО позволяют четче сформулировать общую схему реальной, а не только декларативной, американской политики на данном направлении.

Необходимо также выделить серию докладов, последовательно подготовленных в течение 2000-х гг. экспертом американского аналитического центра «Корпорация РЭНД» С. Ларраби. Несмотря на то, что его работы относятся как раз к тому жанру политической публицистики, о котором речь шла выше, тот факт, что эти доклады были написаны в хронологически последовательном порядке и содержат большое количество

---

¹⁰² Sloan S. R. The United States and European Defense. Chaillot Paper 39. Paris. April 2000; Sloan S. R. NATO, the European Union, and the Atlantic community: the transatlantic bargain challenged. Lanham, Md. 2005; Sloan S. R. Permanent Alliance? NATO and the Transatlantic Bargain from Truman to Obama. N.Y. 2010.

¹⁰³ См. его биографию на сайте американского аналитического центра «Атлантический совет»: Stanley Sloan - Nonresident Senior Fellow, Brent Scowcroft Center on International Security. URL: <http://www.atlanticcouncil.org/about/experts/list/stanley-sloan#fullbio>

фактического материала и аналитических оценок, делает их весьма полезными в рамках данного исследования¹⁰⁴.

Всех этих исследователей объединяет одна общая особенность. Будучи представителями внешнеполитического истеблишмента США, они в своих работах придерживаются подхода, весьма близкого к официальной позиции Вашингтона. Эти эксперты скорее ставят задачу обосновать эту позицию во всех ее деталях, чем показать скрытые или неафишируемые мотивы и действия США. В принципе, нельзя сказать, что это приводит к каким-либо существенным искажениям в отражаемой ими картине действительности (насколько это можно судить по доступным источникам). Скорее, речь идет о некотором смещении акцентов при описании позиции США: эти авторы в большей степени подчеркивают стремление Вашингтона поддержать проект ЕПБО, чем рассуждают о тех сугубо корыстных соображениях, которые обуславливали эту позицию США. И в еще меньшей степени эти авторы склонны пространно рассуждать о практических действиях американской стороны, направленных на сдерживание европейской активности в нужном США русле.

Из более узко предметных американских работ о позиции Соединенных Штатов в отношении ЕПБО следует выделить очерк Д. Хэмилтона¹⁰⁵, в котором он обрисовал основные концептуальные направления в рамках внешнеполитического аппарата США с точки зрения восприятия европейского оборонного проекта¹⁰⁶.

---

¹⁰⁴ Larrabee F. Stephen. The European Security and Defense Identity (ESDI) and American Interests. March 2000. URL: <http://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/testimonies/2005/CT168.pdf>; Larrabee F. Stephen. ESDP and NATO: Assuring complementarity// The International Spectator. 2004. №1; Larrabee F. Stephen. The United States and the European Security and Defense Policy: Old Fears and New Approaches. // Strategic Yearbook 2006, European Security and Defence Policy: A European Challenge. Swedish National Defence College. URL: http://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/reprints/2006/RAND_RP1232.pdf; Larrabee F. Stephen. The United States and the evolution of ESDP. December 2008. URL: http://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/reprints/2010/RAND_RP1404.pdf

¹⁰⁵ В 1994 – 2001 гг. Д. Хэмилтон занимал должность заместителя помощника госсекретаря по европейским делам.

¹⁰⁶ Hamilton D. American perspectives on the European Security and Defence Policy// Pilegaard J. (ed.) The politics of European security. Copenhagen, March 2004. Chapter 8. URL: https://pure.fak.dk/ws/files/5599553/The_Politics_of_European_Security.pdf

Осмысление процесса ЕПБО с точки зрения теории международных отношений было, в частности, предпринято профессором Массачусетского технологического института Б. Позеном¹⁰⁷. Отталкиваясь от положений школы структурного реализма, выработанных, в первую очередь, такими учеными, как К. Уолтц¹⁰⁸ и Дж. Мершаймер¹⁰⁹, он выделяет три варианта реакции государств на появление нового гегемона: создание противовеса гегемону (*balancing*), присоединение к нему в качестве сателлита в надежде на получение дивидендов (*bandwagoning*) и, наконец, перекладывание ответственности на какую-либо более мощную державу (или державы) в надежде, что она по каким-то причинам защитит их интересы перед угрозой со стороны гегемона (*buckpassing*)¹¹⁰.

По мнению Б. Позена, в период после распада СССР крупные европейские государства, исторически бывшие сильными самостоятельными державами, оказываются перед выбором между стремлением к формированию противовеса мощи США и однозначным сохранением своего статуса, как американского сателлита¹¹¹. При этом политическим воплощением первого варианта является Евросоюз, а второго – НАТО. Б. Позен подчеркивает, что стимулом для «балансирования» против США не является некая угроза со стороны США, поскольку такой угрозы в военном смысле не существует. Таким стимулом является сама по себе подавляющая американская мощь, а следовательно, и сравнительно независимость поведения США от европейских стран: Соединенные Штаты, например, могут по своему усмотрению в любой момент отказаться от исполнения многих из своих союзнических обязательств по отношению к европейцам, и это не приведет к каким-либо существенным последствиям для Вашингтона. Поэтому «крупные государства, как минимум, будут страховать себя против

---

¹⁰⁷ Posen B.R. European Union Security and Defense Policy: Response to Unipolarity?// Security Studies. 2006. № 2.

¹⁰⁸ Waltz K. N. Theory of International Politics. Reading, MA. 1979.

¹⁰⁹ Mearsheimer J. The Tragedy of Great Power Politics N.Y.2001.

¹¹⁰ Ibid. P. 155.

¹¹¹ Posen B.R. Op. cit. P. 158.

капризов США»¹¹². Именно этим мотивом, по сути, и объясняется появление ЕПБО после 1998 г.

Несколько отличающийся теоретический подход предложил другой американский эксперт, аналитик Корпорации «РЭНД» К. Чиввис¹¹³. Как и Б. Позен, он считает, что главной глубинной причиной возникновения ЕПБО являются изменения в сфере европейской безопасности после распада СССР: «В стратегической обстановке после "холодной войны" Соединенные Штаты и Европа имеют много общих интересов, однако не все эти интересы важны для обеих сторон в одинаковой степени. При отсутствии доминирующей угрозы, которую раньше представлял Советский Союз, проблемы безопасности всегда будут казаться более насущными на одной стороне Атлантики, чем на другой... Тем самым становится очевидной необходимость формирования европейских возможностей для реагирования на некоторые угрозы без опоры на Соединенные Штаты»¹¹⁴.

Далее К. Чиввис противопоставляет свой подход взглядам, высказываемым Б. Позеном. Он считает, что появление ЕПБО в результате структурных изменений после «холодной войны» необязательно означает, «что ЕПБО нацелена на создание противовеса США или любой другой державе в данном контексте. Скорее, целью было обеспечить гибкость в более изменчивом мире, где США и Европа не всегда абсолютно одинаково оценивали обстановку»¹¹⁵. К. Чиввис не считает, что ЕПБО нужна лишь для того, чтобы придать военно-политическую значимость Евросоюзу. Главным мотивом является «необходимость создать инструмент, который позволит европейским государствам реагировать на те проблемы безопасности, которые более остро или просто по-другому затрагивают их интересы по сравнению с интересами США»¹¹⁶.

---

¹¹² Ibid. P. 159.

¹¹³ Chivvis Ch. S. Birthing Athena. The Uncertain Future of European Security and Defense Policy (ESDP) // Focus stratégique. 2008. № 5. URL: http://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/Focus_strategique_5_Chivvis_PESD.pdf

¹¹⁴ Ibid. P. 10-11.

¹¹⁵ Ibid. P. 11.

¹¹⁶ Ibidem.

Как видим, разница в подходах этих американских экспертов весьма тонкая, скорее речь идет о различиях в расстановке акцентов. Б. Позен указывал на неустойчивость («капризы») во внешнеполитических предпочтениях США, как на мотив европейцев «подстраховаться». К. Чиввис рассматривает разницу в восприятии задач в сфере безопасности, в качестве подобного мотива. Однако очевидно, что и американские «капризы» вызваны той же самой разницей в восприятии. Тем самым, в обоих случаях речь идет о том, что при отсутствии общей угрозы создается почва для более или менее существенного расхождения в оценках внешнеполитических задач и угроз. Что, в свою очередь, обуславливает мотивацию европейских держав к формированию автономных от США инструментов решения таких задач.

Еще одно, основанное на постулатах структурного реализма, объяснение резкой активизации внутриевропейского сотрудничества в сфере обороны и безопасности после окончания «холодной войны» дает эксперт Корпорации РЭНД и профессор Джорджтаунского университета С. Джонс. В своей книге по данному вопросу¹¹⁷ он указывает, что этот феномен является «проявлением (function) особенностей структуры региональной системы безопасности. А именно, европейское сотрудничество в сфере безопасности обратно пропорционально американской мощи в Европе: чем меньше американское военное присутствие в Европе, тем сильнее стимул для европейского сотрудничества в сфере безопасности, направленного на нейтрализацию возможных проблем безопасности. Оно также коррелирует с мощностью Германии: чем больше мощь Германии, тем больше импульс для сотрудничества. Во время “холодной войны” большое военное присутствие США в Европе и разделение Германии сдерживали опасения, связанные с безопасностью. Все это изменилось с окончанием “холодной войны”»¹¹⁸. Таким образом, С. Джонс считает главным фактором возникновения ЕПБО не столько исчезновение СССР, воспринимавшегося в Западной Европе в

---

¹¹⁷ Jones S.G. The Rise of European Security Cooperation. Cambridge, 2007.

¹¹⁸ Ibid. P. 57-58.

качестве угрозы, сколько связанные с этим последствия в европейском военно-политическом балансе: ослабление американского военного присутствия в Европе и усиление германского фактора. При этом в силу «выученных уроков истории» усиливающуюся германскую мощь с полного согласия самой Германии было решено встроить в ЕПБО, «привязать» (bind) ее¹¹⁹. Такую стратегию «привязки» С. Джонс выделяет в качестве четвертого типа (помимо тех трех, что были упомянуты выше в связи с теоретическим подходом Б. Позена) поведения в отношении чрезмерно усиливающего центра силы¹²⁰. В данном случае в качестве такого центра выступает Германия.

Вместе с тем, С. Джонс не отвергает и идею о том, что важнейшим мотивом для развития ЕПБО было стремление европейцев добиться большей самостоятельности в отношении глобального центра силы в виде США¹²¹. Концепция о «связывании» Германии служит в качестве дополнительного объяснения.

В целом, можно констатировать, что подход к феномену ЕПБО с позиций неореализма является главенствующим в историографии США, что отражает общее господство этого направления среди американских ученых в области теории международных отношений.

Европейская историография становления ЕПБО чрезвычайно обширна. Британский ученый Дж. Хоурт отмечал в 2007 г., что «литература о ЕПБО весьма объемна, учитывая короткое время жизни этого проекта»¹²². Он также приводит высказывание Р. Купера, одного из руководителей внешней и оборонной политики ЕС, о том, что по сути, в Брюсселе проектом ЕПБО занимаются около двухсот чиновников, в то время как изучают ЕПБО тысячи ученых и студентов¹²³.

---

¹¹⁹ Ibid. P. 62.

¹²⁰ Ibid. P. 22.

¹²¹ Ibid. P. 31-32.

¹²² Howorth J. Security and Defence Policy in the European Union. Basingstoke – N.Y., 2007. P. 4.

¹²³ Ibidem.

При этом европейская историография, в отличие от американской, меньше концентрируется на вопросах политики США на данном направлении (что естественно). Европейские исследователи уделяют большое внимание «внутренним» проблемам и аспектам становления и развития ЕПБО.

Тема реакции США на становление европейского оборонного проекта разработана в монографии упомянутого выше Дж. Хоурта «Политика безопасности и обороны в Европейском Союзе»¹²⁴. Автор подробно анализирует реакцию политических и экспертных кругов США на события в процессе формирования ЕПБО. Он выделяет три источника американского скептицизма в этом отношении. Во-первых, речь шла о том, что США «подозревали Францию в создании серьезной угрозы американскому лидерству», и соответственно, рассматривали ЕПБО как французский проект. Во-вторых, Вашингтон был обеспокоен возможностью появления автономных штабных структур ЕС, причем по той причине, что они теоретически могут привести к втягиванию европейцев, а затем и США против воли Вашингтона, в некий невыгодный и ненужный для Соединенных Штатов конфликт. Наконец, в-третьих, «в долгосрочном плане США опасались, что однажды ЕПБО начнет конкурировать или даже соперничать как с НАТО, так и с американской политикой в сфере безопасности»¹²⁵.

Косовская агрессия НАТО против Югославии в 1999 г. в качестве фактора формирования ЕПБО подробно рассматривается в работах французского исследователя Ф. Бозо¹²⁶, британских военных аналитиков П. Латавски и М. Смита¹²⁷, а также в еще одной обзорной монографии по теме ЕПБО упомянутого выше Дж. Хоурта¹²⁸.

---

¹²⁴ Howorth J. Security and Defence Policy in the European Union. Basingstoke – N.Y., 2007. См. главу «Selling it to Uncle Sam ... ESDP and Transatlantic relations».

¹²⁵ Ibid. P. 177.

¹²⁶ Bozo F. The Effects of Kosovo and the danger of decoupling. // Howorth J., Keeler J. T. S. (eds.) Defending Europe. The EU, NATO and the Quest for European autonomy. Basingstoke – N.Y., 2003.

¹²⁷ Latawski P. Smith M.A. The Kosovo Crisis and the Evolution of a Post-Cold War European Security. Manchester – N.Y., 2003. См. главу «The EU's military dimension: a child of the Kosovo crisis?».

¹²⁸ Howorth J. European integration and defence: the ultimate challenge? Chaillot Paper 43. Paris - November 2000.

Отношения по линии НАТО – ЕС в контексте развития ЕПБО исследованы в работах А. Бейлс¹²⁹, Р. де Вийка¹³⁰, А. Моэнса¹³¹, Х. Ойанен¹³², С. Хоффман¹³³.

Общей тематике развития ЕПБО, **без акцента на трансатлантические отношения**, посвящено множество работ европейских авторов. В частности, можно выделить серию трудов, созданных под эгидой Института стратегических исследований Евросоюза (Париж)¹³⁴. В них исследуются вопросы организационно-политического развития европейского оборонного проекта, анализируются проекты формирования объединенных войсковых структур, «боевых групп», а также рассматривается история военно-гуманитарных, полицейских и миротворческих операций Евросоюза.

Из других европейских авторов, разрабатывавших данную тематику, можно выделить статьи британского ученого А. Менона, в которых он содержательно проанализировал ключевые политические факторы развития ЕПБО¹³⁵.

Что касается толкования феномена ЕПБО с точки зрения теории международных отношений, примечательным является то обстоятельство, что если среди американских ученых превалирует неореалистский подход, то европейские авторы активно ему оппонируют.

---

¹²⁹ Bailes A.J.K. The institutional reform of ESDP and Post-Prague NATO. // The International Spectator. 2003. № 3.

¹³⁰ De Wijk R. The reform of ESDP and EU-NATO cooperation. // The International Spectator. 2004. №1.

¹³¹ Moens A. NATO and ESDP: the need for a political agreement. // Canadian Military Journal. 2000. №4. URL: <http://www.journal.forces.gc.ca/vol1/no4/doc/59-68-eng.pdf>

¹³² Ojanen H. The EU and Nato: Two competing models for a common defence policy. // Journal of Common Market Studies. 2006. №1.

¹³³ Hofmann S.C. Overlapping institutions in the realm of international security: The case of NATO and ESDP. // Perspectives on Politics. 2009. №1.

¹³⁴ Missiroli A. CFSP, defence and flexibility. Chaillot Paper 38. Paris – January 2000; Heisbourg F. European defence: making it work. Chaillot Paper 42. Paris – August 2000; Howorth J. European integration and defence: the ultimate challenge? Chaillot Paper 43. Paris – November 2000; Missiroli A. (ed.) Enlargement and European defence after 11 September. Chaillot Paper 53. Paris – June 2002; Schoutheete P. La cohérence par la défense. Une autre lecture de la PESD. Chaillot Paper 71. Paris – October 2004; Gnesotto N. (ed.) EU Security and Defence Policy: the first five years (1999-2004). P., 2004; Lindström G. Enter the EU Battlegroups. Chaillot Paper 97. Paris – February 2007; Grevi G., Helly D., Keohane D. ESDP: The first 10 years (1999-2009). P., 2009; Tardy T. CSDP in action – What contribution to international security? Chaillot Paper 134. Paris – June 2015.

¹³⁵ Menon A. From crisis to catharsis: ESDP after Iraq// International Affairs. 2004. №4; Menon A. Empowering paradise? The ESDP at ten. // International Affairs. 2009. №2; Menon A. European Defence Policy from Lisbon to Libya. // Survival. 2011. №3.

В качестве примера можно привести совместную работу двух ведущих британских специалистов по ЕПБО, упомянутых А. Менона и Дж. Хоурта. Она специально посвящена критике применения реалистской теории «балансирования» в качестве подобного теоретического обоснования¹³⁶. Британские авторы отмечают, что, во-первых, в реальности нельзя выявить однозначного мотива «балансирования» в заявлениях европейских политиков в связи с ЕПБО, причем даже французских, не говоря уже о британских. Во-вторых, что еще более важно, отсутствуют реальные результаты европейской оборонной политики, которые можно было бы толковать как формирование противовеса США. С точки зрения создания функциональной военно-политической структуры ЕПБО не достигла успеха¹³⁷. Авторы статьи отмечают, что «когда речь заходит о военных возможностях ЕС, риторику и реальность разделяет бездна»¹³⁸.

А. Менон и Дж. Хоурт приходят к выводу, что «ЕПБО не является амбициозной, военной, бросающей вызов США инициативой, как ее изображают некоторые. Более того, она и не могла быть таковой, по причине самой природы Евросоюза»¹³⁹. ЕС одновременно сдерживает попытки своих крупных членов брать на себя лидерство в рамках союза и в то же время не справляется с задачей эффективного объединения в одно целое мощи всех входящих в него государств: «Во вполне реалистской манере государства-члены ЕС доказали свое нежелание объединять свой суверенитет в вопросах обороны». Поэтому был принят порядок, согласно которому решения в рамках ЕПБО должны приниматься единогласно. Из всего этого следует вывод, что «ЕПБО является не просто ограниченным по замыслу предприятием, но и *структурно ограниченным* предприятием»¹⁴⁰.

---

¹³⁶ Howorth J., Menon A. Still not pushing back. Why the European Union is not balancing the United States. // Journal of Conflict Resolution. 2009. №5.

¹³⁷ Ibid. P. 734 – 735.

¹³⁸ Ibid. P. 737.

¹³⁹ Ibid. P. 740.

¹⁴⁰ Ibid. P. 741.

Подобный подход можно охарактеризовать, как принадлежащий к направлению нелиберального институционализма в рамках теории международных отношений¹⁴¹.

Однако очерчивая вышеизложенные теоретические построения, нужно констатировать, что все они касаются, прежде всего, феномена возникновения и развития самой ЕПБО. В то же время реакция со стороны США на этот феномен не стала предметом подобного теоретизирования. Очевидно, что мотивы действий и заявлений Вашингтона в данном контексте представляются исследователям данного сюжета прозрачными и не требующими дополнительных усилий по их истолкованию.

---

¹⁴¹ См., напр.: Коньшев В.Н. Американский неореализм о природе войны: эволюция политической теории. СПб., 2004. С. 23–25.

Глава 1. Истоки и эволюция подходов США к развитию европейских интеграционных процессов в сфере безопасности и обороны (1950 – 1998 гг.)

1.1. Трансатлантические отношения и попытки европейской военно-политической интеграции в период «холодной войны» (1950 – 1991 гг.)

Попытки создания объединенных западноевропейских военно-политических структур предпринимались почти с самого начала процесса европейской интеграции. В целях данного исследования необходимо в общих чертах рассмотреть то, как развивались данные процессы в годы «холодной войны», и в особенности, эволюцию подходов США к ним. Такой анализ позволяет лучше понять позиции Соединенных Штатов и их европейских партнеров относительно указанных вопросов в новых условиях, изменившихся после распада Ялтинской системы международных отношений.

Случайно или нет, но попытки западноевропейской интеграции в сфере обороны и безопасности в рассматриваемый период предпринимались примерно через равные промежутки времени в 10-12 лет. Поскольку эти усилия давали мало результатов (в тех случаях, когда о результатах вообще можно было говорить), каждая последующая попытка осуществлялась в новой форме.

Безусловно, США, учитывая уровень своей вовлеченности в европейские дела в годы «холодной войны», не могли оставаться в стороне от этих событий. Следует отметить, что в каждом отдельном случае отношение со стороны Вашингтона к европейским проектам военно-политической интеграции было разным, равно как и степень участия США в этих делах. Это зависело от того, в какой форме предполагалось в ходе той или иной попытки, осуществлять интеграционные процессы, но главным образом от общеполитической обстановки в североатлантическом регионе, то

есть в отношениях в рамках треугольника «США – Западная Европа - СССР».

Первый из указанных проектов интеграции получил название «Европейского оборонительного сообщества» (ЕОС) (European Defence Community). Идея ЕОС была выдвинута французским премьер-министром Р. Плевеном в его речи перед Национальным собранием Франции 24 октября 1950 г. Сутью его предложений было создание единой европейской армии, которая находилась бы в подчинении целой системы наднациональных органов. Предусматривалось создание общеевропейского министерства обороны, отвечающего за выполнение решений европейского Совета министров. В управлении армией также должна была принимать участие европейская ассамблея. Кроме того, предполагалось тесное взаимодействие ЕОС с Европейским объединением угля и стали (ЕОУС) и в перспективе их слияние в единую структуру, руководимую общими политическими органами.

Появление данного предложения именно в то время было неслучайным, учитывая тот комплекс причин, которые послужили мотивами «плана Плевена». К началу 1950-х гг. в Европе усилились опасения в связи с растущей военной мощью СССР и, в частности, с появлением у Советского Союза ядерного оружия. Но в еще большей степени тезис об угрозе «коммунистической агрессии», пропагандировавшийся Соединенными Штатами, получил видимое подтверждение после начала конфликта в Корее 25 июня 1950 г. В сентябре 1950 г. США поставили перед союзниками по НАТО вопрос о необходимости создания западногерманских вооруженных сил с целью их включения в общую систему «европейской обороны». Более того, было заявлено, что Соединенные Штаты усилят свое военное присутствие в Европе только в случае положительного решения указанного вопроса. (Увеличение количества американских войск в Европе было представлено в качестве страховки от нападения со стороны СССР.)

В этой связи «план Плевена» скорее стоит рассматривать как реакцию на американскую инициативу, чем как проект, порожденный внутриевропейскими процессами. Учитывая уроки 1914 и 1940 гг., Франция весьма опасалась возрождения германского военного могущества. Проект ЕОС как раз решал задачу включения германских войск в систему западноевропейской обороны при максимальном ограничении для этих военных формирований возможности играть роль национальных вооруженных сил. В рамках единой европейской армии интеграция различных национальных воинских частей должна была происходить на максимально низком организационно-штатном уровне (то есть, условно говоря, объединение происходило бы на уровне батальонов, но не дивизий).

Согласно воспоминаниям госсекретаря США Д. Ачесона, в Вашингтоне сначала сдержанно отнеслись к идее ЕОС. Она была сочтена «французским маневром», направленным на то, чтобы отложить принятие реального решения о собственном вкладе Франции в европейскую оборону¹⁴².

При этом тогда же, осенью 1950 г., в Петербурге (недалеко от Бонна) проходили переговоры о включении германских войск в структуру НАТО. И Франция, пользуясь своим положением одной из оккупационных держав, всячески препятствовала принятию такого решения.

В этих условиях вашингтонская администрация решила дать ход французскому предложению. В декабре 1950 г. концепция «плана Плевена» была одобрена Советом НАТО.

В результате длительных консультаций договор о создании ЕОС был подписан 27 мая 1952 г. в Париже представителями Франции, ФРГ, Италии и стран Бенилюкса. С Парижским договором было тесно увязано и подписанное накануне в Бонне соглашение о прекращении оккупационного статуса ФРГ. Таким образом, Западной Германии одновременно с завершением оккупации разрешалось иметь собственную армию, правда, не

---

¹⁴² Acheson D. Present at Creation. My Years at the State Department. L., 1969. P. 459.

разрешалось ею самостоятельно управлять. Однако эти договоры еще требовалось ратифицировать.

Именно ратификация оказалось неразрешимой задачей, причем парадоксальным образом главной проблемой стало получение согласия французского парламента. Часть обстоятельств, мешавших данной ратификации, являлась лишь следствием той конкретной политической конъюнктуры, которая сложилась на международной арене в начале 1950-х гг. Однако другая их часть носила гораздо более фундаментальный характер. Эти более фундаментальные обстоятельства будут оказывать серьезное воздействие на интеграционные процессы в Европе и через несколько десятилетий.

Что касается политической конъюнктуры, то ощущение угрозы, исходящей со стороны СССР, сильно уменьшилось в Европе после смерти И. Сталина и окончания корейского конфликта. Соответственно, скорейшее вовлечение германских войск в систему европейской обороны перестало казаться столь насущной задачей, как раньше. Кроме того, Франция в начале 1950-х гг. втянулась в череду тяжелых колониальных войн. В частности, дебаты вокруг ЕОС проходили на фоне войны в Индокитае, поглощавшей все больше военных сил и ресурсов Франции. В этих условиях выражались опасения, что в единой европейской армии будут преобладать немецкие военные, то есть уже не Франция получит контроль над вооруженными силами ФРГ, а наоборот.

Однако в исторической ретроспективе все эти причины играли роль скорее временных факторов. Франция впоследствии вышла из череды колониальных войн, проиграв их и отказавшись от прямого управления большей частью своей империи. В свою очередь, напряженность в отношениях СССР и Запада, подверженная воздействию большого количества привходящих обстоятельств то нарастала, то ослабевала. Более фундаментальным оказался фактор, который в тот момент воспринимался

как не столь существенный в сравнении, например, с «советской угрозой». Это была роль Великобритании в европейских интеграционных процессах.

Когда в апреле 1951 г. в Париже открылась конференция по обсуждению «плана Плевена», Великобритания отказалась принимать в ней участие. Британское правительство не считало необходимым жертвовать весьма существенной частью своего суверенитета, особенно в такой области, как внешняя политика и безопасность.

В свою очередь, Франции считала, что отсутствие Великобритании в структуре ЕОС делало еще более вероятной перспективу получения Западной Германией со временем преобладания в этой организации. Кроме того, с точки зрения Франции было рискованным, в контексте конкуренции на международной арене, идти на самоограничение своей внешнеполитической самостоятельности, в то время как Лондон полностью сохранял свою.

В этих условиях США, вопреки своему первоначально сдержанному отношению к проекту ЕОС, даже пошли на то, чтобы оказать довольно существенное давление на европейцев с целью довести процесс создания ЕОС до логического завершения. Так, в январе 1952 г. во время своего визита в Вашингтон британский премьер-министр У. Черчилль под воздействием Г. Трумэна согласился поддержать усилия по созданию единой европейской армии, правда, официально не присоединяясь к ЕОС.

Пришедшая в 1953 г. к власти в США республиканская администрация Д. Эйзенхауэра поддерживала идею ЕОС не менее активно, чем демократы. Такое единодушие объяснялось тем, что, согласно Парижскому договору, предусматривалось тесное взаимодействие ЕОС и НАТО. Фактически, единая европейская армия, в случае ее создания, должна была организационно подчиняться верховному главнокомандующему союзными войсками в Европе, которым по должности является командующий американскими войсками на данном континенте. (Поддержка ЕОС со стороны новой администрации отчасти объяснялась и тем, что Д.

Эйзенхауэр поддерживал эту идею, еще занимая указанный пост верховного главнокомандующего, до своего избрания президентом. Кроме того, новый госсекретарь США Дж. Ф. Даллес находился в этом вопросе под влиянием своего личного друга, известного идеолога западноевропейской интеграции Ж. Монне).

В силу всех указанных причин США не только не опасались создания европейского объединения, но оценивали его, по словам Д. Ачесона, как форму «европейского сотрудничества в рамках НАТО и в поддержку НАТО»¹⁴³. В общем, ЕОС отвечало целому ряду задач американской внешней политики на европейском направлении в тот период: франко-германское сближение, вовлечение Западной Германии в структуру евроатлантического сообщества, укрепление атлантической обороны и дополнительное сближение континентальных стран и англо-американской связки.

В этой связи, в своей линии по оказанию давления на европейцев госсекретарь Дж. Ф. Даллес использовал такие элементы, как заявления о возможности «мучительной переоценки» американской внешней политики в Европе в случае неудачи ЕОС и даже угрозы вывести войска США с континента, и тогда «Западная Европа будет объединена также, как уже объединилась Восточная», т.е. под эгидой советского доминирования¹⁴⁴.

Однако эти аргументы не оказали ожидавшегося воздействия на французский парламент, и 30 августа 1954 г. он отказался ратифицировать Парижский договор. В результате, в качестве организационной основы для подключения ФРГ к военно-политической системе евро-атлантического сообщества была использована НАТО без участия таких промежуточных элементов, каким должна была стать ЕОС.

Следует отметить, что события вокруг ЕОС развивались параллельно с процессом формирования первого экономического интеграционного

---

¹⁴³ Цит. по: Vanhoonaeker S. The Bush Administration and the Development of the European Security Identity. Maastricht, 1999. P. 59.

¹⁴⁴ Ibid. P. 57-58, примечание 14.

объединения в Европе – ЕОУС. Судьба этих двух проектов показывает, насколько военно-политические вопросы были сложнее и чувствительнее с точки зрения европейских правительств, чем экономические. Но для цели данного исследования более интересной представляется оценка американской политической линии в отношении этой первой после Второй мировой войны попытки европейской интеграции в сфере безопасности.

Очевидно, что в отношении «плана Плевена» США не испытывали тех опасений, которые впоследствии станут столь характерными для восприятия Вашингтоном новых попыток создания европейских военно-политических структур, где не предусматривалось непосредственное американское участие. Даже тот сдержанный скептицизм, который американская администрация вначале ощущала в связи с французской инициативой, объяснялся не боязнью в каком-то виде потерять контроль над процессами в Западной Европе, а опасениями, что основным движущим мотивом правительства Франции было желание каким-то образом уклониться от увеличения вклада в обеспечение военного противовеса советской группировке в Европе.

Как уже отмечалось, создаваемая в рамках ЕОС единая европейская армия должна была находиться в подчинении главнокомандующего войсками НАТО в Европе. Однако, как представляется, не только этот формальный момент внушал уверенность американской администрации в том, что ЕОС не несет потенциальной угрозы интересам США в Европе. Западная Европа в тот момент представляла собой скорее чисто географическую, чем экономическую или тем более политическую общность. И само соотношение экономических, политических и военных потенциалов между Соединенными Штатами и странами Старого Света не позволяло сколько-нибудь серьезно предполагать, что какое бы то ни было интеграционное объединение в Европе, пусть и квази-самостоятельное, могло быть использовано для конкуренции с США. Кроме того, давление, которое оказывал Советский Союз на страны Запада, с особой

психологической остротой воспринимавшееся в Западной Европе в силу ее географического положения и опять-таки военно-политической слабости, не оставляло государствам региона возможностей для серьезных самостоятельных от США маневров. Прочитанная выше угроза Дж. Ф. Даллеса в адрес западноевропейских партнеров прекрасно иллюстрирует то, насколько отчетливо в Вашингтоне осознавали психологический эффект «зажатости» европейцев между СССР и США.

Инициатором следующей по времени попытки объединить европейские политические усилия в области безопасности снова выступила Франция в лице пришедшего к власти президента Ш. де Голля. К тому времени экономические позиции стран региона значительно усилились, и США перестали занимать в этой сфере столь доминирующие позиции среди стран Запада, как это было в начале 1950-х гг. Однако непосредственной причиной новых французских инициатив послужило скорее постепенное изменение баланса ядерных сил СССР и США: с психологической точки зрения это особенно ярко высветилось после запуска Советским Союзом первого искусственного спутника Земли в 1957 г. Для европейских стран такое изменение привело к появлению определенных сомнений в надежности американского «ядерного зонтика», то есть в том, пойдут ли США на применение ядерного оружия в случае вторжения СССР в Западную Европу, рискуя при этом самим оказаться объектом ракетно-ядерного нападения¹⁴⁵.

Все эти соображения, а также известная приверженность Ш. де Голля идеям самостоятельности Франции и Западной Европы, привели к появлению проекта Европейского политического союза (ЕПС) (European Political Union). 5 сентября 1960 г. французский президент выступил с предложениями к странам-членам ЕЭС создать систему регулярных консультаций в политической и оборонной сферах. Консультации должны были проходить на уровне глав государств и правительств или соответствующих министров.

---

¹⁴⁵ Ibid. P. 62.

Предложение было в целом принято, и в феврале 1961 г. в Париже для его дальнейшей проработки был образован комитет представителей шести государств ЕЭС во главе с французским дипломатом К. Фуше. Однако последующий ход переговоров выявил множество разногласий, значительная часть которых, прямо или косвенно, касалась участия США в европейских делах.

Многие страны-участницы переговоров подозревали, что одной из целей Ш. де Голля было ослабление значимости НАТО и ее роли в европейских делах. Большинство западноевропейских политиков это не устраивало. Например, Нидерланды вообще потребовали полного исключения оборонных вопросов из сферы ведения ЕПС.

Со временем подозрения европейских партнеров Франции стали подтверждаться. В первом варианте предложений комитета Фуше содержалось упоминание о том, что общая оборонная политика будет формулироваться в сотрудничестве с другими «свободными нациями», то есть, прежде всего, с США. Но затем этот пункт был исключен¹⁴⁶. В результате ряд стран отверг предложения комитета.

Другим важным моментом, как и в случае с «планом Плевена» было участие в ЕПС Великобритании. Хотя последняя в момент начала переговоров о новом союзе не только не была членом ЕЭС, но и не подавала заявку о вступлении туда, Бельгия и Нидерланды потребовали подключить Лондон к консультациям. В августе 1961 г. британское правительство обратилось с просьбой о включении в ЕЭС, начались соответствующие переговоры. Тогда 17 апреля 1962 г. премьер-министры Бельгии и Нидерландов решительно заявили, что подпишут договор о ЕПС лишь в том случае, если Великобритания станет членом ЕЭС (и соответственно ЕПС). В результате переговоры зашли в тупик и впредь так и не возобновлялись.

---

¹⁴⁶ Подробнее об этих событиях см.: Silj A. Europe's Political Puzzle. A study of the Fouchet Negotiations and the 1963 Veto. Cambridge, Mass., 1967. P. 149-164.

Косвенно Соединенные Штаты имели отношение к этим дипломатическим процессам. Участие Лондона в ЕПС с учетом «особого характера» англо-американских отношений давало бы возможность Вашингтону опосредованным образом влиять на деятельность этой организации. Тем самым был бы обеспечен учет атлантических интересов в деятельности ЕПС.

В свою очередь, с точки зрения малых европейских стран вовлечение Лондона было необходимо в качестве противовеса весьма возможным претензиям на доминирование со стороны Франции. В целом можно сделать вывод, что очередной проект европейской военно-политической интеграции не прошел не столько из-за американской оппозиции, сколько из-за разногласий между самими государствами региона. Возможно, целью Ш. де Голля было с помощью идеи ЕПС поставить другие европейские страны перед необходимостью выбора между Францией и Соединенными Штатами, однако в таком случае выбор оказался в пользу США. При этом и обострившийся вопрос о надежности американских ядерных гарантий не привел к большей солидарности европейцев. Наоборот, возобладала опасения, что демонстрация излишней самостоятельности может еще больше ослабить связи с США, а следовательно, и американский «ядерный зонтик». Для них было не очевидно, что Франция, только что создавшая собственное ядерное оружие, сможет стать надежной заменой США в качестве противовеса СССР. Также европейцев, судя по всему, больше устраивала перспектива, когда доминирующий в регионе лидер находится за океаном, а не в непосредственной близости.

США напрямую не вмешивались в переговоры о ЕПС, но президент Дж. Кеннеди внимательно следил за их ходом. Почти сразу после того, как европейские дебаты зашли в тупик, Вашингтон выдвинул свой альтернативный план реструктуризации трансатлантического партнерства, который отвечал бы изменившимся условиям глобального баланса сил. В

историографии предложения Дж. Кеннеди, озвученные им 4 июля 1962 г., получили название «Большого проекта» (Grand Design).

Этот проект включал предложения по ослаблению таможенных барьеров в трансатлантической торговле, что должно было помешать «отгораживанию» экономики Европы от США и подключало Соединенные Штаты к европейскому торговому пространству, то есть позволяло укрепить экономическую основу атлантического партнерства.

В сфере безопасности администрация Дж. Кеннеди в конце 1962 – начале 1963 гг., т.е. сразу после Карибского кризиса, начала активно навязывать своим европейским союзникам идею создания т. наз. «Многосторонних сил» (МСС) (Multilateral Force). В реальности, участники МСС должны были представлять собой своего рода международный консорциум по управлению объединенными ракетно-ядерными морскими силами западных стран под общим руководством США¹⁴⁷.

Однако Франция в феврале 1960 г. уже провела свои первые ядерные испытания и теперь Ш. де Голль воспринял американскую идею как попытку ограничить французскую самостоятельность в этой области. Ведь согласно проекту, межправительственный совет стран-участниц МСС находился под управлением верховного главнокомандующего войсками НАТО в Европе (также как ранее единая европейская армия в проекте ЕОС). К тому же право на вмешательство во французскую политику в ядерной сфере получали не только США, но и ФРГ. Не удивительно, что Ш. де Голль отверг этот проект, который он в частных беседах называл «многосторонним фарсом» (multilateral farce)¹⁴⁸.

Подведением своеобразной заключительной черты под этими дипломатическими процессами вокруг ЕПС и «Большого проекта» стало вето, наложенное Францией на вступление Великобритании в ЕЭС. Об этом решении Ш. де Голль сообщил 14 января 1963 г.

---

¹⁴⁷ Bozo F. Two Strategies for Europe: De Gaulle, the United States, and the Atlantic Alliance. Lanham, MD, 2001. P. 110.

¹⁴⁸ Ibid. P. 111.

А буквально через несколько дней, 22 января 1963 г. был заключен договор о сотрудничестве между ФРГ и Францией. В нем во многом были повторены условия, содержащиеся в проекте ЕПС, а именно, предусмотрена система консультаций на межправительственном уровне по широкому кругу вопросов, на первом месте среди которых шли внешнеполитические и оборонные. В данном случае эти условия были перенесены на двусторонний уровень. Среди вопросов, подлежавших обсуждению, в частности, упоминались такие, как «отношения Восток-Запад», а также «проблемы, обсуждаемые в рамках НАТО». Программа военного сотрудничества намечала «сближение позиций в области стратегического и тактического планирования», программы обмена военнослужащими, «в частности, обмен инструкторами и слушателями высших военных учебных заведений» и др.¹⁴⁹

Тем самым, договор предполагал довольно обширное поле для военно-политического взаимодействия, куда входили вопросы, ранее обсуждавшиеся лишь в НАТО. То есть было официально объявлено о создании своеобразного «кокуса» в рамках западного сообщества.

Однако и этим амбициозным замыслам французского президента не суждено было сбыться. Подписанный договор, получивший название «Елисейского» встретил серьезную оппозицию в германском Бундестаге. Было очевидно, что новое соглашение укрепляло франко-германские связи за счет ослабления общего трансатлантического единства. Канцлер К. Аденауэр встретил противодействие в рядах собственной партии ХДС. В результате Елисейский договор все-таки был ратифицирован, но с такими оговорками, которые, фактически, дезавуировали статьи соглашения, касавшиеся военно-политического сотрудничества. В этих оговорках депутаты Бундестага выразили мнение, что главную роль во внешней политике Западной

---

¹⁴⁹ Текст договора см.: Системная история международных отношений в четырех томах 1918-2003. М., 2004, Т.4. С. 205-206.

Германии должна играть опора на атлантическое сообщество в лице НАТО¹⁵⁰.

Президент де Голль обвинял американцев в том, что это они своим вмешательством стремились выхолостить суть договора¹⁵¹. Эти обвинения были обоснованными, поскольку США оказывали давление на ФРГ как по дипломатической линии, так и на руководителей фракций в Бундестаге в связи предстоящим голосованием за внесение указанных оговорок¹⁵². Однако голосование закончилось единогласным одобрением оговорок, из чего следует, что воздействие со стороны США на немецких депутатов совпало с мнением большинства парламентариев.

Тем не менее судьба военно-политических статей договора оказалась совсем не такой короткой, как это могло показаться в 1963 г. Ровно через 20 лет этот документ был возрожден. В октябре 1982 г. был подписан франко-германский дополнительный протокол к Елисейскому договору. Протокол содержал следующие условия: создание совместного совета обороны на уровне глав государств и правительств, разработка совместной концепции политики в сфере безопасности и обороны, создание смешанных воинских соединений вне подчинения командованию НАТО и др.¹⁵³ Как видно, в этих вопросах новый документ шел даже дальше, чем сам Елисейский договор. Первое такое смешанное соединение, четырехтысячная франко-германская бригада была впервые задействована на маневрах в 1987 г.

Кроме того, с подачи Франции в первой половине 1980-х гг. последовала активизация другого «спящего» соглашения, о Западноевропейском союзе (ЗЕС), в который США не входили. В рамках этой организации начались консультации по вопросам обороны и безопасности.

---

¹⁵⁰ Михеев В.С. США, Франция и европейская безопасность (1958-1992). М., 1993. С. 132.

¹⁵¹ Sutton M. France and the Construction of Europe, 1944-2007: The Geopolitical Imperative. N.Y.–Oxford, 2007. P. 106.

¹⁵² Михеев В.С. Указ. соч. С. 131–132.

¹⁵³ Vanhoopacker S. Op. cit. P. 68, примечание 43.

Однако обе эти общности – ЗЕС и франко-германские оборонные структуры – конечно, не могли сравниться по своим реальным военным возможностям с НАТО. Североатлантический альянс оставался главным и бесспорным лидером среди военно-политических объединений Западной Европы, несмотря на многочисленные попытки устранить его монополию. До тех пор, пока европейцы считали своей главной военно-политической проблемой защиту от «советского вторжения», реальных конкурентов у НАТО в этой области быть не могло. Тем не менее, тот очередной всплеск интеграционной активности в указанной сфере, который произошел в 1980-х гг. в Западной Европе, заложил основу для более результативного дальнейшего движения в 1990-х гг., в резко изменившихся глобальных условиях.

Как показывают изложенные события, в период до завершения «холодной войны» крупные страны Западной Европы, прежде всего, Франция и ФРГ, постоянно предпринимали попытки создать объединения, которые могли бы взять на себя роль в формировании европейского видения мировой политики. В случае успеха, такое объединение закономерно привело бы и к усилению военной интеграции, так как фактор военной мощи играет важнейшую роль для результативности внешней политики.

Эти усилия нельзя было назвать результативными, что являлось следствием, в первую очередь, существенных разногласий среди самих европейцев. Однако по мере экономического укрепления государств Западной Европы и успешного развития объединительных процессов в экономической сфере, попытки военно-политической интеграции предпринимались все снова и снова.

Американская реакция на указанные процессы менялась с течением времени. Первоначально США не только не возражали, но и подталкивали европейцев к более активным действиям на данном направлении. Как мы видели, в начале 1950-х гг. Соединенные Штаты считали для себя выгодным некоторое усиление европейских военно-политических возможностей, так

как чересчур значительный диспаритет Европы с США в этой сфере вел к тому, что, по мнению американской администрации, ее военные, а следовательно, и финансовые обязательства по защите Европы чрезмерно возрастали.

Однако уже в начале 1960-х гг. Вашингтон стал более настороженно относиться к данным процессам в Западной Европе. Президент Дж. Кеннеди считал необходимым выдвинуть план, альтернативный тем предложениям, с которыми выступило французское правительство, а затем США оказывали воздействие на западногерманский политический класс с целью не допустить реализации военно-политических статей Елисейского договора.

Со временем, после череды неудач, усилия по политической интеграции в Западной Европе стали более результативными. В начале 1970-х гг. начала действовать межгосударственная система политических консультаций – Европейское политическое сотрудничество (European Political Cooperation). В 1980-х гг. были вновь востребованы и стали активно реализовываться упомянутые положения Елисейского договора. В целом, все более активные усилия предпринимались для придания западноевропейскому интеграционному процессу политического характера. Завершение «холодной войны» и последующий распад СССР обеспечили мощнейший дополнительный импульс этим тенденциям.

Однако не только прекращение конфронтации по линии Восток – Запад было причиной этих процессов. Главную роль играло, разумеется, экономическое развитие западноевропейского региона. С одной стороны, оно приводило к изменению соотношения потенциалов Западной Европы и США, что неминуемо должно было отразиться на политическом уровне. С другой стороны, европейское экономическое развитие само в существенной степени базировалось на интеграционных процессах, логика которых, в свою очередь, приводила к необходимости объединения также и политических усилий. Таким образом, можно резюмировать, что распад биполярной системы придал весьма существенный импульс европейской политической

интеграции, однако, внутренней, не зависящей от внешних обстоятельств, побудительной силой этого процесса являлось развитие европейской экономики и экономической интеграции.

2.2. Особенности подходов США к европейским интеграционным проектам в сфере безопасности и обороны в 1987 – 1998 гг.

Одним из последствий тех фундаментальных изменений, которые сопровождали распад биполярной системы международных отношений, стала постановка вопроса о будущем трансатлантического сообщества в новых условиях¹⁵⁴. Исходя из логики завершения биполярного противостояния, можно было предполагать, как это многие и делали, что поскольку широкомасштабная военная угроза Западу исчезла, НАТО потеряла смысл. Однако в рамках самого альянса подобные рассуждения очень быстро были отвергнуты. Уже в ноябре 1991г. на саммите НАТО в Риме члены блока пришли к единому мнению о необходимости его сохранения в качестве «необходимого форума для консультаций между его членами и механизма согласования политики, касающейся обязательств союзников в сфере безопасности и обороны согласно Вашингтонскому договору»¹⁵⁵.

Разумеется, самую активную роль в достижении такого консенсуса сыграли США. Разъясняя американскую позицию, Р. Хантер, бывший послом США в НАТО в середине 1990-х гг., отмечал следующее: «Становилось ясно, что сохранение альянса и его аппарата было необходимо для достижения важных задач периода после "холодной войны" – сохранение того лучшего, что было создано в рамках альянса в прошлом, включая его объединенную структуру военного командования; поддержание отношений с ...

---

¹⁵⁴ См. об этом, например: Sloan S. R. Permanent Alliance? NATO and the Transatlantic Bargain from Truman to Obama. N.Y. 2010. P. 74.

¹⁵⁵ Declaration on Peace and Cooperation, issued by the Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council, Rome, 7–8 November 1991. URL: <http://www.nato.int/docu/comm/49-95/c911108a.htm>

государствами Центральной Европы; помощь в формировании будущего России ...»¹⁵⁶.

В то же время, еще одним из многих последствий завершения "холодной войны" стало очень важное событие в ходе развития европейской интеграции: в начале 1990-х годов на базе развивавшихся многие годы экономических объединительных процессов начался этап полномасштабной политической интеграции. В феврале 1992 г. был заключен Маастрихтский договор, провозгласивший создание Европейского союза.

Эта новая стадия европейского процесса совпала с разворачиванием дискуссии о роли и структуре трансатлантического союза в новой стратегической ситуации. Это совпадение в свою очередь существенно повлияло на развитие идеи Общеввропейской внешней политики и политики безопасности (ОВПБ) (Common Foreign and Security Policy (CFSP)) и Европейской идентичности в сфере безопасности и обороны (ЕИБО) (European Security and Defence Identity (ESDI)), которая в тот момент рассматривалась как внутринатовский проект. Позже слово «идентичность» было заменено на слово «политика», тем самым, получилась формулировка «Европейская политика безопасности и обороны (ЕПБО) (European Security and Defence Policy (ESDP))¹⁵⁷. В 1999 г. ЕПБО стала составной частью ОВПБ.

Идея реализации большей самостоятельности (или «идентичности») европейских интеграционных структур от НАТО в вопросах безопасности и обороны, начала активно выдвигаться на высшем политическом уровне с весны 1990 г. по инициативе Франции и поддержавшей ее ФРГ¹⁵⁸. В последующие месяцы была продолжена теоретическая и практическая проработка этой политической концепции¹⁵⁹. Судя по всему, это было

---

¹⁵⁶ Hunter R. E. The European Security and Defense Policy: NATO's Companion - or Competitor? RAND, Santa-Monica, CA, 2002. P. 2.

¹⁵⁷ О нюансах этих формулировок см. ниже.

¹⁵⁸ Gordon Ph. French Security Policy after the Cold War. RAND Corporation, Santa Monica, CA, 1992. P. 20–21. URL: <http://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/reports/2007/R4229.pdf>

¹⁵⁹ Как отмечается в первой публикации парижского Института стратегических исследований ЕС, который в начальный период деятельности организационно входил в аппарат ЗЕС, «когда ИСС был учрежден в июле 1990 г., одной из своих главных задач он сделал работу по определению Европейской идентичности в сфере

связано с тем тактическим сближением, которое в тот момент происходило между Парижем и Бонном после того, как в начале 1990 г. Франция сняла свои возражения против немедленного объединения Германии. Однако на двустороннем уровне между этими государствами уже и ранее развивались особые военно-политические отношения, начиная с Елисейского договора 1963 г. и заканчивая (по состоянию на начало 1990-х годов) существовавшей с 1984 г. франко-германской бригадой численностью в 4 тыс. человек, независимой от структур НАТО.

В октябре 1987 г. страны Западноевропейского союза (ЗЕС) приняли документ, названный «Платформа европейских интересов в области безопасности». В нем содержались довольно амбициозные для того времени заявления относительно европейских намерений в указанной сфере. В частности, страны ЗЕС в рамках «оживления» этого альянса намеревались «развивать более сплоченную европейскую оборонную идентичность»¹⁶⁰. При этом в документе многократно подчеркивалась главенствующая роль НАТО в сфере европейской безопасности, и сама указанная «идентичность» рассматривалась как способ более эффективного выполнения обязательств европейских стран в рамках не только ЗЕС, но и Североатлантического альянса.

Очевидно, что появление «Платформы» было отражением более глобальных процессов, развивавшихся в то время как в области межблокового противостояния в Европе, так и в сфере европейской интеграции. Однако в тот момент положения данного документа так и остались полностью декларативными.

Тем не менее, идея некоей европейской военно-политической автономии с течением времени свою актуальность не теряла.

безопасности». См.: Gnesotto N. European Defence: Why Not the Twelve? Chaillot Paper 1, Paris – March 1991. P. 4.

¹⁶⁰ Platform on European Security Interests. The Hague, 27 October 1987. См. пункты 3 и 4 вводной части. URL: www.weu.int/documents/871027en.pdf

В октябре 1990 г. лидеры ФРГ и Франции Г. Коль и Ф. Миттеран выступили с совместным предложением к остальным странам-участницам проходивших тогда переговоров о формировании политической структуры Евросоюза. Оно заключалось в том, чтобы включить в сферу ведения будущего ЕС полный спектр вопросов, касающихся безопасности и обороны. Исполнение решений ЕС по этим вопросам предлагалось возложить на ЗЕС. Тем самым ЗЕС превращался в одну из структур Евросоюза¹⁶¹. Этот вопрос детально обсуждался на межправительственной конференции стран – участниц Европейского политического сотрудничества (ЕПС) в декабре того же года в Риме, однако они не пришли к какому-то определенному результату¹⁶².

В феврале 1991 г. министры иностранных дел Франции и ФРГ выступили с совместной декларацией «Общая политика безопасности»,¹⁶³ известной как «инициатива Дюма – Геншера». В тексте декларации министры изложили амбициозную заявку на формирование европейским сообществом (которое тогда еще не было оформлено как Евросоюз) общей внешней и оборонной политики:

«1. Общеευропейская внешняя политика и политика безопасности обязательно должна быть нацелена на создание, со временем, общей европейской обороны;

2. Атлантический альянс, который существенно важен для Европейской безопасности и стабильности, извлечет пользу из такого развития событий. Европейская идентичность в сфере безопасности и обороны должна будет отразиться в развитии европейской опоры в рамках НАТО».

---

¹⁶¹ The Intergovernmental Conference (IGC) on Political Union. Centre Virtuel de la Connaissance sur l'Europe. 11.09.2012, P. 4. URL: http://www.cvce.eu/obj/the_intergovernmental_conference_igc_on_political_union-en-183c7651-32ef-470a-85ac-8103435f4c58.html

¹⁶² Подробнее об этой конференции см.: Bradford W. The Western European Union, Yugoslavia, and the (Dis)Integration of the EU, The New Sick Man of Europe// Boston College International and Comparative Law Review. 2000. No 1. P. 22. URL: <http://lawdigitalcommons.bc.edu/iclr/vol24/iss1/3/>

¹⁶³ First Franco-German Proposal (Dumas-Genscher initiative of 4 February 1991)// Schmidt, P. The Special Franco-German Security Relationship in the 1990s. Chaillot Paper 8, Paris - June 1993. P. 37.

Использование термина "Европейская идентичность в сфере безопасности и обороны" (ЕИБО – ESDI) было, возможно, первым упоминанием в законченном виде этого словосочетания, которое впоследствии станет весьма популярным. Вообще, терминология, относящаяся к европейской интеграции в военно-политической области, довольно расплывчата. Упомянутый выше Р. Хантер приводит мнение неназванного им высокопоставленного чиновника НАТО, который отмечал, что «ЕПБО (ESDP) является специальным термином, исключительное право на который принадлежит ЕС. В этом термине "Е" означает "европейский" в смысле ЕС (что не исключает, но и не гарантирует, что ЕС может позволить другим европейским странам участвовать в ее формировании). ЕИБО (ESDI), с другой стороны, это термин, в формировании которого, по крайней мере отчасти, принимало участие и НАТО. ... В 1996 г. мы все согласились строить ЕИБО в рамках альянса (т.е. НАТО – авт.). Таким образом "Е" в ЕИБО имеет более широкую коннотацию, чем в ЕПБО, и определенно, включает в себя всех европейских членов НАТО, что, к сожалению, не так очевидно (а с точки зрения некоторых очевидно, что не так) для ЕПБО»¹⁶⁴.

Через полгода после первой франко-германской декларации, в октябре 1991 г., была выдвинута следующая инициатива этих стран¹⁶⁵, в форме предложений для составлявшегося в тот момент будущего Маастрихтского договора. В этом документе также говорилось о необходимости формирования «подлинной» ЕИБО, однако уже не в связи с НАТО, а в рамках Западноевропейского Союза (п. IV.1 абзац 3), который являлся оборонным союзом, не включавшим США. Эта организация со времени своего создания в 1954 г. считалась структурой, воплощавшей "европейскую опору" НАТО, однако формально эти организации оставались независимыми друг от друга. Далее, в тексте франко-германского предложения предлагалось установить «органическую связь» между ЗЕС и будущим

---

¹⁶⁴ Hunter R. E. Op. cit. P. 4.

¹⁶⁵ Second Franco-German Proposal (14 October 1991). Treaty on Political Union. Common Foreign and Security Policy// Schmidt, P. Op. cit. P. 38 – 41.

Евросоюзом (п. IV.2) и «сконструировать» из ЗЕС «оборонный компонент ЕС» (п. IV.1 абзац 4).

Более того, тогда же, в середине октября 1991 г., Франция и ФРГ объявили о намерении увеличить упоминавшуюся выше франко-германскую объединенную бригаду до размеров корпуса. В выпущенном в связи с этим заявлении отмечалось: «Франко-германское военное сотрудничество будет усилено по сравнению с нынешней бригадой. А именно, усиленные франко-германские подразделения смогут послужить основой Европейского корпуса, включающего войска других стран-членов ЗЕС. Эта новая структура могла бы послужить моделью для более тесного военного сотрудничества между ЗЕС и государствами-членами»¹⁶⁶. Как видно, в новом проекте отчетливо просматривалось намерение резко усилить военные возможности автономной от США европейской военно-политической организации. Эта идея получила дальнейшее развитие в ходе франко-германской встречи в верхах в Ла-Рошели 21-22 мая 1992 г. Стороны пришли к соглашению, что Еврокорпус будет подчиняться ЗЕС и выполнять три главные задачи: защита европейской территории в соответствии с договорами НАТО и ЗЕС, осуществление миротворческих миссий, а также операций по принуждению к миру и гуманитарных миссий (эти события происходили как раз в разгар югославского кризиса). 19 мая 1993 г. было объявлено о подчинении Еврокорпуса Западноевропейскому союзу¹⁶⁷. Теоретически это означало, что европейские интеграционные структуры получали военно-политический инструментарий для реализации своей общей внешней политики.

Соответственно, подразумевалось, что к Еврокорпусу могли быть приписаны и подразделения других членов ЗЕС, при наличии их на то желания. Вскоре о таком намерении заявили Бельгия, Испания и Люксембург.

---

¹⁶⁶ Цит. по: Vanhoonaeker S. Op. cit. P.137, примечание 187.

¹⁶⁷ History of HQ EUROCORPS, P. 2. URL: http://www.eurocorps.org/pdf/eng/History_of_the_Eurocorps.pdf

ОВПБ была официально провозглашена 7 февраля 1992 г. Маастрихтским договором - глава V договора содержит условия формирования и осуществления ОВПБ. В свою очередь, пункт 1 статьи J.4 данной главы гласит, что "Общая внешняя и оборонная политика будет включать все вопросы безопасности Союза (т.е. ЕС – авт.), включая выработку общей оборонной политики, которая со временем может привести к созданию общей обороны". Это положение впоследствии стало основой концепции ЕПБО.

Необходимо отметить, что в нач. 1990-х годов дополнительную актуальность самостоятельным европейским усилиям в сфере обороны придавал разразившийся тогда югославский кризис. В связи с этим со стороны автономистски настроенных политических деятелей в Европе в то время звучали довольно амбициозные заявления о том, что именно данный кризис предоставлял возможность европейцам проявить военно-политическую самостоятельность. Так, в 1991 г. премьер-министр Люксембурга Ж. Поос, одновременно исполнявший тогда обязанности председателя Евросовета, заявил следующее: «Это – час Европы. Если какая-то проблема может быть решена европейцами, то именно югославская. Югославия – европейская страна, и американцам нечего там делать»¹⁶⁸.

Забегая вперед, отметим, что ни в 1991 г., ни позже, европейцы не смогли выработать и реализовать свое самостоятельное решение югославской проблемы. В 1999 г. в Косово США воспользовались этим, чтобы лишний раз доказать, что они по-прежнему главенствуют в военно-политической сфере Европы. А в течение всех 1990-х годов неспособность европейцев выработать свою югославскую стратегическую линию была тесно связана с их неспособностью сконцентрировать усилия на создании дееспособных коллективных военных и военно-политических структур. Оба этих процесса имели общие причины: в военно-политической сфере, в

---

¹⁶⁸ Цит. по.: Рубинский Ю.И. Военное измерение европейской интеграции. // Журкин В. (ред.). Безопасность Европы. М., 2011. С. 222.

отличие от экономической, европейские государства не видели действенных стимулов для выработки общих или хотя бы достаточно близких позиций. Все их заявления о необходимости объединения военных усилий, о необходимости вмешательства в дела Югославии не были в должной степени подкреплены реальными действиями. Причем ничего не было сделано не только на уровне институциональной военно-политической интеграции, но и с точки зрения обычных коалиционных действий, практикуемых государствами на протяжении многих столетий. Можно сделать вывод, что когда внешние события не воспринимались странами Европы как прямая угроза их общей безопасности (как это было в период «холодной войны»), прочие стимулы и соображения не могли побудить их к реальным шагам в деле объединения военных усилий. Возможно, причина этого заключается в том, что если в экономической сфере выгоды от интеграции сравнительно четко высчитать, то в военно-политической сфере выгоды от интеграционного объединения (при отсутствии очевидной общей угрозы или вызова) намного менее очевидны, особенно в сравнении с немалыми финансовыми и политическими издержками такого объединения.

Возвращаясь к началу 1990-х годов, события того периода, в частности, франко-германские предложения сделать ЗЕС подотчетным Европейскому Сообществу (которое вскоре превратилось в Евросоюз), разумеется, не могли не вызвать реакции США. Эта реакция была довольно резкой, что проявилось в том числе и на публичном уровне. Так, вскоре после межправительственной конференции стран ЕПС декабря 1990 г., в феврале 1991 г., Госдепартамент разослал своим европейским партнерам циркулярное письмо, известное под названием «демарш Доббинса – Бартоломью», по именам высокопоставленных американских дипломатов, которые, как предполагалось, были авторами послания¹⁶⁹. В нем в довольно

---

¹⁶⁹ Текст письма в тот момент опубликован не был, однако сведения о нем появились в прессе. См., напр.: Burghardt G. The European Union's transatlantic relationship. // EU Diplomacy Papers, College of Europe, Department of EU International Relations and Diplomacy Studies. 2006. №2. P. 12, примечание 14; URL: https://www.coleurope.eu/sites/default/files/research-paper/edp_2-2006_burghardt.pdf

жесткой форме выражалось отрицательное отношение Вашингтона к планам военно-политической интеграции в рамках европейских структур в ущерб значимости и роли НАТО: «Главным мерилom для оценки предложений и институциональных нововведений должно быть понимание того, укрепляют ли они оборонные возможности Альянса [т.е. НАТО – авт.] и обеспечивают ли большую безопасность Европе. Усилия, направленные на конструирование европейской опоры [трансатлантического союза – авт.] путем пересмотра и ограничения роли НАТО, путем ослабления ее структуры или путем создания монолитного блока, состоящего из неких отдельных членов, было бы ошибочным»¹⁷⁰.

Существует точка зрения, согласно которой роль письма Доббинса – Бартоломью была не слишком существенной. В частности, видный канадский эксперт по вопросам трансатлантических военно-политических отношений, профессор А. Моэнс отмечал в середине 1990-х годов, ссылаясь на личные интервью с анонимными британскими, американскими, германскими и канадскими дипломатами, что «печально известный документ Бартоломью был воспринят большинством, как чересчур жесткий, и о нем скоро забыли»¹⁷¹. Однако, как представляется, более вероятно, что в данном документе была сформулирована своего рода «запросная позиция» США относительно того, в какие рамки Вашингтон хотел бы поставить европейский переговорный процесс по военно-политической интеграции.

В частности, об этом свидетельствует оценка одного из самих авторов письма – американского дипломата Дж. Доббинса, которую он дал через год, в марте 1992 г. В тот период он уже занимал должность американского представителя при Европейских сообществах. Тогда он оценивал роль и последствия этой дипломатической акции следующим образом: «Если вы посмотрите на документы, принятые в Маастрихте, вы увидите, что все те

---

¹⁷⁰ Цит. по.: Vanhoonaeker S. Op. cit. P. 120.

¹⁷¹ Moens A. The European Security and Defence Identity and the Non Concert of Europe. // Archive of European integration. 1993. P. 19.; URL: <http://aei.pitt.edu/7142/>

[изложенные в «демарше» – авт.] опасения были учтены»¹⁷². Там же Дж. Доббинс назвал Европейское сообщество «важной опорой трансатлантического моста».

Несколько позднее, уже после того, как осенью 1991 г. прозвучала идея создания Еврокорпуса, предостережения со стороны американского руководства стали звучать на самом высоком уровне. 7 ноября 1991 г. президент Дж. Буш-ст. в ходе саммита НАТО заявил главам европейских государств: США «исходят из предпосылки, что Европейский союз (European union) не сделает американскую роль в обороне и других делах Европы излишней. Но если эта предпосылка неверна, если, друзья мои, вы в конечном счете стремитесь обеспечивать вашу оборону самостоятельно, сейчас самое время сказать нам об этом»¹⁷³. Упоминание Европейского Союза, которого на тот момент еще не существовало, но переговоры о котором активно развивались, свидетельствовало, что в течение времени, прошедшего после демарша Доббинса – Бартоломью, опасения американской администрации относительно военно-политических аспектов европейской интеграции только усилились.

Идея, согласно которой Еврокорпус будет использован для защиты европейской территории, была воспринята как прямое покушение на принцип объединенного военного командования в рамках НАТО. Как заявил в мае 1992 г. американский посол в НАТО У. Тафт: «Подрыв объединенной военной структуры альянса в ходе неясного процесса развития европейской оборонной идентичности был бы вершиной глупости... Европа слишком поздно пожалеет о своей беззаботности»¹⁷⁴. Кроме того, США опасались, что участие в Еврокорпусе германских войск сократит их количество в распоряжении НАТО. Американский скепсис разделяли и такие союзники США в Европе, как Великобритания, Дания и Нидерланды.

---

¹⁷² Goldsmith Ch. U.S. Envoy Welcomes Strong EC, a Trans-Atlantic 'Pillar'. International Herald Tribune, March 2, 1992.

¹⁷³ Cowell A. Bush Challenges Partners in NATO over Role of U.S. The New York Times, November 8, 1991.

¹⁷⁴ Цит. по: Vanhoonacker S. Op. cit. P.137, примечание 191.

Республиканская администрация Дж. Буша-ст. активно добивалась того, чтобы организационно подчинить Еврокорпус командованию НАТО. Особое давление в этом вопросе было оказано на Германию (как и в случае с ратификацией Елисейского договора), поскольку было очевидно, что Франция будет гораздо менее восприимчива к американскому прессингу¹⁷⁵. Наконец, 21 января 1993 г., одновременно с уходом республиканской администрации от власти, было подписано соглашение о передаче Еврокорпуса в оперативное подчинение верховного главнокомандующего войсками НАТО в Европе¹⁷⁶.

С точки зрения изучения реакции американского политического класса на новые явления, развивавшиеся с начала 1990-х гг. в сфере европейской безопасности важным аспектом представляется восприятие этой проблематики Конгрессом США. Он является одним из главных центров обсуждения внешнеполитических вопросов в данной стране. Кроме того, хотя Конгресс и не является наиболее влиятельным органом принятия решений в указанной сфере, спектр мнений представителей американского истеблишмента, звучащих в стенах этого учреждения, представляет собой, возможно, наиболее репрезентативную картину подходов американского политического класса.

Реакция на европейские оборонно-интеграционные инициативы со стороны американских конгрессменов была весьма эмоциональной. При этом проект формирования Еврокорпуса они воспринимали намного более негативно, чем положения об ОВПБ в рамках обсуждавшегося в тот момент договора о создании Евросоюза. Явно воспринимая ситуацию под влиянием прошлого исторического опыта, члены Конгресса были склонны видеть в проекте Еврокорпуса еще одну попытку Франции усилить свое влияние в Европе за счет американского. Довольно типичную точку зрения по этому вопросу в октябре 1991 г. высказал конгрессмен – республиканец от штата

---

¹⁷⁵ Vanhoonacker S. Op. cit. P.138.

¹⁷⁶ History of HQ EUROCORPS, P. 1.

Небраска Д. Беройтер: «... это действие, направленное на отмежевание европейских элементов обороны от НАТО, является частью продолжающейся французской стратегии на сокращение американского влияния в Европе. Однако франко-германское предложение также согласуется с далеко идущим замыслом Парижа по созданию федерализованной Европы, путем формирования сильного многосторонне развитого Европейского сообщества, и их предполагаемой целью заменить американское военное лидерство в Европе, оставаясь при этом на позиции неучастия в объединенной структуре военного командования НАТО»¹⁷⁷. Из этой фразы понятно, что и усиление возможностей самого ЕС членами американского Конгресса воспринималось с подозрением. Кроме того, не вполне ясное замечание относительно структуры военного командования НАТО позволяет предположить, что, по мысли Д. Беройтера, если бы Франция попыталась «заменить американское военное лидерство в Европе», но в рамках данной структуры, то есть принимая на себя большую ответственность и затраты как член НАТО, возможно, это было бы, с американской точки зрения, более простительно. Американские опасения не ослабил и распад Советского Союза, происходивший как раз в этот момент.

Позиция указанного конгрессмена была довольно репрезентативной и для республиканской администрации Дж. Буша–ст., которая в следующем, 1992 г., уделяла большое внимание франко-германской инициативе, по мере развития последней. Белый дом по-прежнему опасался, что проект Еврокорпуса приведет к сокращению роли США в обеспечении европейской безопасности, а новые структуры в этой сфере не станут адекватной заменой. Кроме того, как и некоторые конгрессмены, администрация восприняла идею Еврокорпуса как более тревожный признак такого развития событий, чем довольно расплывчатые положения об ОПБЕ, прописанные во вновь принятом Маастрихтском договоре. Более того, представители администрации полагали, что именно давление Вашингтона способствовало

---

¹⁷⁷ Congressional Record: October 22, 1991 (Extension of Remarks). P. 28206

тому, что указанные положения были приняты в столь размытом виде. В качестве примера можно упомянуть приведенную выше оценку Дж. Доббинсом «демарша Доббинса – Бартоломью» февраля 1991 г.

В то же время позиция республиканцев по вопросу об отношении к европейским оборонным интеграционным инициативам не была единой. В частности, некоторые конгрессмены выражали мнения явно изоляционистского толка. Сенатор-республиканец от штата Мэн У. Коэн, в будущем – министр обороны в администрации президента У. Клинтона, даже высказывался в поддержку европейской интеграции в сфере обороны, так как считал, что она откроет удобную возможность для сокращения американских военных расходов, связанных с пребыванием вооруженных сил США в Европе. Выступая по вопросу о сокращении американских войск в Европе, У. Коэн отмечал, что в будущем «... мы сможем осуществить дополнительные значительные сокращения по мере того, как европейский интеграционный процесс будет развиваться и европейцы будут способны взять на себя больше ответственности в оборонной сфере»¹⁷⁸.

Очевидно, что именно с целью предотвратить предполагаемые негативные последствия «очередного французского плана» на саммите НАТО в Риме в ноябре 1991 г. было продекларировано, что «европейская оборонная инициатива» приемлема исключительно в рамках альянса, а не вне их. В декларации по итогам саммита было заявлено: «Развитие европейской идентичности в сфере безопасности и оборонной роли, выражающееся в дальнейшем усилении европейской опоры в рамках альянса, усилит единство и эффективность атлантического союза. Расширение роли и ответственности европейских членов является серьезной основой для трансформации альянса. Эти два положительных процесса являются взаимно усиливающими друг друга». В то же время в декларации особо подчеркивалось намерение оградить целостность НАТО как союза от какого-либо негативного влияния европейских интеграционных процессов в

---

¹⁷⁸ Congressional Record: June 11, 1992 (Senate). P. 14545.

указанной сфере: «Мы согласились, параллельно с появлением и развитием европейской идентичности в сфере безопасности и военной роли, усилить основные трансатлантические связи, с помощью которых альянс гарантирует и полностью сохраняет стратегическое единство и неразрывность безопасности всех наших членов. Далее мы согласились, ... что мы разработаем практические мероприятия для обеспечения необходимой прозрачности и взаимодополняемости между Европейской идентичностью в сфере безопасности и обороны»¹⁷⁹.

Позиция республиканской администрации по вопросу европейской военно-политической интеграции стала одним из объектов критики со стороны демократов в Конгрессе. Они считали внимание Белого дома к этой теме излишне настойчивым и стратегически неправильным. В целом, демократы считали, что США должны были высказывать меньше опасений в связи с европейскими инициативами и больше внимания уделять НАТО. Видный представитель демократов, сенатор от штата Делавэр Дж. Байден (избранный в 2008 г. вице-президентом США), долгие годы работавший в комитете по иностранным делам, заявлял по данному вопросу летом 1992 г.: «К сожалению, вот уже многие месяцы администрация Буша позволяет себе увлечься сравнительно второстепенной заботой, связанной с инициативой Франции и Германии сформировать небольшие европейские силы. Со временем, сотрудничество между этими двумя историческими соперниками, возможно, создаст основу для независимых общеевропейских сил безопасности, более не полагающихся на Соединенные Штаты, как на связующее звено коллективной безопасности. Но то, что администрация Буша считает это [сотрудничества – авт.] тревожным признаком, можно объяснить только тем, что администрация имеет слабое представление о процессе исторических перемен. Есть две возможности: либо франко-германская инициатива потерпит неудачу, также как и все предыдущие попытки вдохнуть жизнь в западноевропейское сотрудничество в сфере

---

¹⁷⁹ The Rome Declaration, November 8, 1991, paragraph 6.

безопасности, либо эти усилия, в конце концов, в эпоху после холодной войны, принесут плоды». Однако, по мнению Дж. Байдена, даже в случае успеха «европейское оборонное сотрудничество будет развиваться только медленно – и только по мере того, как европейские лидеры и общество придут к убеждению, к которому они еще и не приближались, что Европе будет лучше полагаться на Германию и Францию – без участия Соединенных Штатов – как на лидеров коллективной обороны»¹⁸⁰.

В связи с тем, что это заявление было сделано летом 1992 г. в разгар избирательной кампании в США, оно было составлено нарочито полемически. И основной его сутью была критика в адрес администрации Дж. Буша-ст., которая, по мнению сенатора, действовала неправильно, чересчур концентрируясь на «второстепенном» вопросе европейской оборонной интеграции, который даже гипотетически вряд ли мог бы представить какую-либо проблему для США. Вопросом же, о котором действительно стоило серьезно заботиться, с точки зрения этого представителя демократов, являлась дальнейшая судьба НАТО и приспособление блока к новой международной военно-стратегической ситуации: «В то же время гораздо более неотложное и серьезное дело состоит в том, чтобы сделать НАТО отвечающей реальным потребностям периода сразу после окончания «холодной войны». Соединенные Штаты остаются лидером альянса и должны действовать соответственно. Необходима трансформация, а администрация Буша пока что не проявила достаточно инициативы, чтобы осуществить ее до конца»¹⁸¹.

Акцентирование демократами важности отношений с НАТО объяснялась тем, что, по их мнению, именно с помощью этого альянса США могли решить главные военно-политические проблемы своей политики на европейском направлении. Главный вопрос заключался в том, в какой степени возможно было бы сокращение американского военного присутствия

---

¹⁸⁰ Congressional Record: July 1, 1992 (Senate). P. 17468

¹⁸¹ Ibidem.

в Европе при сохранении главенствующей роли США на континенте. Также весьма важной считалась возможность укрепить военно-политические отношения с Францией, которые большинством конгрессменов оценивались как противоречивые. НАТО рассматривалась как институт, полезный в деле укрепления контактов с Францией и уменьшения в глазах французского руководства привлекательности военно-политических проектов, несогласованных с Вашингтоном. Однако для достижения этой цели представители демократов полагали необходимым предпринять существенные изменения в распределении ролей внутри альянса. Сенатор, будущий кандидат в вице-президенты от демократической партии Дж. Либерман, заявлял по этому поводу: «Адаптация к новой эре также означает, что европейцы должны взять на себя более существенную роль в процессе принятия решений в альянсе. Такая передача ответственности могла бы побудить французов играть большую роль в военных усилиях альянса, тем самым снижая затраты для Соединенных Штатов. Больше французское участие в НАТО могло бы ослабить попытки Парижа создать европейскую оборонную структуру вне рамок НАТО»¹⁸². (Эти слова были сказаны в июне 1992 г. Примечательно, что год спустя, при обсуждении отношений союзников по НАТО в связи с боснийским кризисом, Дж. Либерман повторил это заявление дословно)¹⁸³.

Заслуживает внимания то обстоятельство, что позиция, высказанная Дж. Либерманом, была весьма схожа с мнением республиканца У. Коэна. Оба сенатора выступали за уменьшение американского военного присутствия в Европе (хотя Дж. Либерман предлагал более решительные сокращения) и за наделение европейцев большей ответственностью в военной сфере. Различие между этой либеральной республиканской и консервативной демократической позициями заключалась в предлагавшихся способах передачи такой ответственности. У. Коэн находил европейскую оборонную

---

¹⁸² Congressional record: June 11, 1992 (Senate). P. 14578.

¹⁸³ Congressional record: August 6, 1993 (Senate). P. 20057.

интеграцию вполне приемлемым для США способом делегирования этих полномочий, в то время как Дж. Либерман не только считал данную интеграцию невыгодной для Вашингтона, но и настаивал на способности НАТО, как института, побудить европейцев действовать более согласованно с Соединенными Штатами.

Практическим воплощением самостоятельной европейской оборонной интеграции конгрессмены считали проект франко-германского корпуса, и соответственно, ему было уделено главное внимание в ходе дебатов. Тем не менее, члены Конгресса не оставили без внимания те новшества, которые были привнесены в европейский интеграционный процесс Маастрихтским соглашением, в частности, формальное одобрение идеи ОВПБ. Известный сенатор-республиканец Дж. Хелмс охарактеризовал договор как «событие, которое может повлиять на интересы американского народа ... фатально»¹⁸⁴. В полном соответствии с его весьма консервативным и одновременно «ястребиным» подходом к внешней политике, Дж. Хелмс подверг решительной критике проект ОВПБ, отметив, в частности, что «развитие европейских оборонных планов, которые обесценивают и порочат американские жертвы, принесенные [истраченным] временем, деньгами и кровью, должно быть остановлено»¹⁸⁵.

Хотя это высказывание напрямую касалось Маастрихтского договора, риторика Дж. Хелмса ясно демонстрировала его жесткую оппозицию в отношении независимых от США европейских оборонных структур любого рода.

Таким образом, нельзя сказать, что на ранней стадии формирования ЕПБО в Конгрессе господствовал единый подход к этому вопросу. Скорее это был спектр позиций, хотя большинство конгрессменов было едино во мнении, что новая волна интеграционных инициатив является воплощением продолжающейся линии Франции на усиление своего влияния в Европе. Как

---

¹⁸⁴ Congressional record: November 22, 1991 (Senate). P. 33727.

¹⁸⁵ Congressional record: November 22, 1991 (Senate). P. 33729.

и можно было ожидать, главная разделительная линия соответствовала партийной принадлежности конгрессменов.

Такие республиканцы, как Д. Беройтер и Дж. Хелмс представляли резко негативный подход к европейским инициативам. При этом, они не высказывая никаких соображений, как можно было бы «скорректировать» эти проекты с точки зрения американских интересов, а лишь заявляли, что с этими тенденциями «необходимо решительно бороться».

Соответственно, позиция демократов была более спокойной. Хотя большинство из них не испытывало симпатии к указанным тенденциям в Европе, они критиковали республиканскую администрацию за ненужное нагнетание отрицательной атмосферы в трансатлантических дебатах и взамен выступали за то, чтобы США со своей стороны выдвигали встречные инициативы, а не только боролись против чужих проектов. Подобной американской инициативой, по мнению демократов, могло бы быть перераспределение ответственности (и следственно, влияния) в рамках НАТО, что могло бы помочь в приспособлении этой организации к новой военно-политической обстановке после «холодной войны» и в какой-то степени удовлетворить политические амбиции Франции.

Но в очерченных разделительных линиях были некоторые исключения, и среди них, как показали дальнейшие события, одно весьма важное. Это была позиция, которую занял У. Коэн, который не только не возражал, но даже поддерживал и, в некотором смысле, лоббировал европейскую оборонную интеграцию. В своем походе У. Коэн был не одинок среди республиканцев. Сенатор Дж. Маккейн (будущий кандидат в президенты США в 2008 г.) в ходе обсуждения проекта бюджета США на 1994 финансовый год заявил: ... «Соединенные Штаты должны последовательно сокращать свое участие в руководстве европейской части атлантического альянса, они должны резко сократить количество своих войск в составе войск НАТО и сконцентрироваться на более масштабной задаче

обеспечения безопасности Запада вне пределов Европы»¹⁸⁶. Дж. Маккейн также добавил, что «мы ничего не получим с помощью сохранения мифа об американском военном лидерстве в Европе еще на несколько лет, но многое можем потерять. Действуя во имя уже устаревшей концепции атлантизма, мы рискуем затянуть момент, когда европейцы осознают, что Европа должна теперь отвечать за европейскую безопасность, ... рискуем подорвать европейские усилия по созданию преимущественно европейских альтернатив в сфере безопасности, как, например, усилия в отношении ЗЕС». По мнению сенатора, США, напротив, должны были бы открыто поддержать такие альтернативы¹⁸⁷.

Позиция сенаторов У. Коэна и Дж. Маккейна была довольно схожа с мнением демократов. Различие состояло в том, что демократы уделяли больше внимания усилению роли НАТО через реструктуризацию этой организации, в то время как указанные республиканцы делали акцент на сокращении американского участия в делах Европы, (прежде всего в военном смысле), особенно в свете развивавшегося балканского кризиса.

Если первоначальная активизация дискуссии в Конгрессе вокруг европейских военно-политических интеграционных процессов была вызвана, главным образом, франко-германской инициативой Еврокорпуса, то в середине 1990-х годов дебаты по этой проблематике сконцентрировались вокруг вопроса разрешения боснийского кризиса. Возможно, причиной такой смены акцентов было не только само возникновение этого кризиса, но и временное снижение военно-интеграционной активности в Европе. Еврокорпус формально начал свою деятельность 1 октября 1993 г.¹⁸⁸ Однако, в связи с существенными различиями между Францией и ФРГ во взглядах на возможное использование Еврокорпуса, он долгое время не находил применения в качестве военной структуры ЕС. (Указанные различия касались, в частности, подходов к возможности использования данного

---

¹⁸⁶ Congressional record: February 18, 1993 (Senate). P. 3186.

¹⁸⁷ Congressional record: February 18, 1993 (Senate). P. 3188.

¹⁸⁸ History of HQ EUROCORPS. P. 2. URL: http://www.eurocorps.org/pdf/eng/History_of_the_Eurocorps.pdf

соединения вне пределов Европы). Лишь в 1998 г. 470 служащих расположенного в Страсбурге штаба Еврокорпуса были направлены в состав командования Сил по стабилизации положения в Боснии и Герцеговине¹⁸⁹.

Также, еще в январе 1993 г. в специальном соглашении была оговорена возможность и процедура передачи Еврокорпуса, в случае необходимости, под командование верховного главнокомандующего войсками НАТО в Европе (которым по определению является американский генерал)¹⁹⁰. Это свидетельствовало о стремлении стран-участниц Еврокорпуса продемонстрировать, в общем и целом, лояльность их проекта в отношении НАТО и, прежде всего, США.

Со своей стороны, американское руководство, видимо, осознало, что несмотря на внутриевропейские разногласия, военные интеграционные инициативы, самостоятельно предпринимаемые ведущими Евросоюза, могли бы потенциально привести к чрезмерному ослаблению НАТО и американского политического влияния на континенте. В связи с этим Вашингтон выдвинул инициативу, со всей очевидностью нацеленную на то, чтобы направить европейскую военно-интеграционную инициативу в приемлемое для США русло.

Речь шла о создании в рамках НАТО «объединенных многонациональных оперативных сил» (ОМОС) (Combined Joint Task Force – CJTF)¹⁹¹. Концепция ОМОС была выдвинута осенью 1993 г. недавно пришедшей к власти демократической администрацией У. Клинтона, а затем официально утверждена на Брюссельском саммите НАТО в январе 1994 г.

---

¹⁸⁹ Ibidem.

¹⁹⁰ Ibid. P. 1.

¹⁹¹ Как представляется, данный перевод, предложенный М.А. Троицким (Троицкий М.А. Трансатлантический союз. 1991–2004. Трансформация системы американско-европейского партнерства после распада биполярности. М., 2004. С. 180.) является наиболее удачным. В отечественной литературе встречаются и другие варианты перевода этого названия: «многонациональные оперативные силы», «совместные объединенные оперативные силы», «совместные объединенные оперативно-тактические группы» (Степанова, Е. Россия и антикризисная стратегия НАТО после окончания «холодной войны». // Тренин Д. (ред.) Россия и основные институты безопасности в Европе: вступая в XXI век. М., 2000. С. 139), а также «совместные объединенные оперативные группы» (Журкин В.В. Военная политика Евросоюза. М., 2014. С. 29.)

Было решено создать ОМОС в качестве элемента интегрированной командной структуры НАТО.

Как отмечал американский исследователь С. Слоан, долгое время работавший аналитических структурах различных ведомств США, «целью инициативы ОМОС было создание гибких командных структур, в рамках которых группировки союзнических сил могли бы предпринимать широкий спектр операций вне территории ответственности НАТО»¹⁹². Таким образом, данный вопрос был тесно связан с активно обсуждавшейся в тот период проблемой принятия НАТО на себя задач, отличавшихся от тех, что блок ставил перед собой во время «холодной войны». Нужно отметить, что речь шла не о НАТО в целом, а именно о «группировках союзнических сил».

Во-вторых, ОМОС предполагалось использовать как структуры, с помощью которых свои автономные операции могли бы проводить европейские страны, объединенные под эгидой ЗЕС, в том числе с участием государств, не входящих в НАТО. В то же время, в декларации по итогам Брюссельского саммита нигде прямо не указывалось на возможность передачи созданных в рамках НАТО ОМОС под командование структур ЗЕС¹⁹³.

Таким образом, очевидной задачей, которую США стремились решить с помощью концепции ОМОС, было обеспечить по возможности надежное «прикрепление» европейской интеграционной инициативы к структурам НАТО. Тем самым, Вашингтон, с одной стороны, по-прежнему не только имел бы доступ к информации о процессе принятия решений в ходе подготовки гипотетических европейских операций без участия США, но и, в случае необходимости, мог бы заблокировать этот процесс через руководящие натовские структуры.

---

¹⁹² Sloan S. R. The United States and European Defense. Chaillot Paper 39, Paris – April 2000. P. 11.

¹⁹³ Declaration of the Heads of State and Government, paragraphs 1, 9 // Ministerial Meeting of the North Atlantic Council/ North Atlantic Cooperation Council, NATO Headquarters, Brussels, January 10–11, 1994, Press Communiqué M-1(94)3.

Кроме концепции ОМОС в Брюссельской декларации содержала также выражение поддержки и одобрения со стороны НАТО развития «Европейской опоры» (European pillar) в рамках блока, то есть ЕИБО. Так пункты 4 и 5 декларации гласили:

«- Мы выражаем нашу полную поддержку развитию Европейской идентичности в сфере безопасности и обороны, которая, как указывается в Маастрихтском договоре, в долгосрочной перспективе формирования общей оборонной политики в рамках Европейского союза, может со временем привести к созданию общей обороны, совместимой с такой же обороной Атлантического альянса. Возникновение ЕИБО усилит европейскую опору альянса, в то же время укрепляя и трансатлантические связи, и позволит европейским союзникам взять на себя *большую* ответственность за их общую безопасность и оборону. Альянс и Европейский союз разделяют общие стратегические интересы.

- Мы поддерживаем усиление европейской опоры альянса с помощью Западноевропейского союза, который в настоящее время развивается как оборонная структура Евросоюза. Организационная структура и имеющиеся у него средства будут реорганизованы с тем, чтобы облегчить этот процесс. Мы приветствуем тот уровень тесного и возрастающего сотрудничества между НАТО и ЗЕС, который был достигнут на основе согласованных принципов взаимодополнения и прозрачности»¹⁹⁴.

Нельзя не согласиться с отечественным исследователем М.А. Троицким, который охарактеризовал «разработанную в кругах НАТО “европейскую идентичность”», как «встречный проект» по отношению к намерениям в сфере оборонной интеграции, содержащимся в Маастрихтском договоре¹⁹⁵. Правда, как мы видели, термин «европейская идентичность» был впервые применен не в натовской документации в 1994 г., а еще во франко-германских декларациях 1991 г. Однако, в 1994 г. уже

---

¹⁹⁴ Ibidem, paragraphs 5, 6.

¹⁹⁵ Троицкий М.А. Указ. соч. С. 181.

НАТО ввела термин «европейская идентичность» в свой лексикон, и с этого времени данное понятие воспринималось именно как интеграционный проект под эгидой и в рамках Североатлантического альянса. Также можно отметить, что выдвинутая в Брюсселе инициатива являлась встречной реакцией и на попытки создания Еврокорпуса.

Можно также присоединиться к мнению М.А. Троицкого о том, что обеспечивая реализацию своей опережающей версии «европейской оборонной идентичности» в рамках НАТО, «Вашингтон стремился предотвратить возможный отрыв собственно европейских планов сотрудничества в сфере обороны и безопасности от натовских, а также превращение ЗЕС в альтернативу контролируемыми американцами институтам оборонного сотрудничества. При этом США зарезервировали для себя возможность участия в операциях, которые европейцы пожелали бы проводить, а значит, сохранили влияние на политику Европейского Союза в области обороны и безопасности»¹⁹⁶.

К этому можно добавить, что концепцию ОМОС потенциально можно было использовать не только как контролируемый вариант воплощения европейской оборонной интеграции. В этой идее просматривалась и будущая американская политика создания «коалиций добровольцев» (*coalitions of the willing*). Более того, через некоторое время такая увязка получила в США поддержку на законодательном уровне. В апреле 1998 г., в ходе дебатов в американском Сенате по вопросу о первом раунде расширения НАТО (путем включения в альянс Венгрии, Польши и Чехии) республиканец Дж. Кайл внес в резолюцию о ратификации новой редакции Североатлантического договора особую поправку. В ней, помимо декларации о том, что НАТО и впредь останется важным военным инструментом реализации интересов США и о руководящей роли Вашингтона в альянсе, содержался пункт о том, что союзникам по блоку необходимо развивать возможности для «проецирования силы ... и обеспечить основу для создания временных

---

¹⁹⁶ Там же.

коалиций добровольных партнеров из числа членов НАТО (ad hoc coalitions of willing partners among NATO members)»¹⁹⁷.

Этот пункт имел важнейшее значение, поскольку именно «коалиции добровольцев» в сочетании с использованием экспедиционных средств «проецирования силы» (то есть доставки и применения войск на больших расстояниях) стали в 1990-х – 2000-х гг. основным военно-политическим инструментом реализации американских интересов. Таким образом, ОМОС послужила этапом в развитии американских подходов к проблеме использования НАТО в интересах США в военных конфликтах после завершения «холодной войны».

В Брюссельской декларации также содержался пункт, сыгравший существенную роль в последующих трансатлантических дебатах по рассматриваемому кругу вопросов. Этот пункт, под номером 6, гласил, что страны-члены альянса, «готовы предоставить, на основе консультаций с Северо-Атлантическим советом, общие ресурсы НАТО для использования в операциях ЗЕС, предпринимаемых Европейским Союзом в рамках реализации ОВПБ. Мы готовы поддержать развитие сил и средств, отделяемых, но не отдельных (separable but not separate) [от общей структуры НАТО – авт.], которые могли бы соответствовать европейским потребностям и внести вклад в безопасность альянса»¹⁹⁸. Примененная в тексте формулировка «отделяемые, но не отдельные» через некоторое время стала выражением своего рода критерия соответствия европейских инициатив духу нерушимости «трансатлантического единства».

Дальнейшее развитие событий между в данной сфере производило впечатление, что США и ведущие страны ЕС были близки к окончательному сближению подходов в вопросе о самостоятельной военно-политической роли Европы в период после «холодной войны». Стороны демонстрировали готовность решить и свои более давние разногласия. В целом, этот момент в

---

¹⁹⁷ Congressional record: April 27, 1998 (Senate). P. 6799.

¹⁹⁸ Declaration of the Heads of State and Government, paragraph 6.

трансатлантических отношениях получил от самих участников данных процессов название «большая (великая) сделка» (*grand bargain*)¹⁹⁹.

Р. Хантер, бывший в тот период послом США при НАТО, характеризовал эту «сделку» следующим образом. «Союз НАТО должен был помочь созданию ЕИБО, но не в качестве совершенно независимой организации, грозящей лишить НАТО как ресурсов, а потенциально, и способности быть эффективной в политической и военной сферах. Напротив, ЕИБО должна была быть построена внутри НАТО, с возможностью использовать военный потенциал, «отделяемый, но не отдельный» от альянса. Это означало, что часть структур НАТО была бы доступна к использованию Западноевропейским союзом, – готова к тому, чтобы, так сказать, быть «позаимствованной»– тем самым, превращаясь в европейскую опору, являющуюся в действительности частью Атлантического альянса, а не чем-то отдельным»²⁰⁰.

В качестве встречного шага одна из главных стран-инициаторов европейской оборонной интеграции – Франция – обозначила перспективу присоединения, на определенных условиях, к военным структурам НАТО (из которых она вышла в 1966 г.) Такой поворот во французской политике произошел после прихода к власти президента Ж. Ширака в мае 1995 г. Одной из первоначальных внешнеполитических инициатив нового французского лидера был курс на сближение с НАТО. В декабре 1995 г. Франция заявила о частичном возвращении к участию в работе военных структур альянса²⁰¹. Вместе с тем, свое полное возвращение в эти структуры Франция поставила в зависимость от того, насколько серьезно будет реформирована НАТО, а именно будут ли в рамках такого реформирования созданы политические и практические возможности для реализации ЕИБО.

---

¹⁹⁹ Hunter R. E. Op. cit. P. 13.

²⁰⁰ Ibidem.

²⁰¹ Sloan S. R. NATO: July 1997 Madrid Summit Outcome. CRS Report for Congress // Congressional Research Service. The Library of Congress. Wash., July 14, 1997. P. 4.

Что касается восприятия этих процессов американским политическим классом, то в той степени, в какой отражением этого восприятия может служить американский Конгресс, оно в середине 1990-х годов несколько изменилось. Причиной этому послужили постепенная эскалация боснийского кризиса и нарастающее вмешательство в него западных стран. Главный акцент дискуссий среди конгрессменов сместился с обсуждения собственно европейских намерений и усилий по формированию оборонных структур на то, каким образом эти инициативы могут и должны быть использованы для нейтрализации балканского конфликта. Основным мотивом формирования такого подхода было нежелание конгрессменов согласиться с участием американских войск в этом конфликте, который, как полагало большинство членов Конгресса, имел слабое отношение к интересам США в Европе.

В частности, в самом начале 1997 г. сенатор-демократ К. Левин в ходе обсуждения кандидатуры У. Коэна на пост министра обороны в администрации У. Клинтона, заявил, что «НАТО развивает Европейскую инициативу в сфере безопасности и обороны в рамках альянса, которая позволит европейским членам НАТО, с согласия НАТО, проводить операции под политическим контролем и стратегическим управлением Западноевропейского союза, с использованием средств и возможностей НАТО». В связи с этим, К. Левин высказал мнение, что «боевые подразделения США не должны находиться на территории Боснии более 18 месяцев» и, «по меньшей мере, есть вероятность, что затем эта новая европейская инициатива в сфере безопасности и обороны могла бы предоставить подходящие войска для продолжения миссии в Боснии, если иностранные вооруженные подразделения по-прежнему будут нужны»²⁰².

Позиция сенатора К. Левина была в целом ясна: если европейцы, несмотря на американский скептицизм, столь настаивали на необходимости создания самостоятельной региональной структуры безопасности, теперь, после эскалации балканского кризиса, у них появилась возможность на

---

²⁰² Congressional record: January 22, 1997 (Senate). P. 1003.

практике подтвердить важность своей инициативы в качестве полезного средства разрешения международных конфликтов, вместо того, чтобы привлекать американские войска к решению задач, которые должны решать европейцы.

Эта точка зрения, сформулированная К. Левиным, затем была отражена в поправках к оборонным бюджетам 1998 и 1999 гг. Эти поправки практически дословно повторяли высказывания сенатора, а также содержали положение о том, что в случае неспособности европейских сил под эгидой ЕИБО к выполнению задач в Боснии, для этой роли «могут быть пригодными» войска под руководством НАТО «без участия наземных войск США»²⁰³. Этот пункт особенно рельефно подчеркивает то обстоятельство, что основным мотивом сенаторов было желание воспрепятствовать дальнейшему участию американских войск в операциях на Балканах. А европейская оборонная инициатива интересовала их лишь постольку, поскольку она могла быть использована для того, чтобы снять с Вашингтона ответственность за дальнейшее продолжение операций, начатых при его непосредственном участии и одобрении. Однако та скептическая манера, с которой было сделано это первое в американском Конгрессе упоминание ЕИБО в связи с реальным, а не гипотетическим международным кризисом, означало, что к тому времени конгрессмены были не только настороженно, как в начале 1990-х гг., но уже и довольно раздраженно настроены в отношении европейских проектов. Этот подход можно проиллюстрировать высказыванием сенатора-демократа Дж. Байдена в ходе обсуждения проекта военного бюджета 1998г.: «Наши союзники бесконечно говорят в Брюсселе о Европейской идентичности в сфере безопасности и обороны и о европейской опоре в рамках НАТО, но когда у них появляется возможность направить свои войска и делами подтвердить свои слова, они отчего-то меняют пластинку»²⁰⁴.

---

²⁰³ Congressional record: July 11, 1997 (Senate). P. 14150; Congressional record: June 24, 1998 (Senate). P. 13888.

²⁰⁴ Congressional record: July 11, 1997 (Senate). P. 14146.

Раздражение конгрессменов становится еще более понятным в контексте продолжавшегося в Европе процесса разработки и принятия все новых деклараций, призывавших к усилению роли ЕИБО/ОВПБ в области европейской безопасности и к конструктивному сотрудничеству между ЕИБО и НАТО. В частности, после Брюссельской декларации следующим таким документом было Заключительное коммюнике, обнародованное по результатам встречи министров обороны стран НАТО в Берлине 3 июня 1996 г. В качестве одной из «фундаментальных задач», поставленных с целью укрепления возможностей альянса, в коммюнике было отмечено «развитие ЕИБО в рамках НАТО путем осуществления по запросу ЗЕС и в сотрудничестве с ним военного планирования и проведения учений по отработке вероятных операций ЗЕС, которые он наметит»²⁰⁵. Учитывая столь многообещающие заявления, настойчивое нежелание европейцев принять на себя большой объем задач на Балканах и проверить, тем самым, состоятельность своих военно-интеграционных проектов, выглядело с точки зрения представителей американского политического класса особенно раздражающим.

Необходимо отметить, что в ходе берлинской встречи министров стран НАТО была окончательно зафиксировано предлагавшееся Соединенными Штатами видение ЕИБО. В качестве организационной формы ЕИБО была принята структура войсковых группировок ОМОС (Объединенных многонациональных оперативных сил) (CJTF), обсуждавшаяся между США, Великобританией и Францией еще с 1994 г.²⁰⁶ Предполагалось, что примерно к 2001 – 2002 гг. будет обеспечена возможность развертывания двух типов группировок ОМОС. Первым из них были бы группировки, развернутые (в случае необходимости) вне зоны ответственности НАТО и возглавляемые натовскими штабными органами. Второй тип предполагал такую же мобильную структуру, но состоящую

---

²⁰⁵ Final Communiqué, Ministerial meeting of the North Atlantic Council, Berlin, June 3, 1996, paragraph 7.

²⁰⁶ Sloan S. R. NATO: July 1997 Madrid Summit Outcome. Congressional Research Service (CRS) Report to Congress, 97-443 F, July 14, 1997. P. 4.

преимущественно или исключительно из европейских подразделений. При проведении тех или иных операций такая группировка, с согласия НАТО, т.е. в конечном счете и США, должна была передаваться под политическое управление ЗЕС. Этот последний тип ОМОС мог, в случае надобности, использовать на временной основе американские средства управления и связи, разведки, а также транспортировки²⁰⁷.

Именно второй тип ОМОС рассматривался Соединенными Штатами как практическое воплощение ЕИБО, вполне отвечающее интересам США в НАТО и Европе. Как отмечал позднее Ф. Гордон, являвшийся руководителем европейского направления в аппарате СНБ США при президенте У. Клинтоне, «Вашингтон успешно навязал ... политическое соглашение ... по ЕИБО»²⁰⁸.

Однако тот факт, что США добились согласия европейцев подписаться под данными условиями, не привел к реализации этого проекта на практике. Основная причина, как представляется, заключалась в отсутствии необходимого уровня доверия между ними, так как в случае с ОМОС, по сути, речь шла о том, что Вашингтон должен был в некоторой степени отказаться от своего прежнего безусловного контроля над всеми аспектами деятельности НАТО. Недостаток доверия, в частности, выражался в том, что Франция, которая, как предполагалось в 1996 г., должна была вновь присоединиться к военной структуре НАТО, в октябре 1997 г. отказалась от этого. При этом французские вооруженные силы, наряду с британскими, были единственными в Европе, которые обладали реальными (хотя и сильно ограниченными по сравнению с ВС США) возможностями для проведения экспедиционных операций за пределами европейской территории членов НАТО. В 2000 г. в докладе Исследовательской службы Конгресса США отмечалось, что «подготовительный процесс с целью

---

²⁰⁷ Ibidem;

Donfried K., Gallis P. European Security: The Debate in NATO and the European Union. Congressional Research Service (CRS) Report to Congress, RL30538, April 25, 2000. P. 3. URL: <http://www.fas.org/man/crs/crseu.htm>.

²⁰⁸ Gordon Ph. Address at the Paris Transatlantic Forum: European defence – European and American perceptions. May 18, 2000. // Occasional Papers 17, Institute for Security Studies, Western European Union, July 2000. P. 29.

создания действующих ОМОС остается на самом раннем этапе»²⁰⁹. Затем, в ноябре 2000 г. министры обороны и иностранных дел стран – членов ЗЕС договорились о передаче функций ЗЕС в ведение структур Евросоюза, тем самым, положив начало процессу упразднения указанной военно-политической организации.

Возвращаясь к вопросу о дискуссии в американском Сенате вокруг присутствия войск США на Балканах и ЕИБО, можно предположить, что упоминавшиеся сенатские поправки к военным бюджетам 1998 и 1999 гг. были мотивированы совсем не только стремлением обеспечить скорейший вывод американских войск из Боснии. Это была еще и явная попытка поставить перед европейцами, так сказать, «вопрос ребром». Они должны были или согласиться на вывод войск США из Боснии, или констатировать, что силы под эгидой ЕИБО неспособны выполнять самостоятельные задачи в Боснии, то есть признать безрезультатность попыток военно-интеграционного строительства, автономного от НАТО. В свою очередь отсутствие дееспособной альтернативы подчеркнуло бы значимость НАТО, в том числе и для реализации целей Запада в ходе балканского кризиса.

Одним из результатов этого внимания со стороны конгрессменов к теме ЕИБО стало включение в закон об оборонном бюджете 1999 фин. г. (по настоянию сенатора К. Левина) требования к министру обороны представить оборонным комитетам Конгресса доклад о развитии этого европейского проекта²¹⁰.

Тем не менее, активность американских законодателей не привела к прекращению американского военного присутствия в Боснии (хотя описанные настроения в рамках американского политического класса были одной из причин более активного участия европейцев в разрешении кризиса с участием албанского меньшинства в Македонии в начале 2000-х гг.) По мере постепенной стабилизации внутренней ситуации в Боснии и появления

---

²⁰⁹ Donfried K., Gallis P. Op. cit. P. 3.

²¹⁰ Congressional record: June 19, 1998 (Senate). P. 13082.

ряда других международных проблем для США, внимание конгрессменов к боснийским событиям было ослаблено. Но этого нельзя сказать об их внимании к процессу европейской оборонной интеграции, который к концу 1990-х гг. стал восприниматься в руководстве США, и в Конгрессе в частности, как один из наиболее серьезных внешнеполитических вопросов.

Наиболее интенсивная дискуссия в Конгрессе по вопросу о значении европейских интеграционных оборонных инициатив для США разгорелась в конце 1990-х гг. Эта активизация была вызвана рядом событий в Европе, которые производили впечатление о наличии у европейских лидеров политической воли для того, чтобы продвинуть процесс оборонной интеграции от преимущественно теоретических рассуждений к практическим действиям.

Глава 2. Активизация военно-политической деятельности Евросоюза и политика администрации У. Клинтона (1998 – 2000 гг.)

2.1. Принятие декларации в Сен-Мало и позиция США

(декабрь 1998 – июнь 1999 гг.)

Новый этап развития европейской оборонной интеграции начался с принятия получившей вскоре известность франко-британской декларации в Сен-Мало, которую сразу же поддержала Германия. Эта декларация стала результатом франко-британского саммита, состоявшегося в декабре 1998 г. на данном нормандском курорте. Смысл документа заключался в том, чтобы придать дополнительный импульс обозначенным интеграционным процессам. Наряду с традиционными уверениями о намерении действовать «в соответствии с имеющимися у нас обязательствами в рамках НАТО», президент Франции Ж. Ширак и премьер-министр Великобритании Т. Блэр также включили в текст несколько пунктов, которые по своему духу отличались от предыдущих заявлений европейцев по данному вопросу. А именно, в декларации, принятой в Сен-Мало, было зафиксировано, что:

«1. Европейскому Союзу необходимо занять положение, позволяющее ему полностью реализовать свою роль на международной арене...;

2. С этой целью, Евросоюз должен иметь возможности для самостоятельных действий, подкрепленных надежной военной силой, средства для принятия решений об ее использовании и готовность к этому, с тем, чтобы реагировать на международные кризисы. ... Европейцы будут действовать в рамках оперативных структур Европейского Союза»²¹¹.

Кроме того, была очерчена и сфера разграничения ответственности между мероприятиями в сфере безопасности и обороны под эгидой ЕС и натовской политикой. В документе отмечалось, что Евросоюз «должен иметь возможность принимать решения и санкционировать военные акции там, где

---

²¹¹ British-French Summit, St-Malo, December 3-4, 1998. // From St-Malo to Nice. European defence: core documents. Chaillot Paper 47, Paris – May 2001. P. 8.

Альянс [т.е. НАТО – авт.] в целом не задействован. ... В связи с этим, Европейскому союзу будет необходимо иметь доступ к соответствующим военным средствам (европейским силам и средствам, находящимся в составе европейской опоры НАТО, или национальным, а также многонациональным европейским средствам вне рамок НАТО)»²¹².

Что касается первого из приведенных пунктов, то именно подобные заявления дают обоснование применению теории «балансирования» для объяснения феномена ЕПБО представителями школы неореализма (подробнее об этом см. раздел «Обзор историографии»). Правда, в связи с этим возникает вопрос, насколько эти громкие прокламации находили воплощение на практике и, соответственно, что считать критерием оценки того или иного политического курса – политические заявления или реальные действия. В данном случае, являлись ли заявления европейских политиков изначально сугубо риторическими? Или же они (вернее часть этих политиков) искренне намеревались приступить к реализации «балансирования» в отношении Соединенных Штатов? С точки зрения оценки природы ЕПБО этот вопрос представляется дискуссионным, о чем и свидетельствуют аргументы институционалистов (см. там же).

Однако с точки зрения реакции США очевидно, что Вашингтон в любом случае не мог не отреагировать на такие амбициозные проекты именно как на попытку реального «балансирования» или, как минимум, формирования самостоятельной от Вашингтона «повестки дня».

Относительно второго из приведенных пунктов, обращает на себя внимание то обстоятельство, что даже европейские подразделения в составе войск НАТО были обозначены, как «находящиеся в составе европейской опоры НАТО», а это словосочетание ранее применялось в отношении ЕИБО. Таким образом, данное высказывание можно воспринимать, как готовность в случае необходимости потребовать от руководства НАТО (а точнее от США) не препятствовать желанию европейцев воспользоваться теми

---

²¹² Ibid. P. 8–9.

возможностями, которые и так им принадлежат. Однако трудно сказать, произвел ли этот намек впечатление на американскую администрацию и был ли он вообще замечен, например, в Конгрессе.

Соединенные Штаты немедленно отреагировали на итоги франко-британского саммита. Практически сразу после завершения встречи в Сен-Мало госсекретарь М. Олбрайт опубликовала в британской газете «Файненшиал Таймс» программную статью под заголовком «Правильный баланс обеспечит будущее НАТО»²¹³. Эта статья содержала критику в отношении европейских инициатив, и данные критические тезисы стали впоследствии стандартными в арсенале американской дипломатии.

Примечательно, что Франция, служившая привычным объектом недовольства США в связи с особенностями ее европейской политики, в данной статье М. Олбрайт вообще не упоминалась. А инициативы в области оборонной интеграции полностью были приписаны исключительно британскому лидеру Т. Блэру. Госсекретарь заявляла, что эти предложения будут оцениваться Вашингтоном с точки зрения одного критерия - «повышают ли они эффективность нашей совместной работы?»

По мнению М. Олбрайт, косовский кризис, развивавшийся как раз в то время, показал: «Политическая воля более важна, чем дополнительные бюрократические структуры. Проблема в Косово до того, как мы начали действовать вместе, заключалась не в нехватке подходящих учреждений; она заключалась в отсутствии согласия о том, как использовать уже имеющиеся учреждения».

Далее М. Олбрайт сформулировала свой ключевой тезис, который впоследствии стал классическим и многократно цитировался политиками и экспертами. «В то время как европейцы выбирают лучший путь для организации своего сотрудничества в сфере внешней политики и политики безопасности, ключевым фактором является четкое определение того, что любые институциональные перемены не нарушат основные принципы, на

---

²¹³ Albright M. The Right Balance Will Secure NATO's Future. Financial Times, December 7, 1998.

которых базируется атлантическое партнерство уже 50 лет. Это означает, что нужно избегать того, что я бы назвала три «Д»: разъединения (decoupling), дублирования (duplication) и дискриминации (discrimination)».

Далее госсекретарь разъясняла, что под «разъединением», она подразумевала отделение европейского процесса принятия военно-политических решений от общенатовского, под дублированием – создание параллельных военных и командных структур для НАТО и ЕС, а дискриминации предлагалось избегать в отношении участников НАТО, не являвшихся членами ЕС.

Необходимо отметить, что применение термина «разъединение» (decoupling) при описании аспектов отношений США и их европейских союзников не являлось неким изобретением М. Олбрайт. Это понятие часто использовалось еще в период «холодной войны». Однако в то время о «разъединении» в негативном контексте в основном говорили не американцы, а европейцы, когда речь шла об их опасениях, что в случае широкомасштабной войны в Европе со странами – участницами ОВД, США могли бы воздержаться от применения ядерного оружия против СССР и его союзников (чтобы не навлечь на себя ответный ядерный удар). Таким образом, в то время данный термин, по сути, обозначал отказ Вашингтона от реализации на практике гарантий безопасности, предоставленных европейским членам НАТО²¹⁴.

В свою очередь в конце 1990-х гг. это понятие нашло применение уже со стороны самих США, в лице М. Олбрайт. Очевидно, что госсекретарь использовала именно это слово для того, чтобы напомнить европейским партнерам об их собственных прошлых опасениях. Видимо, с помощью такой аллюзии она рассчитывала апеллировать к их чувству солидарности в контексте общего исторического опыта.

---

²¹⁴ См. напр.: Pierre A. J. Can Europe's security be "decoupled" from America? // Foreign Affairs. 1973. No. 4. P. 761-777.

Проводя подобную историческую параллель, М. Олбрайт тем самым обозначала и ту значимость, которую американское руководство придавало проблеме «автономной» европейской военно-политической интеграции. С формальной точки зрения речь в декларации Сен-Мало шла о довольно скромном уровне самостоятельности европейцев в указанных вопросах, особенно принимая во внимание, что за основу своих возможных военно-политических инициатив на международной арене ведущие страны ЕС приняли «Петерсбергские задачи». Однако госсекретарь, говоря о «разъединении», косвенно сравнила этот вопрос с такими проблемами прошлого, как, например, программа СОИ администрации Р. Рейгана, в связи с которой в тот период резко усилились опасения европейских политиков о возможном «разъединении» оборонного пространства НАТО в случае конфликта с СССР.

Тезис о нежелательности «дублирования» военно-политических структур и институций в рамках НАТО и ЕПБО официально подавался Соединенными Штатами как забота о максимально эффективном использовании ресурсов, выделяемых их европейскими союзниками на нужды обороны. При этом американские представители указывали на постоянное снижение уровня расходов европейских членов НАТО и отмечали, что формирование, в частности, новых штабных органов в рамках ЕПБО, аналогичных тем, что уже существовали в системе Северо-Атлантического альянса, привело бы к еще большему снижению вклада европейцев в НАТО²¹⁵.

Вместе с тем, очевидно, что НАТО является полноценным военно-политическим блоком, располагающим полным набором органов и процедур для осуществления коллективных мероприятий в данной сфере. Поэтому отказ от формирования хотя бы части таких же органов и процедур в рамках ЕПБО ставил этот европейский интеграционный проект в прочную и постоянную зависимость от НАТО (а по сути, от стран-членов альянса, не

---

²¹⁵ Ibidem.

состоящих в Евросоюзе, прежде всего – от США). Разумеется, и американские, и европейские представители полностью осознавали это обстоятельство. Но в силу устоявшегося формата трансатлантических отношений и те, и другие старались тщательно избегать называть вещи своими именами в данном вопросе.

Наконец, проблема возможной «дискриминации» со стороны военно-политических структур Евросоюза в отношении стран НАТО, не являвшихся членами ЕС, рассматривалась Соединенными Штатами, по словам самих американских представителей, прежде всего, с точки зрения «турецкого вопроса» в рамках трансатлантических отношений.

Одной из устойчивых исторических особенностей политики США на европейском направлении являлась неизменная поддержка полномасштабного участия Турции в западных структурах безопасности и стремления этой страны вступить в ЕС. В свою очередь сама Турция, как член НАТО, стремится использовать институты и полномочия альянса для оказания воздействия на правительства стран Евросоюза. Это привело к тому, что в декабре 2000 г. Анкара, используя принцип единогласного принятия решений в НАТО, заблокировала процесс выяснения модуса взаимодействия между блоком и ЕПБО. Очевидно, Турция намеревалась тем самым приостановить процесс формирования ЕПБО и продемонстрировать европейцам их зависимость в этом вопросе от отношений с Анкарой.

Эта ситуация, по мнению бывшего американского посла в НАТО Р. Хантера, поставила перед США следующую проблему. С одной стороны Вашингтон стремился получить от европейцев максимально возможные гарантии того, что ЕПБО не будет подтачивать влияние НАТО. Но с другой стороны, блокирование Турцией переговорного процесса между структурами НАТО и ЕПБО означало, что «ЕС мог продвигать вперед свой проект самостоятельно. Это, скорее непреднамеренно, чем специально, приводило к

возможности расширения политического и психологического разрыва с НАТО»²¹⁶.

Таким образом, в качестве немедленной реакции на декларацию Сен-Мало США обозначили ограничительные линии для действий европейцев. Такой подход США вызвал противоречивые оценки. С одной стороны, сами американские дипломаты в частных беседах, ретроспективно описывая данные события, отмечали, что «три «Д»», выдвинутые М. Олбрайт, оставляли довольно большое пространство для развития инициативы Сен-Мало²¹⁷. В то же время в Европе демарш госсекретаря был воспринят сдержанно критически²¹⁸, а впечатление от выдвинутых ею условий, а особенно от формы их подачи, часто характеризовалось в работах не только европейских, но и американских авторов как излишне негативное²¹⁹.

Такую разницу в оценках можно объяснить несколькими факторами. Вашингтон, со своей позиции, оценивал европейскую инициативу хоть и с осторожностью, но не полностью негативно. «Реабилитирующим» моментом, в глазах США, было участие в ней Великобритании. Традиционно, Соединенное Королевство было самым надежным и предсказуемым европейским партнером США в оборонных вопросах. Великобритания в течение десятилетий после Второй Мировой войны разделяла американскую осторожность и скептицизм в отношении инициатив, которые могли бы вызвать разногласия между США и Европой в рамках НАТО, особенно, когда эти инициативы исходили от Франции и опирались на голлистское видение ситуации в трансатлантических отношениях. По этой причине Вашингтон не стал однозначно негативно реагировать на декларацию Сен-Мало, видимо, рассчитывая, что участие Великобритании гарантирует отсутствие серьезных негативных последствий

---

²¹⁶ Hunter R. E. Op. cit. P. 40.

²¹⁷ Giegerich B., Pushkina D., Mount A. Towards a Strategic Partnership? The US and Russian Response to the European Security and Defense Policy// Security Dialogue, v. 37, no.3, September 2006. P. 389.

²¹⁸ См., напр., Heisbourg F. European defence takes a leap forward. NATO Review, Vol. 48, No. 1, Spring – Summer 2000, раздел «Damaging rhetoric». URL: <http://www.nato.int/docu/review/2000/0001-03.htm>.

²¹⁹ См., напр., Sloan S. R. The United States and European Defense, P. 18.

этой дипломатической акции для американских интересов в Европе. В частности, уже по прошествии некоторого времени после появления декларации Сен-Мало, 10 марта 1999 г. первый заместитель госсекретаря США С. Тэлботт заявил, выступая перед британской аудиторией: «Мы поддерживаем ЕИБО. Мы за то, чтобы в рамках альянса [НАТО – авт.] имелась возможность для европейских членов брать на себя и решать проблемы без того, чтобы все время прибегать к американскому военному вмешательству (combat involvement). Это в общих интересах. Мы приветствуем премьер-министра Т. Блэра за его подход и его лидерство в данном вопросе – как и во многих других»²²⁰.

Вашингтон, со своей стороны, по-прежнему стремился использовать организационный потенциал НАТО для сдерживания событий от развития в неправильном, с точки зрения США, русле. В частности, существенное значение для целей политики США в отношении европейской оборонной интеграции играла выдвинутая Соединенными Штатами в рамках НАТО «Инициатива по расширению оборонных возможностей» (Defense Capabilities Initiative – DCI).

Данная «Инициатива» была направлена на укрепление военного потенциала членов альянса в таких сферах, как мобильность войск, их способность действовать длительное время на большом расстоянии от баз снабжения, их возможности по ведению собственно боевых действий против всех типов противников, боевая устойчивость, развитие систем связи с целью укрепления взаимодействия войсковых подразделений союзников²²¹.

Исходя из того, что к концу 1990-х гг. становилось все более очевидным отставание европейских армий от вооруженных сил США по всем указанным параметрам, было очевидно, что данная «Инициатива» имела своей задачей побудить европейцев увеличить свои военные бюджеты

---

²²⁰ Talbott S. A New NATO for a New Era. Address at the Royal United Services Institute, London, United Kingdom, March 10, 1999. URL: http://1997-2001.state.gov/www/policy_remarks/1999/990310_talbott_nato.html

²²¹ Defence Capabilities Initiative, NATO Press Release NAC-S(99)69, April 25, 1999;

“NATO’s Defence Capabilities Initiative”. NATO Fact Sheet. August 9, 2000. URL: <https://web.archive.org/web/20061130145431/http://www.nato.int/docu/facts/2000/nato-dci.htm>

и активизировать программы в оборонной сфере. Работа над этим проектом, с подачи госсекретаря М. Олбрайт, началась в декабре 1998 г., когда соответствующее решение было принято на встрече министров обороны стран НАТО²²².

Появление «Инициативы по расширению оборонных возможностей» не было непосредственно вызвано стремлением США повлиять на процесс европейской оборонной интеграции. Очевидно, что главной причиной выдвижения этого проекта было намерение американской администрации побудить союзников по альянсу принять меры, чтобы в случае необходимости взять на себя более существенную ответственность и затраты в рамках совместных с США операций. В пользу этого говорит и то обстоятельство, что к декабрю 1998 г. вероятность проведения военной кампании против Югославии Северо-Атлантическим альянсом становилась все более высокой. Таким образом, Инициативу можно оценить как один из политических шагов США в рамках их давних дискуссий с европейскими союзниками о разделении затрат (*burden-sharing*) в рамках НАТО, которые являлись одной из важных частей повестки дня в течение всего периода «холодной войны».

Как отмечал в этой связи бывший посол США в НАТО Р. Хантер, «эта Инициатива по расширению оборонных возможностей не была создана по причине дебатов о ЕИБО, ... однако определенная связь все-таки имелась – как заявила М. Олбрайт на заседании НАТО через несколько дней после появления декларации Сен-Мало: “Ключом к успеху Европейской инициативы в сфере безопасности и обороны является концентрация на практических аспектах развития оборонных возможностей”»²²³. На том же заседании США выдвинули для обсуждения и указанную Инициативу. При этом в ее рамках европейским союзникам предлагалось направить усилия как раз на те сферы оборонного строительства, которые, по мнению США,

---

²²² Meeting of the North Atlantic Council in Defence Ministers' Session, Brussels December 17, 1998, paragraph 20.

²²³ Hunter R. E. Op. cit. P. 50.

европейцы намеревались развивать в контексте своих собственных военно-интеграционных планов. По словам Р. Хантера, это было не совпадением, а целенаправленным шагом США²²⁴.

Таким образом, «Инициативу по расширению оборонных возможностей» можно рассматривать как попытку США, наряду с решением других задач, «не выпустить» за рамки НАТО европейские военно-политические проекты. Очевидно, что если бы европейцы активно подключились к реализации задач, поставленных Инициативой, у них уже не было бы возможностей и ресурсов для реализации самостоятельных интеграционных оборонных планов вне натовских структур. При этом нужно учитывать выдвинутое на той же встрече министров стран НАТО требование М. Олбрайт избегать «дублирования» военно-политических усилий европейских союзников внутри и вне рамок Северо-Атлантического альянса, которое еще больше сужало свободу действий европейцев.

«Инициатива по расширению оборонных возможностей» была одобрена на вашингтонском саммите НАТО, состоявшемся 23-24 апреля 1999 г. Вопрос о европейской оборонной интеграции затрагивался сразу в нескольких документах, принятых по итогам этой встречи. В частности, в коммюнике саммита и в принятой на этой встрече новой Стратегической концепции НАТО многократно упоминается тезис о том, что ЕИБО должен развиваться в рамках Северо-Атлантического альянса²²⁵. Вместе с тем, в указанных документах вновь были подробно проработаны вопросы взаимодействия между структурами НАТО и европейцами в случае проведения последними самостоятельных военно-политических мероприятий без участия всего Северо-Атлантического альянса. При этом в порядок такого взаимодействия были внесены значительные изменения по сравнению с теми договоренностями, которые были закреплены в Берлине в 1996 г.

---

²²⁴ Ibid. P. 50 – 51.

²²⁵ Final Communiqué, North Atlantic Council summit, Washington, D.C., April 24, 1999 // From St-Malo to Nice. European defence: core documents. Chaillot Paper 47, Paris – May 2001, P. 20–23; The Alliance's Strategic Concept. Approved by the Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council in Washington D.C. on 23rd and 24th April 1999. // Ibid. P. 24–39.

Во-первых, в коммюнике вашингтонского саммита та роль, которая в предыдущих решениях НАТО отводилась ЗЕС, как институциональному базису ЕИБО, теперь была признана и за Евросоюзом²²⁶. Таким образом, по смыслу данного документа США и другие страны НАТО–не члены ЕС, согласились признать Евросоюз главным действующим лицом европейской автономной военно-политической интеграции. Во-вторых, в том же коммюнике было зафиксировано, что Евросоюз будет иметь быстрый, легко осуществимый доступ (ready access) к коллективным средствам и возможностям НАТО, необходимым ЕС в случае осуществления им самостоятельных военных операций²²⁷. Более того, в документе содержался термин «презумпция доступности» (presumption of availability) для ЕС «заранее определенных военных возможностей и общих средств НАТО для использования в возглавляемых ЕС операциях».²²⁸ Предполагалось, что роль руководителя такой гипотетической операции будет изначально закреплена за заместителем командующего войсками НАТО в Европе, пост которого, по установленному в блоке порядку, занимает генерал одной из европейских армий.

Очевидно, что эти условия соглашения представляли собой большой шаг навстречу планам европейцев со стороны США. США не стали возражать против передачи функций ответственной за ЕИБО структуры от ЗЕС к ЕС, хотя могли это сделать на том основании, что в Евросоюз входит гораздо больше государств, чем в ЗЕС, причем часть из этих «дополнительных» стран не обладает членством в НАТО (Австрия, Ирландия, Финляндия и Швеция, то есть страны, являвшиеся нейтральными в период «холодной войны», правда они являлись странами – наблюдателями в ЗЕС). Из этого теоретически следовало, что в случае участия одной из этих стран в вооруженном конфликте в него мог быть втянут и Евросоюз в целом, который, в свою очередь, мог бы потребовать от НАТО (и США в том числе)

---

²²⁶ Final Communiqué, North Atlantic Council summit, Washington, D.C., April 24, 1999, paragraphs 9, 10.

²²⁷ Ibid. paragraph 9 (a).

²²⁸ Ibid. paragraph 10 (b).

предоставить ему средства для осуществления операции в поддержку одного из указанных членов, не входящих в Североатлантический альянс. В случае с ЗЕС такой теоретической возможности не существовало, поскольку все полноправные страны-участницы Западноевропейского союза являлись и членами НАТО. Однако США, по-видимому, не сочли необходимым начинать дебаты с европейскими союзниками, используя подобную оторванную от реальности аргументацию, поскольку очевидно, что вероятность участия упомянутых четырех государств в каком-либо военном конфликте без согласования с другими, более влиятельными странами ЕС, параллельно являющимися членами НАТО, была и остается исчезающе малой.

Кроме того, терминология, использовавшаяся в коммюнике для обозначения обязательств НАТО перед европейцами по предоставлению последним сил и средств блока для осуществления автономных операций, намеренно была еще более усилена и конкретизирована (свидетельством чему является термин «презумпция доступности»).

Однако все эти уступки со стороны США их европейским партнерам сопровождалась другими условиями, которые показывали, какой баланс между «за» и «против» сформировался к тому моменту в подходе американского руководства к европейской автономной военной составляющей. Во-первых, в Стратегической концепции НАТО было прописано, что «на основе решений альянса, принятых в Берлине в 1996 г. и впоследствии, развитие Европейской идентичности в сфере безопасности и обороны будет продолжено в рамках НАТО»²²⁹. Во-вторых, в документах саммита было неоднократно отмечено, что указанные автономные операции под руководством ЕС могут предприниматься лишь там и тогда, когда «альянс в целом не будет задействован». Из этого условия логически следовала необходимость того, что «НАТО и ЕС должны обеспечить

---

²²⁹ The Alliance's Strategic Concept. Approved by the Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council in Washington D.C. on 23rd and 24th April 1999, paragraph 30.

создание действенных каналов взаимных консультаций, сотрудничества и транспарентности, основываясь на механизмах, существующих между НАТО и ЗЕС», как это было записано в коммюнике саммита²³⁰. Наконец вновь была воспроизведена несколько демагогическая формулировка о том, что силы и средства НАТО, которые могли быть переданы во временное пользование Евросоюзу, являлись «отделяемыми, но не отдельными» от общей структуры блока.

Комплекс указанных договоренностей показывал, что те уступки, на которые пошли США²³¹ своим союзникам по НАТО – членам ЕС, был обусловлен одним встречным требованием. Оно заключалось в безусловном признании положения о том, что, независимо от того, под чьим руководством будут предприниматься самостоятельные европейские оборонные проекты – ЗЕС или ЕС, – в любом случае право первого решения в этих вопросах будет принадлежать НАТО (а, по сути – Соединенным Штатам). Именно этот смысл несла в себе формулировка о том, что операции ЕС могут осуществляться лишь там, где «альянс в целом не будет задействован»²³². Она означала, что в случае возникновения где-либо в мире кризисной ситуации, в которой европейцы посчитают необходимым участвовать, руководство НАТО (и США) предварительно должно будет решить, существует ли такая необходимость и для альянса в целом. И лишь после отказа от участия всего НАТО должно было бы последовать решение о предоставлении коллективных сил и средств альянса («отделяемых, но не отдельных») во временное распоряжение Евросоюза, а по сути – под

---

²³⁰ Final Communiqué, North Atlantic Council summit, Washington, D.C., April 24, 1999, paragraph 9 (b).

²³¹ Необходимо оговориться, что кроме США данные документы, разумеется, были подписаны и всеми другими 18 странами НАТО, 9 из которых (учитывая США) не состояли в Евросоюзе. Следовательно, можно говорить о том, что договоренности об автономных действиях ЕС с использованием средств НАТО были достигнуты между 10 членами блока, участвовавшими в Евросоюзе, с одной стороны, и 9 странами НАТО, не входившими в ЕС, - с другой. Однако, принимая во внимание политический вес и влияние США в НАТО в целом и, тем более, в рамках группы стран, не входивших в ЕС, не будет большим преувеличением сказать, что единственным принципиально важным партнером стран Северо-Атлантического альянса – членов ЕС в данном контексте был именно Вашингтон.

²³² Не случайно аналитики исследовательской службы конгресса США охарактеризовали Стратегическую концепцию НАТО в этой части, как «отражение пожеланий, выраженных сенатом в «поправке Кайла»». Эта поправка одновременно декларировала безусловное верховенство США в рамках НАТО и призывала союзников по альянсу развивать возможности для создания «коалиций добровольцев». См.: Donfried K., Gallis P. Op. cit. P. 3. Подробнее об этой поправке см. выше.

управление заместителя верховного главнокомандующего войсками НАТО в Европе. Эту должность в натовской иерархии традиционно занимает представитель вооруженных сил Великобритании или Германии, чаще всего – британский генерал.

Таким образом, исходя из вашингтонских договоренностей, решение о предоставлении коллективных сил и средств НАТО Евросоюзу, после отказа всего блока от участия в кризисной операции, должно было приниматься почти автоматически, независимо от того, считали ли США такую автономную европейскую операцию соответствующей своим интересам, или нет. Рассуждая гипотетически, это означало, что в рамках ситуации, подобной, например, Суэцкому кризису, США, исходя из «презумпции доступности», должны были бы одобрить предоставление коллективных сил и средств НАТО (в том числе американских), в распоряжение европейских союзников.

Очевидно, что в Соединенных Штатах вполне осознавали все неудобства такой ситуации для американских интересов, несмотря на то, что возникновение подобного стечения обстоятельств на практике к концу 1990-х годов было весьма маловероятным, учитывая все параметры трансатлантических отношений. Поэтому в качестве возможной «страховки» на том же вашингтонском саммите было зафиксировано еще одно толкование отношений НАТО и европейской обороны. Причем это толкование прямо противоречило цитированным выше положениям коммюнике, принятого на той же встрече. Таким образом, тот баланс интересов, который был зафиксирован в комплексе документов, принятых на саммите, оказывался как минимум размытым, а американская позиция, фактически, имела «двойное дно».

Альтернативный подход к отношениям по линии НАТО – европейская оборона был изложен в новой Стратегической концепции НАТО, документе

долгосрочного и, теоретически, более фундаментального характера²³³, чем сравнительно ситуативное коммюнике саммита. В том пункте Концепции 1999 г., который был посвящен ЕИБО, отмечалось, что европейские союзники смогут «действовать самостоятельно, если Альянс будет готов выделить свои средства..., с индивидуальным подходом к каждому случаю и на основе единогласного решения» НАТО²³⁴. Тем самым, возможность самостоятельных действий европейцев тщательно обуславливалась целым рядом условий, что прямо противоречило приведенным выше формулировкам о «быстром доступе» и «презумпции доступности» коллективных средств НАТО для европейцев.

Академик РАН В.В. Журкин в своей работе «Военная политика Евросоюза» называет эти противоречия в документах вашингтонского саммита НАТО «политической эквилибристикой»²³⁵. Нельзя не согласиться с его выводом о том, что целью американских дипломатов в данной ситуации было «оставить открытыми [для США – авт.] разные возможности реакции на поведение ЕС – и более мягкой, и более жесткой»²³⁶. Ясно, что приведенные формулировки сознательно предназначались для того, чтобы сохранить для США полную «свободу рук» в вопросе о том, как реагировать на европейские попытки предпринять самостоятельные военные операции, если бы такие попытки состоялись.

Таким образом, получив определенные гарантии со стороны стран Евросоюза об ограничении их военно-интеграционных амбиций, сами США взамен никаких гарантий не давали. Как тонко выразился по данному поводу Р. Хантер, «со своей стороны НАТО признала концепцию “автономных действий ЕС”, правда, *не определяя точно, что этот термин означает, и повысила вероятность* того, что НАТО не попытается сорвать эту

---

²³³ Стратегические концепции НАТО обновляются, приблизительно, раз в десять лет, в то время как саммиты альянса проходят в среднем раз в два года, а начиная с 2000 г. – и чаще.

²³⁴ The Alliance's Strategic Concept. Approved by the Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council in Washington D.C. on 23rd and 24th April 1999, paragraph 30.

²³⁵ Журкин В.В. Указ. соч. С. 79.

²³⁶ Там же.

договоренность посреди [гипотетического – авт.] военного кризиса» (курсив мой – авт.)²³⁷. Иными словами, в случае, если США приходили к выводу, что гипотетическая операция Евросоюза не соответствовала их интересам, они оставляли за собой юридическую возможность эту операцию сорвать.

Указанное соглашение, достигнутое между странами НАТО – членами ЕС и государствами блока, не входившими в Евросоюз, получило условное наименование «Берлин Плюс». Это означало, что данные договоренности являлись развитием соглашения, достигнутого в 1996 г. на встрече министров НАТО в Берлине.

Очевидно, у Соединенных Штатов были основания полагать, что урегулирование вопроса в такой форме являлось приемлемым для всех сторон, в том числе и для Франции, являвшейся наиболее активным сторонником европейской военно-политической автономии. Поскольку все решения в рамках НАТО принимаются на основе консенсуса, представители Парижа поставили свои подписи и под указанными документами вашингтонского саммита.

2.2. Кельнский саммит Евросоюза и обострение противоречий с США по вопросу «европейской обороны» (июнь – ноябрь 1999 г.)

3–4 июня 1999 г., то есть лишь немногим более чем через месяц после вашингтонского саммита НАТО, состоялась встреча на высшем уровне стран-членов Евросоюза в Кельне. Одним из ее главных итогов стало принятие «Декларации Европейского Совета об усилении общей Европейской политики безопасности и обороны»²³⁸. Содержание этого документа довольно серьезно контрастировало как с результатами вашингтонского саммита, так, очевидно, и с представлениями США об имевшемся на тот момент трансатлантическом консенсусе в вопросе о

---

²³⁷ Hunter R. E. Op. cit. P. 55.

²³⁸ Declaration of the European Council on Strengthening the Common European Policy on Security and Defence. European Council, Cologne, June 3–4, 1999 // From St-Malo to Nice. European defence: core documents. Chaillot Paper 47, Paris - May 2001. P. 41–45.

европейской военно-политической самостоятельности. «Декларация» в существенно большей степени была продолжением и конкретизацией решений, принятых ранее в Сен-Мало, чем развитием договоренностей, достигнутых на вашингтонском саммите.

В Кельне было принято важное и далеко идущее заявление о том, что по мнению глав государств ЕС «Европейский Союз должен играть полномасштабную роль на международной арене». В связи с этим, лидеры ЕС намеревались «предоставить Европейскому Союзу необходимые средства и возможности, чтобы он мог принять на себя ответственность в отношении общей Европейской политики безопасности и обороны».

Далее, европейские лидеры более четко обозначили тот круг задач, которые они намеревались самостоятельно решать с помощью военных средств. Еще в 1992 г. лидерами стран-участников ЗЕС был принят список так называемых Петербургских (по названию места, где проходил саммит) задач, для решения которых предлагалось задействовать ЗЕС. В 1997 г. этот же список был включен в обновленную (амстердамскую) версию договора о Евросоюзе. В декларации по итогам саммита Европейского Совета в Кельне в июне 1999 г. было отмечено, что одним из главных ориентиров в области формирования ОВПБ Евросоюз будет считать достижение возможности организовывать и осуществлять действия по урегулированию ситуаций, обозначенных среди Петербургских задач²³⁹. К ним относятся гуманитарные и спасательные, миротворческие миссии, а также ограниченные боевые задачи в рамках урегулирования кризисов. Как гласила декларация, достижение такой возможности означало, что «Евросоюз должен иметь способность предпринимать автономные действия, при поддержке надежной военной силы, о решении о ее применении и готовности пойти на это, имея

---

²³⁹ Declaration of the European Council on Strengthening the Common European Policy on Security and Defence. European Council, Cologne, June 3–4, 1999, point 1. // Ibid. P. 41.

задачей реакцию на международные кризисы без ограничения свободы действий НАТО»²⁴⁰.

Одним из важных результатов встречи в Кельне стало закрепление в официальном лексиконе понятия «Европейская политика безопасности и обороны» (ЕПБО) взамен ранее шире применявшегося сочетания «Европейская идентичность в сфере безопасности и обороны» (ЕИБО). Совершенно очевидно, что с помощью новой формулировки европейские лидеры стремились внести большую четкость в понимание того, какую цель преследовали европейские военно-интеграционные процессы. Задача формирования общей политики в такой сфере как оборона и безопасность, выглядит, во-первых, более четкой и понятной, а во-вторых, более амбициозной, чем достижение некоей идентичности в данной области.

Одновременно, в более практическом смысле, разница между ЕИБО и ЕПБО состояла преимущественно в том, что первая рассматривалась как региональный интеграционный проект НАТО, «европейская опора» в общих рамках альянса, а вторая уже изначально была задумана как мероприятие Евросоюза. Хотя оба эти понятия использовались и ранее, в том числе в документах вашингтонского саммита НАТО, после кельнской встречи понятие ЕПБО было прочно ассоциировано именно с европейскими интеграционными проектами, автономными не в рамках НАТО, а от НАТО. В то же время термин ЕИБО в декларации по итогам кельнского саммита вообще не применялся.

В целом, итоги кельнской встречи были восприняты американской дипломатией с разочарованием. Стилистика принятых на саммите заявлений по вопросу ЕПБО, вызвала в Госдепартаменте и в администрации США ощущение того, что европейцы в существенной степени нарушили тот консенсус, который был достигнут в апреле 1999 г. на встрече НАТО в Вашингтоне. По мнению бывшего представителя США при НАТО Р. Хантера, основные вопросы у американцев вызвали даже не

---

²⁴⁰ Ibidem.

процитированные выше амбициозные европейские декларации об усилении роли ЕС в мире, а то обстоятельство, что в кельнских документах были повторена одна часть вашингтонского консенсуса, но оставлена без внимания другая. В частности были воспроизведены тезисы о «гарантированном доступе ЕС» к штабным структурам НАТО и о «презумпции доступности» других, заранее определенных натовских ресурсов для Евросоюза²⁴¹. Но при этом исчезли обязательные с американской точки зрения («ритуальные», как их называет Р. Хантер)²⁴² заявления о главенстве НАТО в принятии самих решений о том, начинать ту или иную операцию силами всего блока, или отдать ответственность за нее Евросоюзу. Это означало, что американские обязательства оставались в силе, а о встречных обязательствах ЕС европейцы предпочли не упоминать. Р. Хантер описывал реакцию на это в Вашингтоне в следующих выражениях: «Неудивительно, что администрация США пришла к выводу, что Евросоюз нарушил доверие по данному вопросу»²⁴³.

При этом бывший американский посол выдвигает версию, что дополнительным стимулом для такого поведения европейцев послужил косовский кризис, а точнее та ситуация, которая возникла с «разделением труда» между европейскими и американскими военными в ходе операции против Югославии. Эта операция продемонстрировала стремительно нарастающее технологическое и профессиональное отставание армий европейцев от вооруженных сил США. Как следствие, со стороны Вашингтона последовали упреки по адресу европейцев в том, что те не могут или не хотят брать на себя сравнимую с США долю затрат в этом военном конфликте. В свою очередь, по словам Р. Хантера, эти упреки вызвали ответное раздражение со стороны ряда европейских политиков и военных, в частности, как реакция на то, что США прямолинейно стремились навязать союзникам свою волю и свое видение в ходе развития косовского кризиса²⁴⁴.

---

²⁴¹ Ibidem.

²⁴² Hunter R. E. Op. cit. P. 56.

²⁴³ Ibid. P. 57.

²⁴⁴ Ibid. P. 55.

(Это высказывание Р. Хантера по сути представляет собой косвенное признание неудачи самой идеи косовской кампании, которая, как нам представляется, была инициирована Соединенными Штатами едва ли не в первую очередь именно для того, чтобы надежнее закрепить европейских союзников в американской военно-политической орбите).

Характерно, что данное предположение Р. Хантера полностью разделяет французский аналитик Ф. Бозо, старший научный сотрудник Французского института международных отношений. Он указывает на то, что и американцы, и европейцы одинаково критично оценивали опыт взаимодействия союзников в ходе косовского кризиса, однако «фундаментальные причины их недовольства были различающимися, а то и противоположными».

Американцы сетовали на то, что им пришлось взять на себя чрезмерно большую часть усилий в ходе операции, а вклад европейских военных должен был быть существенно более значительным. При этом американцы считали, что европейцы мешали США проводить операцию в соответствии с оптимальной стратегией. В свою очередь европейцы жаловались на то, что их влияние на управление косовской операцией было слишком ограничено²⁴⁵.

Это мнение, по сути, разделяют авторитетный британский эксперт по вопросам европейской оборонной интеграции Дж. Хоурт и американский профессор Дж. Килер. Более того, в своей совместной работе они отмечают, что за 1990-е годы прецедент косовской военной кампании был не единственным, хотя и самым важным примером, когда США слишком откровенно давали понять европейцам ущербность их военного потенциала и связанные с этим политические последствия. В качестве других примеров они упоминают Дейтонское соглашение по Боснии, которое по словам этих экспертов, «было *навязано* не только балканским, но и европейским делегациям» (курсив сохранен), а также решение о расширении НАТО,

---

²⁴⁵ Bozo F. The Effects of Kosovo and the Danger of Decoupling // Defending Europe: The EU, NATO and the Quest for European Autonomy. Howorth J., Keeler J. (eds.), N.Y. – Basingstoke, 2003. P. 65.

принятое в мае 1997 г., когда Вашингтон «односторонне продиктовал, кто станет новым членом альянса»²⁴⁶. Исходя из их логики, Косово стало своего рода «последней каплей», которая дала выход накапливавшемуся у европейцев раздражению.

Таким образом, формулировки принятые в Кельне, отражали не только декларируемое намерение европейцев создать автономные военно-политические структуры, но и были своего рода психологической реакцией на вновь проявившийся в связи с агрессией против Югославии американский диктат (или менторский тон). В связи с этим, неудивительно их желание вывести вопрос о развитии интегрированных европейских военных институтов и операций из-под влияния НАТО.

Общеизвестно, что процесс принятия решений в рамках этой организации предполагает безусловное участие США с правом важнейшего голоса. Разумеется, это относилось и к вопросу об ЕИБО: еще в январе 1999 г., в ходе продолжавшейся дискуссии после саммита в Сен-Мало, американский представитель в НАТО А. Вершбоу²⁴⁷ заявил: «Особенно важным пунктом берлинского коммюнике²⁴⁸ был тот принцип, что мы будем действовать вместе – то есть в рамках НАТО – везде, где это возможно. Это был лучший способ обеспечить солидарность и эффективность. Независимо от того, участвуют США или нет [в той или конкретной операции – авт.], решения о том, кто будет возглавлять операцию – НАТО, ЗЕС или ЕС – будет общим. Обязательно должно быть единство цели, даже когда некоторые союзники предпочитают не участвовать в конкретной операции». Как пояснил А. Вершбоу, именно эту мысль имела в виду М. Олбрайт, когда в декабре 1998 г. заявила о неприемлемости «разъединения» союзников по НАТО²⁴⁹.

---

²⁴⁶ Howorth J., Keeler J. The EU, NATO and the Quest for European Autonomy // *Defending Europe: The EU, NATO and the Quest for European Autonomy...*, P. 12, примечание 27.

²⁴⁷ Впоследствии, в 2001 – 2005 гг. он был послом США в России.

²⁴⁸ А. Вершбоу имел в виду коммюнике по вопросам ЕИБО, принятое по итогам встречи министров обороны стран НАТО в Берлине 3 июня 1996 г. Подробнее о нем см. выше.

²⁴⁹ Vershbow A. R. *European Security and Defense Identity: Berlin, St. Malo, and Beyond.* // *Joint Forces Quarterly*, Spring 1999. P. 53.

Таким образом, США весьма твердо и на публичном уровне заявляли о том, что требуют сохранения за Вашингтоном контроля над всей военно-политической сферой на пространстве, охватываемом НАТО. Итоги кельнского саммита ЕС показали, что после косовского кризиса такая постановка вопроса перестала устраивать ведущие государства Западной Европы. Стоит отметить, что мотивация этих государств в данном случае довольно существенно различалась между собой. Особый интерес представляет позиция Великобритании, правительство которой, принимая участие в этих европейских демаршах, преследовало цель не столько дистанцироваться от США в военно-политическом аспекте, сколько усилить свою роль в общеевропейской политике и одновременно продемонстрировать Вашингтону свою значимость в контексте сохранения американского влияния в Европе.

Именно указанная тактика Великобритании стала дополнительной причиной для разочарования США решениями, принятыми в Кельне. Об этом свидетельствует американский исследователь, бывший аналитик Исследовательской службы Конгресса С. Слоан²⁵⁰. Ссылаясь на сведения некоего анонимного чиновника американской администрации, он сообщает, что британские представители на регулярной основе приводили предварительные консультации с руководством США перед каждым существенным этапом переговоров с Францией и другими европейскими союзниками по теме европейской обороны. Целью этих консультаций для британцев было убедить американских партнеров в том, что текущие перспективы развития европейского оборонного интеграционного процесса полностью совпадают со взглядами представителей США. Однако результаты переговоров в Кельне (а еще раньше – и в Сен-Мало) продемонстрировали американцам, что несмотря на такое предварительное обсуждение, европейцы, по итогам дискуссий по этой теме друг с другом,

---

²⁵⁰ С. Слоан, будучи экспертом по трансатлантическим отношениям, долгое время проработал аналитиком в американских разведывательных структурах, а затем в Исследовательской службе Конгресса США.

делали намного более существенный акцент на своей «автономии», чем этого хотелось бы американской администрации²⁵¹. Тем самым, британцы с помощью указанных консультаций в какой-то степени даже вводили Вашингтон в заблуждение, по сути, усыпляя его бдительность.

Примечательно, что первой, хотя и малоизвестной, реакцией на публичном уровне со стороны США на кельнский саммит стали слушания в Конгрессе по вопросу о влиянии европейских инициатив на НАТО. Конечно, подобные темы становились предметом дискуссий в Конгрессе и раньше. Но в предыдущих случаях европейская военно-политическая интеграция обсуждалась в качестве побочной темы для других, более насущных проблем. В основном такими проблемами были конфликты на Балканах. На этот раз конгрессмены уделили особое внимание собственно итогам кельнского саммита.

5 августа 1999 г. в Сенате два видных республиканских сенатора, У. Рот и Р. Лугар, выдвинули резолюцию под №175²⁵². Хотя в ее названии упоминались только НАТО и ее вашингтонский саммит, сразу несколько пунктов документа напрямую оценивали итоги кельнской встречи ЕС. Сенаторы выдвинули ряд требований о том, как ЕС был должен и как не был должен выполнять решения этой встречи. Фактически, сенаторы повторили предостережения госсекретаря М. Олбрайт от декабря 1998 г., но уже в приложении к новым европейским инициативам.

Во-первых, Евросоюз не должен был проводить дискриминацию против членов НАТО, не входивших в ЕС (пункт 8 резолюции). Также, выполнение решений Кельна не должно было способствовать развитию таких стратегических подходов к вопросам трансатлантической безопасности, которые противоречили бы подходам НАТО (пункт 9). В резолюции присутствовал и пункт, дословно повторявший требование М.

---

²⁵¹ Sloan S. R. The United States and European Defense ..., P. 17–18.

²⁵² S. Res. 175 - Expressing the sense of the Senate regarding United States policy toward the North Atlantic Treaty Organization, in light of the alliance's April 1999 Washington summit and the conflict in Kosovo. Congressional Record: August 5, 1999 (Senate). Page S10499.

Олбрайт, выдвинутое в декабре 1998 г. о недопустимости «ненужного дублирования» в рамках ЕС ресурсов и возможностей, предоставляемых НАТО (пункт 10).

Очень выразительно звучал 11 пункт резолюции: «Выполнение Евросоюзом решений его кельнского саммита не должно привести к сокращению военных ресурсов, выделяемых европейскими союзниками для НАТО, а напротив, должно обеспечить полное выполнение их соответствующих обязательств по выделению сил для альянса». Как представляется, это предложение несло довольно ограниченную смысловую нагрузку, так как было очевидно отсутствие дипломатическо-правовой связи между решениями кельнского саммита ЕС и обязательствами европейских стран в рамках НАТО. Но при этом данный пункт особенно ярко подчеркивал общий подход выдвинувших резолюцию сенаторов к кельнским соглашениям, который можно охарактеризовать как неприятие с эмоциональной точки зрения и скепсис – с политической.

Дальнейшего обсуждения данной резолюции в тот момент не произошло, однако она послужила основой для последующих заявлений Конгресса США с оценками результатов кельнского саммита. Можно предположить, что в августе 1999 г. резолюция №175 не получила продвижения в Сенате, поскольку представители Госдепартамента убедили ее авторов, что данное обсуждение в тот момент повредит трансатлантическим переговорам по этой теме.

Указанные переговоры, судя по всему, проходили довольно напряженно. Это стало очевидно после того, как 7 октября 1999 г. развернутую и довольно откровенную оценку европейским оборонно-интеграционным проектам дал заместитель госсекретаря С. Тэлботт. В ходе

своего выступления в Лондоне он изложил основные претензии американской администрации в отношении кельнских инициатив²⁵³.

Во-первых, С. Тэлботт признал наличие существенного недовольства, как со стороны европейцев, так и США, существующим балансом (точнее дисбалансом) сил и влияния в рамках НАТО. Коснувшись позиции европейцев, заместитель госсекретаря отметил, что «в ходе следующего кризиса – каков бы он ни был – наши союзники хотят иметь такое влияние на проведение операций, которое в большей мере соответствовало бы их политической ответственности, возникающей в связи с тем, что они будут поддерживать эту будущую войну»²⁵⁴.

В то же время, С. Тэлботт предпочел подчеркнуть, что взаимное осознание «существующей асимметрии в трансатлантических отношениях» началось не с косовского кризиса, а существенно раньше. Соответственно, процесс «ребалансировки» был начат после принятия решений о ЕИБО в Берлине в марте 1996 г. По мнению американского дипломата, косовская кампания «серьезнейшим образом подтвердила масштабы дисбаланса, и тем самым она должна подстегнуть нас к тому, чтобы удвоить наши усилия по исправлению ситуации, которые мы начали в Берлине»²⁵⁵. Таким образом, С. Тэлботт попытался «канализировать» возникшее после Косово недовольство европейцев делами в НАТО не в сторону большей самостоятельности от альянса, а в сторону активизации их деятельности по исполнению решений, принятых ранее в НАТО.

Представитель США заявил о безоговорочной поддержке со стороны Вашингтона европейских инициатив в той их форме, в какой они развивались в рамках НАТО до англо-французской встречи в Сен-Мало: «По вопросу о ЕИБО я начну с того, что вновь подчеркну ясную и недвусмысленную позицию американской политики. Это политика поддержки: США

---

²⁵³ Talbott S. America's Stake in a Strong Europe. Remarks at the Royal Institute of International Affairs, London, U.K., October 7, 1999. // From St-Malo to Nice. European defence: core documents. Chaillot Paper 47, Paris - May 2001. P. 54–59.

²⁵⁴ Ibid., P. 55.

²⁵⁵ Ibidem.

выступают за ЕИБО». Но при этом, он выразил жесткое неприятие европейских попыток самостоятельной от НАТО военно-политической интеграции: «Мы бы не хотели видеть ЕИБО, которое сначала зарождается внутри НАТО, но затем вырастает за пределы НАТО и в конце концов уходит от НАТО, так как это приведет к созданию ЕИБО, которое сначала будет дублировать НАТО, а в конечном счете сможет конкурировать с ним»²⁵⁶. Эти слова стали широко известны и получили серьезный резонанс в качестве наиболее четко артикулированной и недвусмысленной американской оппозиции указанным европейским проектам. Кроме того, в данной речи С. Тэлботта эта оппозиция выразилась еще и в том, что в ней он ни разу не употребил аббревиатуру ЕПБО (ESDP), ранее принятую на саммите в Кельне, а предпочел упорно именовать европейский оборонный проект ЕИБО (ESDI).

Претензии США в отношении самого кельнского саммита американский дипломат разъяснил следующим образом. По его словам, принятая там декларация «подразумевает, что позицией Европы «по умолчанию» будут [военно-политические – авт.] действия за рамками альянса, ... а не с помощью альянса»²⁵⁷.

Выступление С. Тэлботта продемонстрировало, что несмотря на четырехмесячную паузу в публичном обмене мнениями, за время прошедшее после кельнского саммита США и европейцам не удалось согласовать позиции, иначе высказывания столь высокопоставленного американского не были бы столь категоричными.

В пользу такого предположения свидетельствовали и демарши со стороны Конгресса США, последовавшие через месяц после речи С. Тэлботта. На этот раз, в ноябре 1999 г., в Конгрессе получили движение и были приняты сразу две резолюции, в Сенате и в Палате представителей, по смыслу и тексту весьма схожие с проектом августовской резолюции №175.

---

²⁵⁶ Ibid., P. 56.

²⁵⁷ Ibidem.

2 ноября в палате представителей была принята резолюция №59²⁵⁸. Ее автором выступил известный республиканский конгрессмен Д. Беройтер, в предыдущие годы неоднократно выступавший с инициативами относительно событий в НАТО вообще и ЕИБО в частности. Это было неудивительно, поскольку он являлся председателем делегации палаты представителей Конгресса США в парламентской ассамблее НАТО.

В целом, в резолюции выражалась поддержка НАТО в свете принятия ею новой стратегической концепции на саммите в Вашингтоне в апреле 1999 г. и последовавшей косовской кампании. Непосредственно европейских инициатив в резолюции касались три пункта. Во-первых, конгрессмены приветствовали «усилия членов ЕС по укреплению **их роли в альянсе посредством ЕИБО**» [выделено мной – авт.]. Судя по всему, авторы резолюции имели в виду именно тот вариант европейской оборонной автономии, который предполагалось развивать в рамках НАТО. Во-вторых отмечалось, что «ключом к живой и более влиятельной ЕИБО является укрепление европейских военных возможностей, которые усилят альянс». Наконец, в-третьих было заявлено, что «ради сохранения солидарности и эффективности» НАТО было необходимо, чтобы решения по вопросам безопасности, принимаемые в Евросоюзе, «дополняли, а не дублировали усилия и институты НАТО, и были связаны, а не отделены от натовских структур, а также обеспечивали полное и активное участие всех европейских союзников, а не дискриминировали не - членов ЕС»²⁵⁹.

Судя по всему, на принятие резолюции повлияла американская дипломатия. Об этом говорит тот факт, что ее авторы (Д. Беройтер, который был инициатором документа, и еще ряд конгрессменов в качестве соавторов) в ходе дебатов использовали те же выражения, которые применялись и в выступлениях представителей США перед европейской аудиторией по

---

²⁵⁸ H. Res. 59. - Expressing the sense of the House of Representatives that the United States remains committed to the North Atlantic Treaty Organization (NATO). Congressional Record: November 2, 1999 (House of Representatives). Page H11212.

²⁵⁹ Ibidem.

данной тематике. Например, республиканец Б. Гилман заявил, что «некоторые из наших европейских союзников, как видно, очень стремятся получить независимые военные возможности, такие, которые были бы не только отделяемыми от НАТО, но и отдельными». Это была прямая цитата громоздкой формулировки, применявшейся американскими дипломатами. А сам автор резолюции, Д. Беройтер, заявил, что «судя по развитию событий, есть вероятность, что ... ЕИБО будет создана вне НАТО, в рамках Европейского Союза»²⁶⁰. Это было отсылкой к выступлению С. Тэлботта, рассмотренному выше.

В свою очередь 8 ноября 1999 г. Сенат США принял свою резолюцию по этой же теме²⁶¹. Ее авторами выступили такие видные американские политики, как Р. Лугар, известный своими инициативами в области разоружения, Дж. Байден – будущий вице-президент, Ч. Хейгел – будущий министр обороны и ряд других сенаторов. Дж. Байден выступил с речью, в которой представил проект резолюции²⁶². Этот документ, в отличие от резолюции, принятой в палате представителей Конгресса, намного более скрупулезно анализировал отношения между НАТО и гипотетическими европейскими оборонными структурами. По словам Дж. Байдена, сенатская резолюция в первую очередь и была призвана «прояснить отношения между инициированной Евросоюзом новой ... ЕИБО и НАТО»²⁶³. Характерно, что даже прямо обозначив предметом резолюции именно проект Евросоюза, а не НАТО, этот сенатор, как и С. Тэлботт ранее, упорно продолжал избегать использования аббревиатуры ЕПБО.

Необходимо отметить, что несмотря на обострение трансатлантических разногласий вокруг ЕПБО, авторы сенатской резолюции довольно взвешенно отнеслись к европейским инициативам, усмотрев в них

---

²⁶⁰ Ibid. Page H11216.

²⁶¹ S. Res. 208 - Expressing the sense of the Senate regarding United States policy toward the North Atlantic Treaty Organization and the European Union, in light of the Alliance's April 1999 Washington Summit and the European Union's June 1999 Cologne Summit. November 8, 1999. U.S. Government Printing Office. URL: <http://www.gpo.gov/fdsys/pkg/BILLS-106sres208ats/pdf/BILLS-106sres208ats.pdf>

²⁶² Congressional Record: October 28, 1999 (Senate). Pages S13430–13431.

²⁶³ Ibid. Page S13430.

возможные выгоды для американской внешней политики. Как отмечал Дж. Байден, «если развитие ЕИБО будет должным образом координироваться с НАТО, тогда ЕИБО может послужить национальным интересам США, так как станет действенным средством усиления европейского военного вклада в НАТО ... и в долгосрочной перспективе может привести к более справедливому разделению бремени расходов между нашими европейскими союзниками по НАТО и США»²⁶⁴. Вопрос о распределении расходов между членами НАТО является давним и традиционным предметом для дискуссий в американском Конгрессе. Поэтому неудивительно, что именно возможность повлиять с помощью ЕИБО на решение данного вопроса была воспринята авторами данной сенатской резолюции как главное достоинство европейской инициативы.

Другой позитивной для США перспективой, связанной с проектом ЕПБО, была возможность того, что, как отметил Дж. Байден, «такая обновленная опора альянса [НАТО – авт.] могла бы высвободить военные силы нашей страны для возможного применения где-либо еще»²⁶⁵.

В этом же выступлении Дж. Байден очень четко изложил и всю суть американских опасений относительно европейской оборонной автономии, заявив: «наибольшая опасность состоит в том, что ЕИБО может быть сформирована как альтернатива НАТО при проведении операций, не относящихся к ст. 5» (Североатлантического договора)²⁶⁶. Таким образом, возможные риски для США были прямо связаны с гипотетическими достоинствами ЕПБО. Поэтому авторы резолюции сформулировали такой политический подход, который, по их мнению, позволил бы США воспользоваться названными достоинствами и не дать рискам осуществиться. Этот подход представлял собой весьма доскональную и проработанную формулу распределения ролей между ЕПБО и НАТО. Дж. Байден изложил ее так: «Поле деятельности ЕИБО должно быть ограничено теми миссиями, не

---

²⁶⁴ Ibidem.

²⁶⁵ Ibid. Page S13431.

²⁶⁶ Ibidem.

относящимися к ст. 5, в которых НАТО, как организация, не намерена участвовать. На практике это будет означать, что если где-то в будущем возникнет необходимость провести военную акцию на территории Европы вне пределов НАТО, и Соединенные Штаты откажутся от участия в ней, тогда Евросоюз получит возможность возглавить эту операцию»²⁶⁷. Примечательно, что Дж. Байден прямо заявил о распределении с помощью ЕПБО ролей именно между Евросоюзом и США, а не неким «НАТО в целом», как это формулировалось в дипломатических документах.

Необходимость принятия данной сенатской резолюции Дж. Байден мотивировал еще и тем, что, как он отметил, «к сожалению, в коммюнике на июньском 1999 г. саммите ЕС в Кельне формулировки вашингтонского саммита НАТО были искусно изменены таким образом, что ЕИБО, как автономный военный орган ЕС, мог использовать средства НАТО, не предоставляя при этом НАТО «права первого отказа»²⁶⁸ от участия в акциях»²⁶⁹.

Непосредственно в тексте сенатской резолюции изложенный Дж. Байденем подход формулировался следующим образом: «В отношении вопросов, касающихся трансатлантических отношений, Евросоюз должен четко заявить, что он будет предпринимать, при посредстве ЕИБО, ту или иную автономную акцию только после того, возможность предпринять эту акцию была предложена НАТО, но она [в свою очередь – авт.] передала эту возможность Евросоюзу»²⁷⁰.

Также в резолюции вновь повторялись уже известные американские требования отказаться от «дублирования» натовских средств в структурах Евросоюза и от «дискриминации» европейских членов НАТО, не входивших в ЕС, при проведении операций Евросоюза.

---

²⁶⁷ Ibidem.

²⁶⁸ В оригинале эта фраза звучит, как «right of first refusal» и составлена по аналогии со средневековым термином «право первой ночи».

²⁶⁹ Ibidem.

²⁷⁰ Ibid. Page S13430.

В итоге эта сенатская резолюция была принята единогласно. Эта демонстрация единодушия была призвана, помимо прочего, показать европейцам единство американского политического класса в подходе к вопросу о европейской автономии в области обороны и стать элементом дипломатического воздействия США на Европу.

Как показали дальнейший ход событий, такое воздействие со стороны США на том этапе трансатлантических отношений произвело должный эффект. Как отмечают американские авторы, близко знакомые с европейским направлением деятельности Госдепартамента, в течение второй половины 1999 г. давление на европейцев со стороны Вашингтона нарастало²⁷¹. Причем, по свидетельству Р. Хантера, важную роль в усилиях США сыграла поддержка со стороны Лондона²⁷². Очевидно, что это был очередной пример использования Великобританией ее тактики балансирования в контексте трансатлантических отношений.

2.3. Роль Великобритании в трансатлантических разногласиях о европейской обороне и соглашении в Сен-Мало

Для более полного понимания причин возникновения всей трансатлантической дискуссии вокруг вопроса о самостоятельной роли Евросоюза в сфере обороны представляется необходимым вкратце рассмотреть ту роль, которую в этих процессах сыграла Великобритания, особенно в 1998 – 1999 гг., когда процесс поисков политической формы европейского оборонного объединения получил новый мощный импульс в результате соглашения в Сен-Мало. Очевидно, что этот импульс возник не

---

²⁷¹ Hunter R. E. Op. cit. P. 58; Armitage Jr. D.T. Enduring dilemmas: sources of American ambivalence toward European defense autonomy, EDC and ESDP in comparative perspective. Dissertation. University of Maryland, 2005. P. 137. URL: <http://drum.lib.umd.edu/bitstream/1903/2931/1/umi-umd-2722.pdf>. (Д. Армитадж, начиная с 2001 г., работал в аналитических структурах госдепартамента на европейском направлении и непосредственно занимался ЕПБО).

²⁷² Hunter R. E. Op. cit. P. 68. Канадский эксперт по вопросам европейской безопасности А. Моенс указывает, со ссылкой на конфиденциальную беседу с неким информированным финским дипломатом, участвовавшим в подготовке Хельсинкской встречи, что США на высшем уровне прямо потребовали от Т. Блэра уговорить Ж. Ширака пойти на уступки. См.: Moens A. NATO and ESDP: The need for a political agreement. // Canadian Military Journal, Winter 2000–2001. P. 64. URL: <http://www.journal.forces.gc.ca/vo1/no4/doc/59-68-eng.pdf>

только с согласия, но во многом и по инициативе Лондона, который подписал с Парижем упомянутый документ, а остальные европейские столицы подключились к процессу уже позднее. Следовательно, можно говорить о том, что последовавшие затем дебаты между США и Европой по вопросу о ЕПБО были в существенной степени порождением британской политики. Тем важнее рассмотреть мотивы и движущие силы этой политики.

Известно, что самое тесное сотрудничество с США на международной арене является одной из давних традиций британской внешней политики, сформировавшейся еще в период Второй мировой войны. Такое взаимодействие, известное под названием «особые отношения» (Special Relationship) выражается, прежде всего, в необычно близком сотрудничестве в разведывательной и оборонной сферах, а также находит отражение в экономической области. В целом, этот курс окончательно закрепился во внешней политике Лондона после Суэцкого кризиса 1956 г.²⁷³.

Одно из наиболее заметных проявлений такого политического взаимодействия состоит в том, что Великобритания является ближайшим союзником США в сфере международной дипломатии, практически неизменно поддерживая политику Вашингтона во всех ее поворотах. В частности, Лондон является одним из столпов американского доминирования в рамках НАТО, и вплоть до 1990-х годов Великобритания неизменно поддерживала позицию США в рамках Североатлантического альянса. В докладе известного американского аналитического центра «Корпорация РЭНД», составленном по заказу ВВС США в 1990 г., отмечалось: «Возможно, наиболее важным движущим мотивом британской политики является желание укрепить структуру [НАТО – авт.] и гарантировать сохранение американской роли и заинтересованности в Западной Европе. ... Британия всегда старалась играть роль примирителя или посредника в рамках Альянса [НАТО – авт.] и с подозрением относилась к процессам,

---

²⁷³ Общую характеристику этой политики см.: Archick K. The United Kingdom: Issues for the United States. Congressional Research Service report for Congress, RL33105, September 23, 2005. P. 1–2.

которые могли вызвать разногласия в трансатлантических отношениях. Это означает, что у Британии был традиционно осторожный, если не сказать скептический подход к западноевропейскому сотрудничеству в сфере обороны, особенно, если его позиционировали как альтернативу американским гарантиям в сфере безопасности»²⁷⁴.

Такое положение вещей сохранялось и в течение большей части 1990-х годов. В частности, именно британское правительство во главе с Дж. Мейджором заблокировало в ходе обсуждения будущего Маастрихтского договора предлагающуюся идею о слиянии Западноевропейского союза (единственной военно-политической организации, состоявшей только из западноевропейских государств) и будущего Европейского союза²⁷⁵. Тем самым Лондон стремился предотвратить передачу в ведение ЕС каких-либо военно-политических функций.

Однако в 1998 г., вскоре после прихода на смену консерваторам правительства лейбористов во главе с Т. Блэром, данный политический курс был довольно неожиданно нарушен, что ярко выразилось в заключении соглашения в Сен-Мало. Таким образом, это соглашение можно рассматривать не только как важный пункт в развитии проекта самостоятельной европейской оборонной интеграции, но и как своеобразную «поворотную точку» в политическом подходе Великобритании к этой интеграции.

«Смена курса», продемонстрированная Британией в 1998 г., разумеется, сразу привлекла внимание ряда экспертов. Было сформулировано несколько версий относительно причин такого поворота.

Одно из самых очевидных объяснений заключалось в том, что правительство Т. Блэра, выступавшее, в отличие от консерваторов, за усиление роли Британии в рамках ЕС, стремилось своей поддержкой в адрес

---

²⁷⁴ Williams Ph. British NATO Policy: The Next Five Years. RAND Corporation, May 1990. P. 1.
URL: <http://www.dtic.mil/dtic/tr/fulltext/u2/a258073.pdf>

²⁷⁵ Kupferschmidt F. The United Kingdom between transatlantic relationship and European integration: Pragmatism put to the test. Working Paper. Stiftung Wissenschaft und Politik, German Institute for International and Security Affairs. Berlin, March 2007. P. 3.

европейской оборонной интеграции компенсировать отказ Лондона от участия в Экономическом и валютном союзе (Economic and Monetary Union – EMU) Евросоюза²⁷⁶. Новое британское руководство, также как и консерваторы, основываясь на внутривнутриполитических и экономических соображениях, пришло к выводу, что Великобритании было бы нецелесообразно подключаться к валютно-финансовому направлению интеграции. Однако в силу заявленных лейбористами намерений усилить роль Лондона в общеевропейском процессе, новому правительству требовалось найти некую «компенсацию», которая позволила бы ему подтвердить данные намерения.

В связи с этим оно и пошло навстречу давним пожеланиям Франции и других «континентальных европейцев» в сфере военно-политической интеграции. Такое объяснение шагов лейбористского правительства считают одним из основных многие эксперты и дипломаты²⁷⁷. Ч. Грант, директор британской аналитической структуры «Центр за европейскую реформу», близкой к правительству Т. Блэра, отмечал в связи с этим: новый британский премьер-министр, «видимо, осознал, что если британцы смогут показать себя в большей степени европейцами в данной [оборонной – авт.] сфере, они завоюют существенное доверие своих партнеров..., и что в странном мире политики ЕС возможно покупать благосклонность с помощью уступок, которые являются более символическими, чем реальными»²⁷⁸.

Это замечание весьма примечательно, прежде всего, если принимать во внимание весь дальнейший ход развития ЕПБО. В последующие годы Евросоюз, по сути, так и не сумел создать действительно дееспособную

---

²⁷⁶ Равно как и более ранний отказ от участия в Шенгенской зоне.

²⁷⁷ Dover R. *Europeanization of British Defence Policy*. Aldershot, Hampshire, 2007. P. 23-24, 26-27; Hunter R. E. *Op. cit.* P. 29, примечание 1.

Oakes M. *European Defence: From Pörschach to Helsinki*. House of Commons Library research paper 00/20, U.K. Parliament, February 21, 2000. P. 10. URL: <http://researchbriefings.files.parliament.uk/documents/RP00-20/RP00-20.pdf>; Quinlan M. *Atlanticism and European Defence*. Atlantic Council of the United States, Washington, 8 December 2000. P.2. URL:

<https://web.archive.org/web/20010518194526/http://www.acus.org/Publications/Speeches/Quinlan-presentation.pdf>

²⁷⁸ Grant Ch. *Can Britain lead in Europe?* October 2, 1998. P. 45–46. URL:

<http://www.cer.org.uk/publications/archive/report/1998/can-britain-lead-europe>

военно-политическую структуру для поддержки своих интересов в мире силовым путем. В связи с этим, приведенное высказывание Ч. Гранта может свидетельствовать о том, что британские интеллектуальные круги уже в тот момент, когда Т. Блэр только намеревался подключиться к формированию ЕПБО, осознавали, что Лондон может позволить себе поучаствовать в проекте, против которого раньше резко выступал, поскольку этот проект все равно обречен на неудачу.

В любом случае, несомненно, что мотив «размена» британской поддержки «европейской обороны» на укрепление влияния Лондона в рамках Евросоюза представляется вполне очевидным в действиях лейбористского правительства. В пользу этого свидетельствует, например, выступление Т. Блэра перед французской Национальной ассамблеей 24 марта 1998 г. В нем он подчеркивал значение всех тех крепких связей, которые объединяли Францию и Великобританию к тому моменту. При этом он постарался подробно оправдать причины, которые не позволили британскому правительству вступить в зону евро, отметив, что необходимая для этого устойчивая экономическая конвергенция еще не была достигнута. И вместе с тем, Т. Блэр подчеркнул, что оборона, напротив, «является сферой, в которой Франция и Британия особенно хорошо подготовлены для сотрудничества»²⁷⁹. Таким образом, уже в начале 1998 г. британский премьер сформулировал для себя условия, которые он мог предложить Европе, и прежде всего Парижу, для усиления активности Лондона в делах ЕС, а следовательно, и для укрепления британской роли в европейской политике.

Другое объяснение неожиданной смены курса Великобритании заключается в том, что эта инициатива правительства Т. Блэра была обусловлена стремлением нейтрализовать нараставшие трансатлантические противоречия по вопросу о распределении затрат среди членов НАТО, обострившиеся в рамках альянса на фоне проблем с обеспечением натовских

---

²⁷⁹ Blair T. Prime Minister's Speech to the French National Assembly. 10 Downing Street, March 24, 1998. URL: <http://collections.europarchive.org/tna/20060403085217/http://www.pm.gov.uk/output/Page1160.asp>

интервенций в бывшей Югославии. Возможно, наиболее последовательно эту версию выдвигает Дж. Хоурт, известный британский исследователь вопросов ОЕПБО.

Как отмечает Дж. Хоурт, события в ходе распада Югославии «отчетливо усилили угрозу европейской безопасности». В то же время США «явно не желали быть втянутыми в обеспечение безопасности на Балканах», а у ЕС «явно отсутствовали необходимая компетентность» для этого. Из этой ситуации имелось два возможных выхода. Во-первых, можно было бы усилить ЗЕС с политической и военной точек зрения, с тем, чтобы он стал «или местом выработки европейской политики безопасности, или посредником между ЕС и НАТО – или и тем, и другим». Во-вторых, можно было бы применить на практике механизм использования (или «заимствования») европейцами сил и средств, имевшихся в распоряжении у НАТО (о нем см. ниже). Дж. Хоурт делает вывод, что оба этих варианта были невыполнимыми, в связи с чем, британский премьер-министр Т. Блэр, недавно пришедший к власти, к 1998 г. осознал необходимость выработки нового политико-дипломатического решения²⁸⁰. Таким решением и стала договоренность с Францией, достигнутая в Сен-Мало. Именно поэтому данное соглашение имеет столь существенное значение.

Рассматривая эту аргументацию Дж. Хоурта, необходимо прояснить некоторые детали. Оба упомянутых им варианта «европеизации» западного вмешательства на Балканах, по сути, являлись двумя частями одного и того же натовского проекта, так и оставшегося на бумаге – Европейской идентичности в сфере безопасности и обороны. Его практическим воплощением должно было стать формирование «объединенных многонациональных оперативных сил» (ОМОС) в качестве элемента интегрированной командной структуры НАТО. Такой вариант вполне отвечал американским интересам и был принят благодаря стараниям

---

²⁸⁰ Howorth J. Saint-Malo plus five: an interim assessment of ESDP. // Paris: Notre Europe policy papers. 2003. №7. P. 4.

американских представителей²⁸¹. Однако к концу 1990-х годов союзникам по НАТО становилось очевидно, что он был неработоспособным. Основная причина, как было показано выше, заключалась в отсутствии необходимого уровня доверия между США и европейцами. Это привело к тому, что общий процесс трансатлантического сближения, запланированными частями которого должны были стать, с одной стороны, заявленное намерение Франции вернуться к полноценному участию в НАТО, а с другой – сам проект создания военных структур «европейской опоры НАТО» – ОМОС²⁸², тогда так и не был запущен. США отказались предоставить в распоряжение Франции пост командующего Южным (средиземноморским) региональным командованием НАТО, а Париж в ответ в октябре 1997 г. отказался от своих уже объявленных намерений по возвращению в военную структуру альянса. В результате американо-французские военно-политические отношения оказались на таком уровне, который совсем не благоприятствовал успешной реализации проекта ОМОС.

В этом контексте, в 2000 г. в докладе исследовательской службы Конгресса США отмечалось, что «подготовительный процесс с целью создания действующих ОМОС остается на самом раннем этапе»²⁸³.

Возвращаясь к концепции Дж. Хоурорта, необходимо отметить, что, по его мнению, события в бывшей Югославии (во всяком случае до начала косовского кризиса) были не столько непосредственной причиной смены курса британского правительства, сколько политическим контекстом, в рамках которого особенно отчетливо выявились обострившиеся трансатлантические противоречия по вопросу о распределении военных затрат в НАТО (т.н. *burdensharing*). Эти противоречия, являющиеся традиционными в дискуссиях в рамках НАТО, усилились в связи с резкой

---

²⁸¹ Gordon Ph. Address at the Paris Transatlantic Forum: European defence – European and American perceptions. May 18, 2000 // Occasional Papers 17, Institute for Security Studies, Western European Union, July 2000. P. 29;

Andreani G. Old French problem – or new transatlantic debate? // RUSI Journal, February/March 1999. P. 22. (Ж. Андреани написал эту статью, будучи руководителем департамента политического планирования МИД Франции).

²⁸² Andreani G. Op. cit. P. 23.

²⁸³ Donfried K., Gallis P. Op. cit. P. 3.

оппозицией со стороны американских конгрессменов в отношении участия войск США в назовских операциях в Боснии в 1995 – 1998 гг.²⁸⁴

С другой стороны, как пишет о боснийском кризисе упомянутый британский автор, «европейцы доказали полную неспособность справиться с этой трагической ситуацией (вопреки их собственным предсказаниям и первоначальным ожиданиям США)».

Дж. Хоурт различает эти два момента (противоречия по поводу распределения затрат на операции НАТО и слабость европейских силовых возможностей), но по сути они являлись двумя сторонами одной ситуации – разницы военно-политических потенциалов США и Европы применительно к бывшей Югославии. В любом случае, именно этот сюжет, по мнению британского автора, «в историческом контексте привел к Сен-Мало»²⁸⁵. В целом, по его мнению, эта ситуация «побудила политических лидеров Европы по-новому взглянуть на всю структуру отношений ЕС – США». И «нигде этот процесс не был столь далеко идущим, как в Лондоне, где Т. Блэр, озабоченный тем, чтобы получить какую-либо роль в европейских делах для Великобритании со все большим разочарованием наблюдал» за ошибочной, с его точки зрения, политикой США на Балканах. «В Лондоне пришли к выводу, что Атлантический альянс столкнулся с серьезными проблемами»²⁸⁶.

Резюмировать эту концепцию можно так: США все менее охотно соглашались на свое вооруженное участие в балканском «миротворчестве», в то время как европейцы вообще не имели необходимых сил и средств (прежде всего, организационных) для этого. А поскольку прекратить вмешательство в указанный конфликт НАТО не могла, в силу его опасности для Европы, все это повышало напряженность между союзниками.

Таким образом, договоренность в Сен-Мало появилась, так сказать не «в безвоздушном пространстве», а представляла собой довольно

---

²⁸⁴ См., например, выступление по данному вопросу видного сенатора – демократа К. Левина. Congressional record: January 22, 1997 (Senate). P. 1003.

²⁸⁵ Howorth J. European integration and defence: the ultimate challenge? Chaillot Paper 43, Paris - November 2000. P. 21–22.

²⁸⁶ Ibid. P. 25.

неожиданную (в силу участия в ней Великобритании) инициативу европейцев, призванную представить идею европейской военно-политической автономии от США в новом воплощении, после того, как предыдущий вариант оказался недееспособным.

В этом контексте особое влияние на позицию Т. Блэра, по мнению Дж. Хоурта, оказал конфликт в Косово. На первый взгляд, это звучит довольно неожиданно, так как известно, что агрессия натовской коалиции против Югославии в связи с сепаратистским движением в Косово началась только 24 марта 1999 г., в то время как соглашение в Сен-Мало было подписано на три с половиной месяца раньше. Тем не менее, как отмечает Дж. Хоурт, неудовлетворительное состояние военно-политических структур Евросоюза «особенно неприятно поразило Т. Блэра, когда его впервые проинформировали о потенциальных возможностях, которые имелись у Европы для военного участия в гипотетической войне в Косово»²⁸⁷. (Если учесть, что речь идет о середине 1998 г., то становится очевидным, что Великобритания еще, как минимум, за полгода до войны НАТО против Югославии начала готовиться к началу боевых действий).

В целом, такое описание событий представляет Т. Блэра, как политического провидца, который еще задолго до начала косовской кампании НАТО предвидел, что в ее ходе развития в стане союзников возникнут острые разногласия, и с помощью соглашения в Сен-Мало попытался спасти трансатлантические отношения.

Такой подход вызывает ряд вопросов. Прежде всего, остается непонятным, каким образом соглашение в Сен-Мало должно было способствовать укреплению отношений в рамках НАТО, учитывая, что США не участвовали в обсуждении и подписании этой договоренности. Более того, реакция Вашингтона на соглашение в Сен-Мало показала, что американская администрация отнеслась к нему как минимум настороженно, если не сказать

---

²⁸⁷ Ibid. P. 21.

негативно, о чем свидетельствовало, в частности, заявление госсекретаря М. Олбрайт о трех «Д».

В этом контексте совершенно очевидно, что попытки самостоятельного, без должного согласования с Вашингтоном, развития европейской военно-политической интеграции в Европе, к тому же еще и вне рамок НАТО, вряд ли были верным средством, пригодным для укрепления трансатлантических отношений внутри альянса. Кроме того, очень маловероятно, что британское руководство, при всем его опыте «особых отношений» с Соединенными Штатами, не предвидело характер реакции США на ту инициативу, которая была выдвинута в Сен-Мало. Следовательно, Т. Блэр сознательно шел на определенный риск обострения отношений с Вашингтоном. Вопрос заключается в том, каковы были цели этого поведения, ради реализации которых Великобритания сочла возможным пойти на усиление напряженности в трансатлантических отношениях (а не улучшать их, как это предполагает Дж. Хоурт).

Во-вторых, несколько спорным представляется и предположение Дж. Хоурта о том, что именно косовский кризис стал причиной, побудившей британского премьер-министра на указанные шаги. В подтверждение этого можно обратиться к оценке британской исследовательницы К. Ходж, эксперта по политике Великобритании на Балканах, которая в своей книге «Британия и Балканы с 1991 г. до наших дней» специально изучила сюжет франко-британского соглашения в Сен-Мало. По ее мнению, косовский конфликт послужил не причиной, а весьма подходящим поводом для реализации политических планов недавно пришедшего к власти лейбористского правительства, причем эти планы были практически никак не связаны с Балканами. Как она отмечает, «Косово должно было предоставить Британии благоприятную возможность, в которой она нуждалась для того, чтобы разрешить доселе неразрешимую проблему как остаться достаточно влиятельной самой по себе, чтобы сохранить возможность исполнять роль

«моста» между Европой и Америкой, как это предусматривал Блэр, и одновременно укрепить трансатлантические связи»²⁸⁸.

В этой фразе К. Ходж о «мосте», по сути, излагает еще одно объяснение причин, побудивших лейбористское правительство пойти на соглашение в Сен-Мало. Как представляется, это объяснение находит большее обоснование, как в выступлениях, так и в практической политике кабинета Т. Блэра, чем, например, версия Дж. Хоурта о намерении правительства лейбористов «исправить» с помощью соглашения в Сен-Мало баланс в трансатлантических отношениях и тем самым «спасти» их. В конце концов, широко известно, что ни в период между заключением соглашения в Сен-Мало и началом бомбардировок Югославии, ни уже в ходе самого конфликта, Великобритания и другие европейские страны никак не пытались возложить на европейские силы самостоятельную военную роль, т.е. сделать то, ради чего, по мнению Дж. Хоурта и некоторых других авторов, собственно и было заключено соглашение в Сен-Мало.

Что касается представления о Британии, как о «мосте» между Европой и США, то оно было практически сразу взято на вооружение новым лейбористским правительством. В ноябре 1997 г., через полгода после прихода к власти, Т. Блэр выступил с программной речью на традиционном банкете у лорд-мэра Лондона, перед собранием высшего британского общества. В этом выступлении были изложены основные принципы внешней политики, которыми намеревался руководствоваться новый премьер-министр. В качестве первого принципа Т. Блэр заявил, что «в соответствии с нашими национальными интересами, мы должны закончить изоляцию последних 20 лет и стать лидирующим партнером в Европе... Британия является частью Европы. И она должна играть полномасштабную роль в

---

²⁸⁸ Hodge C. Britain and the Balkans: 1991 until the present. Abingdon, UK and New York, 2006. P. 146.

руководстве ею [Европой – авт.] ... А затем мы можем изменить Европу там, где она нуждается в переменах»²⁸⁹.

Следующий принцип британской внешней политики, заявленный премьер-министром, ясно показывал, что новое лейбористское правительство намеревалось не переориентировать эту политику с США на Европу, а сделать ее более сбалансированной, усилив роль европейского направления, но и сохранив при этом высокий уровень отношений с США. «Второй принцип: быть сильными в Европе и быть сильными [в отношениях – авт.] с США. Между ними двумя нет выбора. Быть сильными в отношениях с одним означает быть сильными и в отношениях с другим. Наша цель заключается в том, чтобы углубить наши отношения с США на всех уровнях. Мы являемся мостом между США и Европой. Давайте используем это [положение – авт.] Когда Британия и США работают вместе на международной арене, для нас мало недостижимого»²⁹⁰.

В контексте видения Т. Блэром роли Британии, как «моста» между США и Европой, получают новое звучание изложенные выше аргументы о том, что британские инициативы в сфере европейской обороны были способом для укрепления влияния Лондона в делах Евросоюза. Фактически речь шла о том, чтобы повысить значимость Великобритании как с точки зрения США, так и с точки зрения европейских столиц. Исходя из указанного заявления, можно заключить, что договоренность в Сен-Мало и вообще новый курс Британии на усиление активности в сфере европейской обороны являлись практической реализацией данных внешнеполитических принципов, довольно откровенно изложенных Т. Блэром. В связи с этим становится понятно, что события на Балканах являлись лишь второстепенной причиной, если не формальным поводом, для развертывания этого нового курса.

---

²⁸⁹ Blair T. Speech by the Prime Minister Tony Blair at Lord Mayor's banquet. 10 Downing Street, November 10, 1997. URL: <http://collections.europarchive.org/tna/20060403085217/http://pm.gov.uk/output/Page1070.asp>

²⁹⁰ Ibidem.

С точки зрения интересов Лондона смысл и ценность соглашения в Сен-Мало заключалась в том, что Великобритания приобретала дополнительный политический вес и повышала свою значимость как политического партнера, как для «континентальных европейцев», так и для США. Для европейцев, прежде всего французов, Великобритания становилась незаменимым партнером для реализации их намерений по усилению военно-политической автономии Европы. Даже с учетом того, что у Парижа, скорее всего, имелись определенные сомнения в полной искренности инициатив Т. Блэра, без благожелательной политической позиции Лондона в отношении европейских оборонных устремлений их практическое воплощение в любом случае было невозможно. Великобритания могла заблокировать в рамках Евросоюза эти проекты, как сама, так и прибегнув к поддержке близких ей малых стран, например Нидерландов.

Кроме того, Великобритания обладала важными военными возможностями, которые делали ее участие в ЕПОБ весьма желательным для Франции и других крупных европейских стран. Дело в том, что к концу 1990-х годов вооруженные силы абсолютного большинства европейских стран, как и во времена «холодной войны», по-прежнему были нацелены на использование в основном для обороны территории самих этих стран или их ближайших соседей по НАТО. Они не имели возможностей, технических и организационных, для того, чтобы проводить сколько-нибудь крупные операции на больших расстояниях от Европы²⁹¹. Исключение составляли Великобритания и Франция, причем экспедиционные возможности британских ВС были наиболее развитыми в силу очевидных географических и исторических причин²⁹². В связи с этим, было ясно, что без участия Великобритании автономные европейские оборонные структуры и

---

²⁹¹ В западном военно-политическом лексиконе такого рода операции обозначаются как «проекция силы» (power-projection).

²⁹² De Wijk R. The reform of ESDP and EU-NATO cooperation// The International Spectator, №1, 2004 P. 73; Andreani G., Bertram C., Grant Ch. Europe's military revolution. Centre for European Reform (CER), February 28, 2001. P. 11-12.

возможности, даже в случае их создания, во-первых, оказались бы лишь призрачной тенью американских оборонных структур и возможностей²⁹³, а во-вторых, в этих европейских структурах неизбежно доминировала бы Франция. Подобная перспектива неминуемо была чревата появлением разногласий и напряженности между Парижем и другими потенциальными участниками данного оборонного проекта. В свою очередь, участие Великобритании не только придавало идее европейской оборонной автономии больший авторитет, но и делало этот проект политически более сбалансированным с точки зрения других европейских стран.

Что касается США, то для них Великобритания становилась едва ли не единственным гарантом того, что европейские автономистские проекты не зайдут слишком далеко, то есть не будут представлять угрозы приоритету НАТО, как главного форума Европы по решению военно-политических вопросов и одновременно как основы американского влияния на европейскую политику в целом. С одной стороны, согласно свидетельствам американских представителей, решение Лондона о необходимости сближения с Парижем по вопросу ЕПБО стало для США довольно неожиданным, поскольку вопреки обычной практике Великобритания не проинформировала США об этом заранее²⁹⁴. Но в то же время, в Соединенных Штатах продолжали надеяться на то, что Великобритания не предпримет чего-либо, что могло бы повредить НАТО, несмотря на то, что инициатива Т. Блэра воспринималась скептиками как «слишком французская» по ее политическому духу²⁹⁵.

В целом, Великобритания с помощью соглашения в Сен-Мало приобретала положение, когда она становилась и для США, и для Евросоюза

---

²⁹³ Вооруженные силы США используются почти исключительно для действий на больших расстояниях от американской территории. Схожесть задач военного строительства США и Великобритании на протяжении многих десятилетий является одним из существенных факторов сближения военно-политических и стратегических культур этих государств.

²⁹⁴ Armitage Jr. D. T. *Enduring dilemmas: sources of American ambivalence toward European defense autonomy, EDC and ESDP in comparative perspective*. Dissertation. University of Maryland, 2005. P. 134-135. URL: <http://drum.lib.umd.edu/bitstream/1903/2931/1/umi-umd-2722.pdf>;

Sloan S. R. *The United States and European Defense*. Chaillot Paper 39, Paris – April 2000. P. 15.

²⁹⁵ Sloan S. R. *Op. cit.* P. 15.

партнером, насущно необходимым для решения обрисованных текущих политических задач. Судя по всему, Т. Блэр имел в виду именно эту ситуацию, когда заявлял о необходимости сделать Великобританию «мостом» между двумя берегами Атлантики. Таким образом, с помощью соглашения в Сен-Мало Лондон сознательно стремился приобрести возможность для влияния, если не сказать шантажа, своих американских и европейских контрагентов. В этом же контексте нужно рассматривать и ту позицию, которую Великобритания заняла через год после Сен-Мало, в осенью 1999 г. К тому времени Вашингтон оказывал на европейцев все возрастающее давление с тем, чтобы поставить наметившийся процесс европейской оборонной интеграции в такие рамки, которые, по мнению США, были бы приемлемы для НАТО. Это давление нашло яркое отражение в процитированном выше заявлении С. Тэлботта относительно ЕИБО, которая зародилось в рамках НАТО, но потом вознамерилась «покинуть» альянс.

Забегая вперед, отметим, что это американское давление достигло успеха, причем именно при поддержке со стороны Лондона²⁹⁶.

В целом роль Великобритании в этих трансатлантических дебатах была вполне самостоятельной и инициативной. Сначала, в связи с соглашением в Сен-Мало Лондон неожиданно для США пошел на изменение своей многолетней позиции неприятия европейских автономистских устремлений в оборонной сфере, а через год, наоборот, поддержал Вашингтон в том, чтобы привести ситуацию в приемлемое для Соединенных Штатов состояние. Тем самым, как минимум, была продемонстрирована важность британской позиции и для США, и для «континентальных европейцев». Великобритания фактически навязывала партнерам по обеим сторонам Атлантического океана свои услуги в качестве «моста».

Описанный сюжет в британской внешней политике было бы целесообразно проанализировать с помощью широко известных в рамках

---

²⁹⁶ Hunter R. E. Op. cit. P. 68.

теории международных отношений (в рамках школы структурного реализма) концепций силового балансирования (power balancing) и концепции «присоединения к сильнейшему» (bandwagoning). Смысл первой из них, заключается в том, что при появлении государства – гегемона остальные страны самой силой обстоятельств вынуждены идти на то, чтобы формировать политические блоки, которые могут представлять собой некий силовой противовес этому гегемону. Вторая концепция описывает такой вариант поведения, когда в такой же или схожей ситуации государства считают для себя более выгодным вступить в союз с гегемоном и тем самым обеспечить свою безопасность. Государства выбирают для себя один из этих вариантов поведения, исходя из целого ряда обстоятельств внешне- и внутривнутриполитического характера²⁹⁷.

Исторически Великобритания на протяжении весьма долгого времени являлась приверженцем первого варианта реакции на гегемонистские устремления других стран. Премьер-министр У. Черчилль незадолго до Второй мировой войны описывал эту стратегию следующим образом: ««На протяжении четырехсот лет внешняя политика Англии состояла в том, чтобы противостоять сильнейшей, самой агрессивной, самой влиятельной державе на континенте... Если подойти к вопросу с точки зрения истории, то эту четырехсотлетнюю неизменность цели на фоне бесконечной смены имен и событий, обстоятельств и условий следует отнести к самым примечательным явлениям... Ей [Великобритании – авт.] было бы легко и, безусловно, весьма соблазнительно присоединиться к сильнейшему и разделить с ним плоды его завоеваний. Однако мы всегда... объединялись с менее сильными державами, создавали из них коалицию и, таким образом, наносили поражение и срывали планы континентального военного тирана...»²⁹⁸. Этот обзор является законченным описанием силового (а точнее контрсилового) балансирования,

---

²⁹⁷ Подробно эти концепции описаны в работе одного из наиболее авторитетных представителей школы структурного реализма С. Уолта: Walt S. M. Alliance formation and the balance of world power. // International Security. Spring 1985. № 4. P. 4-8.

²⁹⁸ Черчилль У. С. Вторая мировая война. В 6 т. Т. 1: Надвигающаяся буря. М., 1997. С. 96.

то есть политики с целью уравновесить относительное усиление одного государства формированием противостоящей ему коалиции²⁹⁹.

Собственно, такой же стратегии балансирования против претендовавшей на гегемонию нацистской Германии Великобритания придерживалась и во время Второй Мировой войны. А всю политику Лондона во время «холодной войны» можно рассматривать как линию на балансирование против Советского Союза. Однако после завершения «холодной войны» Великобритания отошла от этой многовековой практики. Можно сказать, что сформировавшаяся в течение десятилетий традиция «особых отношений» с Соединенными Штатами оказалась сильнее многовековой традиции обязательного перехода к противостоянию с сильнейшим гегемоном, которую так высокопарно описывал У. Черчилль³⁰⁰. Как показала история начиная с 1991 г., теперь Лондон, выражаясь словами этого британского премьера, как раз поддался соблазну «присоединиться к сильнейшему и разделить с ним плоды его завоеваний».

Возвращаясь к событиям 1998 – 1999 гг., как представляется, было бы интересно рассмотреть политику Т. Блэра с точки зрения следования одной из описанных моделей поведения. Вплоть до указанного момента Лондон следовал модели «присоединения к сильнейшему», то есть к США. Однако эпизод с соглашением в Сен-Мало был явственным шагом в сторону «балансирования против сильнейшего». Ситуация наиболее интересна тем, что в действительности стратегия Великобритании не изменилась, и Лондон совсем не намеревался вступать в полномасштабное противостояние с Вашингтоном, присоединившись к коалиции европейцев (тем более что и сами континентальные европейцы не собирались этого делать).

---

²⁹⁹ Не случайно классик школы структурного реализма С. Уолт приводит именно это высказывание У. Черчилля в качестве иллюстрации стратегии балансирования. Stephen M. Walt. Alliance formation and the balance of world power. // *International Security*. Spring 1985. № 4. P.5–6.

³⁰⁰ В оправдание У. Черчилля можно отметить, что он писал о противостоянии сильнейшей державе именно на европейском континенте. США, естественно, не подпадают под это определение, хотя, с другой стороны, до конца Второй мировой войны ни одного претендента на мировую гегемонию вне пределов Европы в принципе не возникало. В этом смысле вся прежняя политика Великобритании по необходимости была европоцентричной.

В этом плане весьма примечательно заявление Т. Блэра, сделанное им в Чикаго, США в апреле 1999 г., через несколько месяцев после заключения соглашения в Сен-Мало. С одной стороны, он отметил, что Британия не должна воспринимать американскую помощь и поддержку, как нечто само собой разумеющееся и гарантированное. (Британский лидер имел в виду трения между США и их европейскими союзниками в связи с военным вмешательством НАТО на Балканах). С другой стороны, по мнению Т. Блэра, для Великобритании наиболее важным решением «в предстоящие пару десятилетий является решение о наших отношениях с Европой», так как *«слишком долго наша двойственность в отношении Европы делала нас менее влиятельными в Европе, а следовательно и менее важными для США»* (курсив мой – авт.)³⁰¹.

Это заявление можно было понимать в двух смыслах (как это вообще часто бывает с дипломатическими заявлениями). На первый взгляд британский лидер говорил о том, что Великобритании, чтобы не потерять гарантии американской внешнеполитической поддержки, было необходимо стать более влиятельным инструментом политики США в Европе, для чего нужно было усилить свое влияние на этом континенте. Однако его слова можно было толковать и так, что если поддержка США в адрес Британии перестанет быть чем-то самим собой разумеющимся, Лондон был готов пойти на укрепление своих связей с Европой в противовес США. И вот в этом случае важность Британии для Вашингтона точно возрастет. Как представляется, эта двусмысленность была преднамеренной.

Таким образом, Т. Блэр фактически пытался добиться для Великобритании более значительных преимуществ в рамках модели «присоединения к сильнейшему» с помощью угрозы отказаться от этой модели и перейти к модели балансирования против США. В общем,

---

³⁰¹ Blair T. Prime Minister's speech: Doctrine of the International community at the Economic Club, Chicago, April 24, 1999. URL: <http://collections.europarchive.org/tna/20060403085217/http://www.pm.gov.uk/output/Page1297.asp>

Британия стремилась «присоединиться к сильнейшему», но при этом сама выступая с позиции силы по отношению к нему.

В целом, весь этот сюжет позволяют лучше понять британскую внешнеполитическую культуру, которой, как мы видим, свойственно контрбалансирование не только против каких-то держав и союзов, но и балансирование *между* этими державами и союзами, если Лондон считает это выгодным для себя. Несмотря на «особые отношения» с США, старое утверждение о том, что у Великобритании нет постоянных союзников, но есть постоянные интересы, в существенной мере сохраняет свое значение.

2.4. Политика США по закреплению институциональной подчиненности ЕПБО Североатлантическому альянсу (ноябрь 1999 – декабрь 2000 гг.)

Описанное выше политико-дипломатическое давление США на европейцев, в котором сильное участие принимал и американский Конгресс, при поддержке Великобритании (как об этом свидетельствует Р. Хантер) принесло свои плоды к концу 1999 г. 25 ноября 1999 г. в Лондоне состоялась встреча Ж. Ширака и Т. Блэра. Темой саммита были вопросы ЕПБО и НАТО. По итогам встречи была обнародована совместная декларация, впоследствии ставшая основой для решений, принятых уже в декабре 1999 г. на уровне Евросоюза в Хельсинки.

Основным итогом лондонской встречи было предложение о создании в будущем объединенного европейского военного формирования, построенного по принципу армейского корпуса, численностью до 50 – 60 тыс. военнослужащих.

Другим важнейшим итогом этой встречи стали заявления относительно взаимоотношений между европейскими оборонными планами и НАТО. В совместной декларации двух лидеров отмечалось: «НАТО остается фундаментом нашей коллективной обороны и продолжит играть важную роль в урегулировании кризисов... Мы ожидаем от НАТО и ЕС, что

они выработают тесные и доверительные отношения»³⁰². По итогам встречи Т. Блэр заявил, что предложенный им вместе с Ж. Шираком проект «не имеет отношения к созданию единой европейской армии под единым командованием и не является попыткой в какой-либо форме вытеснить НАТО или как-то конкурировать с ней»³⁰³. Примечательно, что в тот же период со сходными успокаивающими США заявлениями выступал вновь назначенный генеральный секретарь самой НАТО, бывший британский министр обороны Дж. Робертсон³⁰⁴.

Дж. Робертсон активно участвовал в «посреднической дипломатии» между США и Европой и, в частности, сделал свой вклад в разрядку обстановки, предложив менее конфронтационное оформление тех принципиальных условий, трех «Д», которые США выдвинули в адрес европейской оборонной идентичности. Он выступил с концепцией развития ЕИБО на основе трех «i»: *improvement* – укрепление, улучшение европейских оборонных возможностей; *inclusiveness* – открытость для всех союзников по НАТО; и, наконец, *indivisibility* – неразделимость трансатлантического пространства безопасности³⁰⁵.

Аналогичные заверения о необходимости «полномасштабных консультаций, сотрудничества и открытости между НАТО и ЕС» во множестве содержались в итоговых документах саммита Евросоюза, который прошел в Хельсинки 10 – 11 декабря 1999 г.³⁰⁶. В них же присутствовала и «ритуальная» для США фраза, что европейские операции будут проводиться

---

³⁰² Joint Declaration by the British and French Governments on European Defence, London, November 25, 1999. // From St-Malo to Nice. European defence: core documents. Chaillot Paper 47, Paris - May 2001. P. 77.

³⁰³ Цит. по: Oakes M. European Defence: From Pörschach to Helsinki. House of Commons Library research paper 00/20, U.K. Parliament, February 21, 2000. P. 30.

URL: <http://researchbriefings.files.parliament.uk/documents/RP00-20/RP00-20.pdf>

³⁰⁴ Summit backs Euro force. BBC News, November 26, 1999. URL:

http://news.bbc.co.uk/2/hi/uk_news/politics/536638.stm

³⁰⁵ Robertson G. Speech by Lord Robertson, NATO Secretary-General, Annual Session of the NATO Parliamentary Assembly, Amsterdam, November 15, 1999. // From St-Malo to Nice. European defence: core documents. Chaillot Paper 47, Paris - May 2001. P. 63.

³⁰⁶ Helsinki European Council, Presidency Conclusions, December 10–11, 1999, paragraph II: Common European Policy on Security and Defence, point 28. // From St-Malo to Nice. European defence: core documents, Chaillot Paper 47, Paris - May 2001. P. 82.

лишь «там, где не будет задействовано НАТО целиком»³⁰⁷. (Также, на общеевропейском уровне были доработаны и юридически оформлены решения лондонского саммита о создании европейской военной группировки численностью в 60 тыс. военнослужащих. Она должна была быть подготовлена к выполнению полного диапазона Петерсбергских задач. Предполагалось, что к 2003 г. ЕС получит способность развернуть такую группировку в течение 60 дней и обеспечивать ее деятельность в течение последующего года. С учетом необходимой ротации личного состава для этого фактически потребовалось бы задействовать около 200 тыс. человек).

Со своей стороны Вашингтон позитивно отреагировал на эти изменения в европейской позиции. Заместитель госсекретаря С. Тэлботт через несколько дней после хельсинкского саммита, выступая на заседании Североатлантического совета НАТО, фактически объявил о завершении периода трений в трансатлантических отношениях: «Хельсинки представлял собой, с нашей точки зрения, шаг, даже несколько шагов, в правильном направлении. Мы приветствуем факт ... признания в Хельсинки того, что центральная роль в коллективной обороне и в урегулировании кризисов принадлежит НАТО, и что ЕС может действовать “там, где не будет задействован альянс целиком”»³⁰⁸.

Несколько позже помощник госсекретаря США по европейским делам М. Гроссман в ходе выступления на слушаниях в Сенате представил перед американскими парламентариями специально составленную таблицу на эту тему. С ее помощью он продемонстрировал буквальное совпадение ключевых для Соединенных Штатов дипломатических формулировок по ЕПБО, записанных в документах вашингтонского саммита НАТО апреля 1999 г. и, соответственно, хельсинкского саммита ЕС³⁰⁹. Тем самым, М.

---

³⁰⁷ Ibid. Point 27 // Ibidem.

³⁰⁸ Talbott S. The State of the Alliance: An American Perspective. Address at the North Atlantic Council, Brussels, Belgium, December 15, 1999.

URL: http://1997-2001.state.gov/www/policy_remarks/1999/991215_talbott_nac.html

³⁰⁹ NATO and the EU's European Security and Defense Policy. Hearing before the Subcommittee on European Affairs of the Committee on Foreign Relations, United States Senate. 106th Congress. March 9, 2000. P. 9.

Гроссман стремился проиллюстрировать успешность действий американской дипломатии.

Разумеется, американское давление на представителей ЕС не было бы столь эффективным, если бы европейцы должным образом материально подкрепляли свои политические амбиции. Как отмечал Р. Хантер в связи с решениями хельсинкского саммита ЕС, с точки зрения НАТО европейские оборонные амбиции были вполне умеренными: «формирование численностью до 60 тыс. человек нельзя было рассматривать как конкурента для НАТО в решении сколько-нибудь серьезной военной задачи»³¹⁰. Как показали дальнейшие события, и эти амбиции оказались реализованными в основном лишь на бумаге.

Таким образом, хельсинкский саммит ЕС завершил первый этап дебатов в отношениях между США и ведущими европейскими державами относительно перспектив усиления автономии и интеграции Евросоюза в оборонной сфере. Правда, как показало дальнейшее развитие обстановки, разногласия были исчерпаны отнюдь не полностью, и весьма быстро начали проявляться новые противоречия.

Добившись уступок от европейцев по вопросу об «иерархии» операций НАТО и Евросоюза, США продолжили оказывать дипломатическое давление на данном направлении. Его целью было направить процесс формирования ЕПБО в такое русло, чтобы европейская политика как можно полнее соответствовала американским интересам. По сути, речь шла о том, что США были готовы одобрить появление ЕПБО только на таких условиях, которые максимально способствовали сохранению и дальнейшему укреплению военно-политического доминирования Соединенных Штатов в Европе.

Позиция американского руководства по данному вопросу, причем не только администрации, но и конгрессменов, была весьма подробно и доходчиво изложена в ходе уже упоминавшихся выше слушаний в Сенате,

---

³¹⁰ Hunter R. E. Op. cit. P. 67.

которые прошли 9 марта 2000 г. на тему «НАТО и Европейская политика безопасности и обороны Евросоюза»³¹¹. В ходе этого мероприятия перед сенаторами выступили, в частности, высокопоставленные представители Госдепартамента и Пентагона, а также уже хорошо известный нам Р. Хантер.

Общий подход представителей администрации к вопросу ЕПБО на тот момент времени был сформулирован М. Гроссманом, который заявил в ходе слушаний: В США «есть некоторые люди, которые опасаются, что ЕИБО ослабит альянс [НАТО – авт.]. По моему мнению, если мы все сделаем правильно, это послужит интересам США, а НАТО станет только сильнее. Принципиальный момент здесь заключается в том, чтобы Соединенные Штаты и Европа имели общее видение неразрывности наших интересов в сфере безопасности»³¹². Таким образом, по сравнению с заявлениями М. Олбрайт в декабре 1998 г. или С. Тэлботта в октябре 1999 г. теперь акцент в американском подходе сместился. Если ранее представители Вашингтона стремились обозначить перед европейцами «красные линии», за которые тем не следовало заходить, то теперь они больше сосредоточились на том, чтобы в какой-то степени «возглавить процесс» развития ЕПБО. Ранее США старались не допустить ослабления своего военно-политического доминирования в Европе по причине формирования ЕПБО, теперь же они поставили перед собой задачу добиться, чтобы ЕПБО приносил и пользу американским интересам.

Возможно, наиболее последовательно и откровенно подход Вашингтона к использованию ЕПБО в американских интересах изложил тогдашний помощник министра обороны США по вопросам международной безопасности Ф. Креймер.

По его словам, необходимое условие, выполнения которого требовали Соединенные Штаты, заключалось в следующем: «Необходимо не просто личное понимание, но и частые публичные подтверждения того, что и

---

³¹¹ NATO and the EU's European Security and Defense Policy. Hearing before the Subcommittee on European Affairs of the Committee on Foreign Relations, United States Senate. 106th Congress. March 9, 2000.

³¹² Ibid. P. 5.

европейские, и американское правительства привержены идее НАТО, которое и в будущем останется влиятельным и эффективным инструментом поддержания безопасности в евроатлантическом регионе и главным форумом для политического, а также военного сотрудничества по вопросам безопасности»³¹³.

Кроме того, согласно заявлению Ф. Креймера, «необходимо обязательно придерживаться того принципа, что Европа [в военной сфере – авт.] будет действовать в одиночку только тогда (поскольку ей и потребуется действовать в одиночку только тогда), когда в деле не будет задействована сама НАТО»³¹⁴.

Желательный для США формат взаимодействия между Евросоюзом и НАТО этот представитель американского министерства обороны обрисовал следующим образом: «ЕС, естественно, будет иметь возможность для самостоятельного принятия решений, включая «стратегическое» планирование, но он не должен воспроизводить систему оперативного планирования НАТО и ее командную структуру. Вместо этого, данные ресурсы НАТО будут предоставляться Евросоюзу по мере необходимости. ЕИБО [оставаясь натовским механизмом – авт.] будет развиваться на основе существующих связей между НАТО и ЗЕС с тем, чтобы обеспечивать структуры в рамках Общеввропейской внешней политики и политики безопасности гарантированным доступом к натовским возможностям планирования [т.е. использовать натовские штабы – авт.]. А решения о возможном доступе к коллективным силам и средствам НАТО для их использования в операциях Евросоюза будут приниматься в каждом случае отдельно. Тесная координация и открытость между процессами планирования в НАТО и в ЕС будут необходимы хотя бы для того, чтобы

---

³¹³ Ibid. P. 19.

³¹⁴ Ibidem.

гарантировать, что если вопрос о доступе ЕС к средствам НАТО возникнет, все члены НАТО будут согласны с предполагаемой операцией»³¹⁵.

Как представляется, было бы целесообразно подробнее прокомментировать данный пассаж о распределении военно-политических ролей между НАТО и европейскими структурами. Итак, США видели военно-политическую функцию Евросоюза в том, чтобы тот являлся вспомогательной структурой НАТО, ее «субподрядчиком» в военно-политической сфере. Правда, этот «субподрядчик» мог сам проявлять инициативу в вопросе об организации своих операций, но НАТО (а фактически – США, учитывая состав членов, соответственно, НАТО и ЕС) сохраняла неоспоримое право вето в данной сфере. Главным залогом такого положения являлось отсутствие у Евросоюза механизмов реализации военно-политических решений, аналогичных натовским. В такой ситуации Евросоюз был бы вынужден каждый раз обращаться к НАТО за военной поддержкой, причем не столько в силу каких-либо договоренностей, сколько по необходимости: у него не было бы других возможностей для обеспечения скоординированных операций даже с участием только европейских войск. Именно поэтому американские представители настаивали, что Евросоюз «не должен воспроизводить систему оперативного планирования НАТО и ее командную структуру».

Указанный механизм передачи натовских сил и средств в пользование Евросоюзом Ф. Креймер и обозначил под названием ЕИБО. Он не случайно упомянул о том, что ЕИБО должно было развиваться на основе «существующих связей между НАТО и ЗЕС», так как, по сути, речь шла о сохранении тех же механизмов взаимодействия между двумя этими организациями, которые активно обсуждались на трансатлантическом уровне в течение большей части 1990-х годов. Единственное изменение американской позиции заключалось в том, что раньше Вашингтон возражал против слияния функций ЗЕС и Евросоюза, а теперь соглашался с тем, что

---

³¹⁵ Ibidem.

ЕС будет использовать наработанные пути сотрудничества между ЗЕС и НАТО (правда, эти наработанные пути к тому моменту ни разу и так не были опробованы на практике).

В целом, описанная Ф. Креймером гипотетическая схема в сжатом виде выглядела следующим образом. Государства Евросоюза, проводили между собой консультации с использованием принципов и структур Общеευропейской внешней политики и политики безопасности. В какой-то момент в случае потребности они принимали в результате этих консультаций решение о необходимости развертывания в некоем регионе операции с тем или иным уровнем использования военной силы.

Далее следовало обращение к услугам натовских штабных структур, которые прорабатывали параметры этой операции, исходя из ее политических целей, географических и других условий. Естественно, весь этот процесс находился под плотным контролем со стороны США, как и любая другая деятельность структур НАТО. Устами Ф. Креймера Соединенные Штаты заверяли, что натовские штабы будут откликаться на подобные обращения ЕС в обязательном порядке. Штабы альянса рассчитывали размеры потребных сил и средств, необходимых для успеха операции, а Вашингтон параллельно принимал решение, должна ли вся НАТО принимать участие в ее осуществлении, или ее можно оставить в сфере ответственности Евросоюза.

В первом случае операция превращалась в «обычную» натовскую, а при принятии второго варианта НАТО уже должна была принять решение о том, предоставлять ли в пользование Евросоюза в данной конкретной операции коллективные средства альянса. На этом этапе, в отличие от стадии штабной проработки, альянс уже не брал на себя заранее никаких обязательств: как заявлял Ф. Креймер, «решения о возможном доступе к коллективным силам и средствам НАТО для их использования в операциях Евросоюза будут приниматься в каждом случае отдельно». Таким образом, США не только могли отказаться от участия всего альянса в предполагаемой

операции ЕС, но и воспрепятствовать использованию в ней командной структуры НАТО или ее отдельных элементов. По сути, это означало, что даже при намерении европейцев осуществить какую-либо операцию самостоятельно, без участия США, они не смогли бы этого сделать без согласия Вашингтона. Своих многонациональных структур для обеспечения взаимодействия вооруженных сил разных государств у ЕС не имелось, и, более того, США возражали против их создания («во избежание дублирования»). А использование для целей ЕС таких структур из состава НАТО Вашингтон мог заблокировать по своему усмотрению, о чем открыто и заявляли американские представители.

Таким образом, Евросоюз уже на институционально - организационном уровне оставался в полной военно-политической зависимости от решений США и НАТО по вопросам планирования и применения собственных объединенных военных сил. (Необходимо иметь в виду, что использование натовских средств в операциях Евросоюза могли заблокировать не только Соединенные Штаты, но, например, и Турция, как это произошло с ее отказом в марте 2003 г. разрешить США использовать базы на турецкой территории для нападения на Ирак). Эту зависимость США стремились закрепить на институциональном уровне. Ф. Креймер заявил в том же выступлении: «С формальной точки зрения, НАТО и ЕС будут сохранять самостоятельность в принятии решений, но на практике они должны быть тесно связаны друг с другом и действовать в сотрудничестве, а не в конкуренции, а также между НАТО и ЕС должна быть полная взаимная прозрачность и координация. ... Не может быть никакого вопроса о «кокусе Евросоюза» внутри НАТО: решения альянса должны по-прежнему приниматься в настоящих коллективных дискуссиях, и тем самым НАТО останется, и на словах, и на деле, главным форумом для консультаций в сфере безопасности»³¹⁶.

---

³¹⁶ Ibidem.

Что касается тех преимуществ, которые США намеревались извлечь из европейского военно-политического проекта, то их емко суммировал в ходе тех же слушаний помощник госсекретаря М. Гроссман: «ЕИБО может увеличить европейский вклад в нашу общую оборону. Она может облегчить [военную – авт.] нагрузку на Соединенные Штаты и укрепить трансатлантическое партнерство. Это вещи, которые сегодня являются жизненно важными для нашего государства»³¹⁷. Таким образом, США рассчитывали, прежде всего, на то, что проект ЕПБО подтолкнет европейских политиков к увеличению военных расходов и усилит военные возможности союзных Соединенным Штатам армий. Именно поэтому М. Гроссман в своем выступлении в Конгрессе сравнивал планы усиления сил и средств, принятые, соответственно, на саммите НАТО в Вашингтоне в апреле 1999 г. и на саммите Евросоюза в Ницце в декабре того же года³¹⁸. Демонстрируя их схожесть, он стремился подчеркнуть не только степень влияния американской дипломатии на европейский проект, но и полезность этого проекта для США, поскольку он органично дополнял натовские планы. Как он отметил, создание европейских сил быстрого реагирования в 50 – 60 тыс. солдат «конечно, увеличит размер экспедиционных сил в распоряжении Европейского Союза, но, что очень важно, и в распоряжении НАТО тоже»³¹⁹.

Европейские политики, выступавшие за усиление самостоятельности Европы в военно-политических вопросах, естественно, стремились убедить Вашингтон не препятствовать этим планам. В качестве аргумента они заявляли, что получив больше независимости, европейцы станут вести себя более ответственно, что выразится в большей готовности увеличить или хотя бы не сокращать военные бюджеты. Так, французский посол в США Ф. Бюжон де Л'Эстен в апреле 2000 г. сделал следующее заявление: «Нынешнее неудовлетворительное состояние оборонных бюджетов в рамках НАТО отчасти является отражением состояния самоуспокоенности, обусловленной

---

³¹⁷ Ibid. P. 6.

³¹⁸ Ibid. P. 9 – 10.

³¹⁹ Ibid. P. 4.

защитой со стороны США... По моему общему убеждению, равно как укрепление военных возможностей союзников по НАТО должно подразумевать усиление их [политической – авт.] ответственности, так и возросшая ответственность, в свою очередь политически воплотится ... в большей поддержке со стороны граждан ЕС укрепления военных возможностей»³²⁰.

Очевидно, что с помощью такой аргументации европейцы стремились убедить Вашингтон не препятствовать развитию проекта ЕПБО. И, как это ярко показали слушания в Сенате в марте 2000 г., такой подход дал результат, в том смысле, что США приняли эти «правила игры» и решили использовать их в свою пользу. Американское руководство пришло к выводу, что если европейцев можно побудить к увеличению военных бюджетов (и соответственно, укреплению боевого потенциала европейских армий) только в том случае, когда это увеличение будет сопровождаться некими институциональными уступками, то Вашингтон в принципе не будет возражать против такого «размена». Оставался открытым лишь вопрос, насколько существенными будут указанные уступки, и как они будут реально влиять на распределение военно-политических полномочий в трансатлантических отношениях.

В этом контексте важно отметить два момента. Во-первых, готовность на усиление европейских сил и средств именно под эгидой ЕПБО (а не напрямую в рамках НАТО) настоятельно заставляла американское руководство стремиться к обеспечению максимально полной подконтрольности самого ЕПБО натовским структурам, т.е., в конечном счете, Вашингтону: если США не могли добиться увеличения европейских военных расходов «напрямую», а только через «посредническую структуру», значит необходимо было сделать эту структуру как можно более управляемой.

---

³²⁰ Bujon de l'Estang F. European Defense : The French Perspective. Address by François Bujon de l'Estang, Ambassador of France, at the College of William & Mary, Williamsburg, April 20, 2000.
URL: http://www.european-security.com/n_index.php?id=461

Во-вторых, США требовалось тщательным образом отслеживать вопрос о том, насколько реально будут укрепляться военные возможности европейских ВС в результате развития европейской оборонной автономии. В конечном счете, как показали дальнейшие события, опасения американских политиков, что усилия европейцев дадут сугубо бюрократический эффект, были оправданными.

В целом, как это чаще всего бывает в международных отношениях, подход Вашингтона к ЕПБО приобрел характер сделки: США с формальной точки зрения отказывались в пользу Евросоюза от некоей доли своего подавляющего контроля над военно-политическими вопросами на евроатлантическом пространстве, а взамен рассчитывали получить определенное усиление военного потенциала НАТО за счет европейцев. Соответственно, перед Вашингтоном стояла задача допустить как можно меньшее ослабление своего контроля и получить как можно большее усиление натовских военных возможностей. И разумеется, однозначно негативным результатом для США было бы, если бы автономистские устремления европейцев привели к уменьшению сплоченности и управляемости НАТО (или, другими словами, к ослаблению доминирования США в рамках альянса), а взамен не принесли бы никакого укрепления сил и средств альянса. В феврале 2000 г. министр обороны США У. Коэн на ежегодной мюнхенской конференции по проблемам безопасности очертил опасения Вашингтона перед европейскими представителями следующим образом: «Я скажу вам, чего я боюсь. Я боюсь, что мы увидим, как европейские государства создают новую бюрократию, которая понадобится, чтобы осуществить часть этих реформ [в сфере европейской обороны – авт.]... Когда я смотрю с нашей стороны Атлантики на [военные – авт.] бюджеты, я вижу, как государства дружно и последовательно сокращают их как раз в то время, когда, по всеобщему признанию, вам необходимо укреплять ваши силы и средства. ... Вы не можете продолжать сокращать бюджеты и в то же время надеяться осуществить эти реформы, а также обеспечить выполнение материально-

технических требований для ЕИБО и для НАТО. Я боюсь, что мы увидим лишь создание бюрократической системы»³²¹. Надо сказать, события последующих лет показали, что эти прогнозы У. Коэна были в существенной мере обоснованными, хотя США сами приложили немало усилий, чтобы они оправдались.

Что касается первого из обозначенных выше аспектов политики США после хельсинкского саммита ЕС, а именно достижения подконтрольности ЕПБО натовским структурам, то главным способом добиться этого была тщательная проработка процедурных вопросов принятия решений о применении европейских сил и о получении на это согласия со стороны НАТО. Как мы видели из выступления Ф. Креймера в Сенате, американское руководство уделяло этому полноценное внимание.

Еще одним направлением укрепления влияния США было установление формализованных бюрократических связей между ЕПБО и НАТО. Этому вопросу Вашингтон уделял не меньшее внимание, чем первому аспекту. Соединенные Штаты объясняли необходимость таких консультаций тем, что согласно Амстердамскому договору 1997 г. (дополнившему и исправившему Маастрихтский договор 1991 г.) Евросоюз включил в свою сферу ведения задачу «управления кризисами», изъяв ее из сферы ответственности ЗЕС³²². Однако активные усилия по установлению бюрократической связи между НАТО и ЕС Вашингтона начал предпринимать не в 1997 г., а лишь через два с лишним года, когда в США пришли к выводу о серьезности европейских военно-политических амбиций. Р. Хантер прямо писал, что США сосредоточились на вопросе об отношениях между НАТО и Евросоюзом/ЕПБО «по той причине, что решения, принятые в Хельсинки, придали намного больше содержания и реалистичности

---

³²¹ Cohen W. S. Remarks as Delivered By Secretary of Defense William S. Cohen on "European Security and Defense Identity," Hotel Bayerischer Hof, Munich, Germany, Saturday, February 5, 2000. URL: <http://web.archive.org/web/20000602204633/http://www.defenselink.mil/speeches/2000/s20000205-secdef.html>

³²² Drozdiak W. U.S. Tepid On European Defense Plan. The Washington Post, March 7, 2000.

перспективам того, что Европейская политика безопасности и обороны – и силы быстрого реагирования [ЕС – авт.] – могут воплотиться в жизнь»³²³.

В декабре 1999 г. в своей речи на заседании Североатлантического совета заместитель госсекретаря С. Тэлботт сразу после заявления, что на хельсинкском саммите ЕС были сделаны правильные шаги в сторону прекращения разногласий с НАТО по вопросу ЕПБО, сразу же отметил, что в ближайшие полгода США рассчитывают «на развитие связей между альянсом [НАТО – авт.] и ЕС, необходимых для прозрачности и сотрудничества»³²⁴. Представители американского правительства прямо отмечали, что целью установления таких связей являлся контроль над процессами формирования управленческих структур ЕПБО. Помощник госсекретаря М. Гроссман в своем выступлении в Сенате охарактеризовал позицию администрации США следующим образом: «Мы считаем, что новые структуры ЕС должны полноценно взаимодействовать с НАТО. Как можно более тесные институциональные связи между Европейским Союзом и НАТО являются необходимыми, если от НАТО будет требоваться поддержка какой-либо операции ЕС, в случае если альянс сам не будет задействован. Также, правильно построенные связи НАТО – ЕС дадут гарантию, что организационные решения о будущих военных операциях не будут приниматься изолированно НАТО или Европейским Союзом»³²⁵.

Как видно из приведенного пассажа, США считали необходимым идти на определенный шантаж в данном вопросе. По сути, руководители госдепартамента заявляли, что если европейцы откажутся устанавливать «более тесные институциональные связи» с НАТО, тогда альянса откажется от какой-либо поддержки операций ЕС, то есть, фактически, заблокирует их.

Столь жесткая постановка вопроса потребовалась Вашингтону, чтобы преодолеть активное неприятие со стороны некоторых европейских

---

³²³ Hunter R. E. Op. cit. P. 71.

³²⁴ Talbott S. The State of the Alliance: An American Perspective. Address at the North Atlantic Council, Brussels, Belgium, December 15, 1999.

³²⁵ NATO and the EU's European Security and Defense Policy. Hearing before the Subcommittee on European Affairs of the Committee on Foreign Relations, United States Senate. 106th Congress. March 9, 2000, P. 5.

государств, прежде всего Франции, американского требования о формализации отношений НАТО – ЕПБО. Американский представитель при НАТО А. Вершбоу характеризовал, с претензией на сатирический оттенок, этот французский подход следующим образом: «Как будто бы США являются каким-то компьютерным вирусом, который, если запустить его внутрь, вызовет полное обрушение способности ЕС принимать решения»³²⁶.

Предшественник А. Вершбоу на данном посту, Р. Хантер, причислял к противникам укрепления связей НАТО – ЕС помимо Франции и Великобританию. При этом по его словам, мотивы Лондона и Парижа были разными. Если Франция стремилась к ограничению возможностей влияния НАТО и США на решения, принимаемые ЕС, то Великобритания, напротив, опасалась, что именно Еврокомиссия, как центр бюрократической системы Евросоюза, получит чрезмерный политический вес в результате установления официальных связей с НАТО. В Британии опасались этого, так как Еврокомиссия является наднациональным органом управления Евросоюза, а Лондон традиционно стремится ослабить наднациональный характер ЕС³²⁷.

Трудно сказать, насколько искренними были эти заявления британских представителей: нельзя исключать, что вставая в оппозицию к этому стремлению Вашингтона, Лондон в очередной раз стремился повысить свою значимость в глазах американской администрации. Как бы то ни было, отношения между НАТО и ЕС в начале 2000 г. с формальной точки зрения практически отсутствовали, что было тем более удивительным, если учесть состав стран-членов обеих организаций и общее место пребывания их штаб-квартир – Брюссель. Р. Хантер, будучи представителем США при НАТО,

---

³²⁶ Цит. по: Drozdiak W. U.S. Tepid On European Defense Plan. The Washington Post, March 7, 2000.

³²⁷ Hunter R. E. Op. cit. P. 73.

образно характеризовал сложившееся положение вещей фразой – «два учреждения в одном городе, живущие на разных планетах»³²⁸.

Одной из важных причин, по которой Франция скептически относилась к более тесному сотрудничеству НАТО и зарождающегося ЕПБО, было глубокое недоверие, сложившееся между французскими и американскими спецслужбами. Если для «особых отношений» США и Великобритании тесное сотрудничество разведывательных ведомств является одной из базовых основ, то в американо-французских связях, наоборот, соперничество спецслужб служит одним из серьезнейших раздражителей. Отношения США и Франции в данной сфере характеризуются довольно жесткой конкуренцией, для которой характерны не только постоянные взаимные обвинения в шпионаже (часто – в промышленной и экономической сферах), но и взаимные высылки агентов друг друга со своей территории, причем эти факты иногда даже предаются публичной огласке³²⁹. Другим аспектом этой проблемы является американо-французское соперничество в сфере электронной и спутниковой разведки. Францию и другие европейские страны весьма раздражала деятельность прослушивающей системы «Эшелон», созданной в 1980-е годы пятью англосаксонскими странами: США, Великобританией, Австралией, Канадой и Новой Зеландией. Кроме того, США в середине 1990-х годов оказали сильное давление на Германию, чтобы воспрепятствовать развитию совместных франко-германских программ в области спутниковой разведки (президентом У. Клинтонем для переговоров на эту тему с канцлером Г. Коелем был направлен директор ЦРУ Дж. Дойч)³³⁰.

Разумеется, подобные взаимоотношения создавали атмосферу глубокого недоверия и служили дополнительным аргументом для Франции,

---

³²⁸ Ibidem. См. также высказывания Р. Хантера на эту тему на слушаниях в сенате в марте 2000 г.: NATO and the EU's European Security and Defense Policy. Hearing before the Subcommittee on European Affairs of the Committee on Foreign Relations, United States Senate. 106th Congress. March 9, 2000. P. 50.

³²⁹ Например, такой эпизод имел место в 1995 г. См.: Heisbourg F. (ed.). European defence: making it work. Chaillot Paper 42, Paris – September 2000. P. 63.

³³⁰ Ibid. P. 63 – 65.

чтобы постараться создать такой европейский военно-политический «клуб», который был бы в существенной степени изолированным от США, а значит и от НАТО. Если учесть, что Франция к началу 2000-х годов уже несколько десятилетий отказывалась от участия в деятельности командно-штабных структур НАТО, ее отказ от взаимодействия с альянсом в рамках ЕПБО можно оценить, как продолжение той же политической линии.

США со своей стороны продолжали оказывать давление на всех уровнях с целью добиться максимально крепкой привязки структур ЕПБО к НАТО. Иллюстрацией этого давления являлась, например, совместная статья госсекретаря М. Олбрайт и министра обороны США У. Коэна «Правильное понимание ЕИБО», опубликованная 24 марта 2000 г. в газете «Уолл Стрит Джорнал»³³¹. Статья, по сути, была построена вокруг тезисов генсека НАТО Дж. Робертсона о «трех «И», трех принципах отношений НАТО к европейскому оборонному проекту (см. выше). Американские министры изложили свое толкование этих принципов. В частности, коснувшись третьего из них, о неразделимости европейской безопасности (*indivisibility of European security*), они истолковали его как «неразделимость структур безопасности» (*indivisibility of security structures*) и заявили о необходимости установить «как можно более тесные связи» между НАТО и ЕС, которые обеспечат «прозрачность и сотрудничество» в отношениях двух организаций. Этот тезис был в тот момент принят в общий политический лексикон Госдепартамента и практически в том же виде присутствовал, например, в выступлении помощника госсекретаря М. Гроссмана в Сенате США 9 марта того же года³³².

Несколько позднее, в июне 2000 г. У. Коэн высказался еще более определенно. Рассуждая о необходимости усиления сил и средств европейских союзников, он подчеркнул, что США не хотят видеть в этом вопросе разделение на натовские программы, с одной стороны, и

---

³³¹ Albright M.K., Cohen W.S. Get ESDI Right. Wall Street Journal Europe, March 24, 2000.

³³² NATO and the EU's European Security and Defense Policy. Hearing before the Subcommittee on European Affairs of the Committee on Foreign Relations, United States Senate. 106th Congress. March 9, 2000. P. 5.

европейские – с другой. «Мы не хотим видеть ситуацию, когда какое-то решение является решением ЕС, но не НАТО. ЕИБО, ЕПБО должны, в общем и целом, находиться под зонтиком самой НАТО – отделяемые, но не отделимые»³³³.

Далее, в октябре 2000 г. на встрече министров обороны НАТО У. Коэн выступил сразу с двумя идеями, явно нацеленными на ограничение самостоятельности ЕС в оборонной сфере. Во-первых, он заявил о необходимости создать общую для НАТО и Евросоюза систему планирования развития военных структур (т.е. систему военного строительства). Он предложил ее назвать, с явной аллюзией на ЕПБО, Европейской системой планирования безопасности и обороны (European Security and Defense Planning System – ESDPS). В рамках этой системы, по словам американского министра, Турция смогла бы участвовать в совещаниях по оборонному строительству Евросоюза, в то время как, например, Швеция, принимала бы участие в аналогичных совещаниях в НАТО³³⁴. Такой подход, с одной стороны, представлял собой изменение прежнего американского подхода, заключавшегося в том, что не члены НАТО никак не должны вмешиваться в дела альянса. В то же время, такой «размен» был явно неравноценным, так как государства ЕС, не входившие в НАТО, представляют собой страны со сравнительно ограниченным военно-политическим потенциалом и амбициями, в то время как страны НАТО, не входившие в Евросоюз, в частности, упомянутая Турция, и, разумеется, сами США, являются влиятельными и амбициозными акторами в данной сфере. Очевидно, что НАТО в таком варианте сильнее укрепляло свое влияние на ЕПБО, чем наоборот.

---

³³³ Cohen W.S. Western European Union's Transatlantic Forum. Remarks as Delivered by Secretary of Defense William S. Cohen, Willard Hotel, Washington, DC, Wednesday, June 28, 2000. URL: http://www.european-security.com/n_index.php?id=412

³³⁴ Cohen W.S. Informal NATO Defense Ministerial Meeting. Remarks as Prepared for Delivery by Secretary of Defense William S. Cohen, Birmingham, United Kingdom, October 10, 2000. URL: http://www.european-security.com/n_index.php?id=565

Вторая идея, высказанная У. Коэном в Бирмингеме, заключалась в том, чтобы расширить полномочия заместителя верховного главнокомандующего войсками НАТО в Европе. Как отмечалось выше, согласно вашингтонским договоренностям апреля 1999 г. этот натовский военный руководитель (как правило британский, реже – германский генерал) гипотетически должен был бы возглавлять ту или иную операцию Евросоюза в том случае, если бы в этой операции предусматривалось использование коллективных средств НАТО, и было получено согласие на это от самого альянса. Теперь министр обороны США предлагал предоставить этому руководителю НАТО роль «стратегического координатора» отношений между альянсом и Евросоюзом в «мирное время», а в период «кризиса» – роль «генератора силы» (force generator), т.е. руководителя по формированию соединения сил и средств ЕС, предназначенного для военных действий в данной конкретной кризисной ситуации. Причем эту функцию, по мысли У. Коэна, заместитель главкома НАТО должен был исполнять и в тех случаях, когда к операции Евросоюза не привлекались коллективные натовские силы.

Таким образом, по сути, министр обороны США ставил вопрос о том, чтобы на постоянной основе закрепить за заместителем главкома НАТО роль главнокомандующего военными операциями Евросоюза. С точки зрения военно-административной логики такое предложение гармонично согласовывалось с его же идеей об объединении процессов военного планирования НАТО и Евросоюза. И в то же время было совершенно очевидно, что с точки зрения политической стороны вопроса эти предложения решительным образом ограничивали автономию ЕПБО и превращали военные структуры ЕС в «дочернее предприятие» НАТО. Поэтому, когда У. Коэн в той же речи заявлял, что выдвигая эти идеи, США «не имеют намерения как-то сокращать возможности ЕС по принятию независимых решений», это было откровенным лицемерием.

Американский министр не скрывал, что основным мотивом США, благодаря которому они вообще соглашались на развитие ЕПБО, было

стремление добиться от европейцев большего военного вклада в НАТО. В ходе той же встречи в Бирмингеме У. Коэн заявил, что «Соединенные Штаты поддерживают Европейскую программу (sic) безопасности и обороны потому ..., что по мере достижения членами Евросоюза «Головной цели» (Headline goal) по созданию устойчивой военной группировки быстрого развертывания, это также будет усиливать возможности НАТО»³³⁵.

Как мы видим, американский министр даже назвал ЕПБО не политикой, а лишь некоей «программой» (причем сделал это дважды в течение той речи). Очевидно, этот небольшой факт отражал его настрой в отношении европейской оборонной самостоятельности.

Также необходимо пояснить, что говоря о «Головной цели», У. Коэн имел в виду обязательства, принятые на себя странами Евросоюза на саммите ЕС в Хельсинки (10–11 декабря 1999 г.). Согласно им, к 2003 г. страны ЕС должны были обладать возможностями для формирования коллективного военного соединения уровня усиленного армейского корпуса (50 – 60 тыс. военнослужащих). Этот корпус получил название «Европейские силы быстрого реагирования» (European Rapid Reaction Force). Корпус должен был включать в себя силы и средства (включая подразделения управления, связи, разведки, тылового обеспечения, а в случае необходимости – и авиационную и морскую компоненты) достаточные для выполнения как минимум в течение одного года операций по реализации какой-либо из типовых Петербургских задач Евросоюза (см. выше). Этот корпус должен был также обладать возможностью для того, чтобы развернуться в течение 60 суток (правда, в документах ЕС не указывалось, на каком расстоянии от Европы)³³⁶.

Очевидно, что потому У. Коэн и называл ЕПБО «программой», а не политикой, поскольку его интересовала прежде всего вопрос создания новых

---

³³⁵ Cohen W.S. Press conference following NATO informal ministerial meeting in Birmingham, England, October 10, 2000. URL: <http://archive.defense.gov/Transcripts/Transcript.aspx?TranscriptID=1834>

³³⁶ European Council, Helsinki, December 10-11, 1999. Presidency Conclusions. Annex 1 to Annex IV. Presidency Progress Report to the Helsinki European Council on Strengthening the Common European Policy on Security and Defence. // From St-Malo to Nice. European Defence: Core Documents. Chaillot Paper 47, Paris - May 2001. P. 84 - 85.

военных сил и средств под эгидой ЕС. Эти средства он, как и все американское руководство, стремился сразу же поставить в прямое и постоянное подчинение НАТО. И, напротив, перспектива формирования новых структур военно-политического управления в ЕС, при отсутствии прогресса в деле создания новых или укрепления старых сил и средств, являлась для США полностью неприемлемой.

На последнее обстоятельство У. Коэн обратил самое пристальное внимание в ходе своей последней встречи с коллегами по НАТО в декабре 2000 г. в Брюсселе (вскоре У. Коэн, как и вся администрация У. Клинтона, сложил полномочия). Еще накануне этой встречи американский министр выступил с весьма прямолинейными заявлениями, в жесткой форме отражавшими основные особенности подхода США к ЕПБО.

Во-первых, У. Коэн потребовал прочной увязки европейского оборонного проекта и натовской «Инициативы по расширению оборонных возможностей» (DCI), принятой на вашингтонском саммите НАТО в апреле 1999 г. (подробнее см. выше). Тем самым, он в очередной раз подчеркнул, что для США проект ЕПБО имел смысл лишь с точки зрения увеличения европейских расходов на оборону. Как заявил У. Коэн, «мы стараемся обеспечить выполнение головных целей и обеспечить, что что бы ни было сделано в рамках ЕПБО, это согласовывалось бы с «Инициативой по расширению оборонных возможностей», сейчас и в перспективе»³³⁷. Больше того, на следующий день в Брюсселе, выступая перед своими коллегами по НАТО У. Коэн заявил, что если американские союзники не станут более серьезно относиться к выполнению «Инициативы», тогда НАТО может превратиться в «реликт прошлого»³³⁸.

Во-вторых, американский министр в очередной раз поднял вопрос о единстве процесса оборонного планирования в рамках ЕС и НАТО. При этом

---

³³⁷ Cohen W.S. Secretary Cohen media availability en route to Brussels, Belgium. December 4, 2000. URL: <http://archive.defense.gov/Transcripts/Transcript.aspx?TranscriptID=1869>

³³⁸ Garamone J. Cohen Says Allies Must Invest or NATO Could Become 'Relic'. American Forces Press Service, December 5, 2000. URL: <http://archive.defense.gov/news/newsarticle.aspx?id=45668>

свое требование в отношении этого единства он подкрепил довольно откровенными угрозами. Он заявил следующее: «США решительно привержены НАТО, как институту, но многое будет зависеть от того, как европейцы, по факту, сформируют ЕПБО. Так что если ... они попробуют или будут намерены получить самостоятельные возможности для проведения оперативного планирования, самостоятельные и отдельные от натовского планирования, тогда это приведет к ослаблению связей между США и НАТО, и НАТО и ЕС. Я думаю, подавляющее большинство [членов НАТО – авт.] не хотели бы, чтобы это произошло»³³⁹.

Американский эксперт по трансатлантическим отношениям С. Слоан отмечает, что столь негативный настрой У. Коэна был вызван неприятием со стороны европейцев, особенно Франции, его бирмингемской идеи о фактическом включении ЕПБО в структуру НАТО на правах «подсобной» организации³⁴⁰. Это означает, что у руководства США не было ощущения сближения позиций с европейцами.

Первый из упомянутых двух тезисов У. Коэна являлся продолжением прежней американской линии. Как отмечалось выше, еще в конце 1998 г., через несколько дней после появления декларации Сен-Мало М. Олбрайт сделала следующее заявление на заседании НАТО: «Ключом к успеху Европейской инициативы в сфере безопасности и обороны является концентрация на практических аспектах развития оборонных возможностей»³⁴¹. Она же через два года, в ноябре 2000 г. выразила поддержку планов ЕС по созданию «Сил быстрого реагирования» мотивируя это тем, что «силы ЕС будут доступны как для НАТО, так и для ЕС»³⁴². Разумеется, это утверждение было верно лишь отчасти, поскольку для НАТО были бы доступны лишь отдельные воинские контингенты тех стран

---

³³⁹ Cohen W.S. Secretary Cohen media availability en route to Brussels, Belgium. December 4, 2000. URL: <http://archive.defense.gov/Transcripts/Transcript.aspx?TranscriptID=1869>

³⁴⁰ Sloan S. R. Permanent Alliance? P. 227.

³⁴¹ Hunter R. E. Op. cit. P. 50.

³⁴² Albright M.K. Statement "United States Backs European Rapid Reaction Force". November 20, 2000, Washington, D.C. As released by the Office of the Spokesman, U.S. Department of State. URL: <http://1997-2001.state.gov/www/statements/2000/001120a.html>

Евросоюза, которые одновременно были и членами североатлантического альянса. При этом прямого подчинения Европейских сил быстрого реагирования в их полной совокупности натовскому командованию самими европейцами не предусматривалось. Более того, в этом же заявлении М. Олбрайт назвала Силы быстрого реагирования «главной функцией Европейской идентичности в сфере безопасности и обороны», а саму ЕИБО – «натовской инициативой, которую США поддерживают от всего сердца». Тем самым госсекретарь упорно продолжала отстаивать подход, заключающийся в том, что европейский оборонный проект представлял собой лишь натовскую инициативу, которая принесет некоторый положительный эффект и для Евросоюза, но в первую очередь – для НАТО.

Таким образом, с момента проведения встречи в Сен-Мало и вплоть до конца своего правления администрация У. Клинтона придерживалась той точки зрения, что европейский проект имел для США определенную ценность только как способ переложить на Европу более существенную часть военных расходов в рамках трансатлантического сообщества. Тем самым, данный подход являлся развитием давней политики США по подстегиванию своих союзников к увеличению военных бюджетов. В случае с ЕПБО данная политика получила свое развитие применительно к новым условиям после «холодной войны».

Что касается второго тезиса из высказанных У. Коэном, то он являлся не вполне обычным заявлением для представителя американской администрации. Ранее представители США, включая самого министра обороны, уже неоднократно выступали против создания самостоятельных структур оборонного планирования в Евросоюзе. Также, США за многие десятилетия с момента основания НАТО периодически прибегали к туманным угрозам сократить свое участие в альянсе или вообще отказаться от военного сотрудничества с европейскими союзниками. Новое в данном случае заключалось в том, что американская администрация сочла необходимым прибегнуть к такой сравнительно сильной риторике именно в

связи с проблемой структур оборонного планирования Евросоюза. Это говорило о том, что формирование этих структур стало восприниматься в Вашингтоне как существенная угроза американским интересам, ради нейтрализации которой стоило прибегнуть к такого рода дипломатическому шантажу. Однако развитие событий в последующие годы продемонстрировало, что американский прессинг не принес должного эффекта, и трансатлантические разногласия по данному вопросу сохранились в полной мере.

2.5. «Фактор Турции» и других членов НАТО, не входящих в ЕС, в контексте политики США в отношении ЕПБО

Еще одним приоритетным направлением американских усилий по формированию ЕПБО в приемлемом для Вашингтона виде, было давление на Евросоюз с целью подключения к процессу принятия военно-политических решений в нем стран, которые не входили в ЕС, но являлись членами НАТО. Необходимость такого шага для европейского оборонного проекта была заявлена генеральным секретарем НАТО Дж. Робертсоном в ноябре 1999 г. в виде тезиса об «открытости» (inclusiveness) ЕПБО, как одного из «трех «И»» (см. выше). Фактически, в тот момент данный подход был представлен как одно из условий, необходимых, чтобы США сняли свои жесткие возражения против дальнейшего развития данного проекта. Поэтому было довольно логично, что теперь американцы настаивали на выполнении этого требования.

Американский подход развернуто изложил представитель США при НАТО А. Вершбоу. В своем выступлении в Париже на конференции в Институте стратегических исследований ЗЕС³⁴³ в мае 2000 г. он заявил, что помимо прочих условий, выполнения которых США требовали от Евросоюза, тот должен обеспечить возможность для «регулярного участия»

---

³⁴³ Вскоре этот институт был переподчинен Евросоюзу и стал одним из его основных аналитических учреждений по военным и внешнеполитическим вопросам.

шести европейских членов НАТО (далее по тексту – «группа шести»), не входивших в тот момент в ЕС (non-EU European NATO members)³⁴⁴, «в выработке политических решений, в военном планировании и в текущих операциях ЕС»³⁴⁵. С такими же требованиями еще осенью 1999 г. выступал заместитель госсекретаря США С. Тэлботт³⁴⁶.

Европейцы со своей стороны довольно скептически воспринимали такие запросы, хотя на официальном уровне соглашались с ними³⁴⁷. Это согласие они обуславливали «полным сохранением самостоятельности ЕС в принятии решений»³⁴⁸. В частности, по итогам кельнского саммита июня 1999 г. европейские страны выработали формулировку относительно модели возможного участия не членов ЕС в гипотетических европейских операциях. Согласно этой формуле «все участники возглавляемой ЕС операции будут иметь равные права в ходе проведения данной операции, [но] без ущерба для принципа самостоятельности ЕС в принятии решений, особенно для права Совета ЕС обсуждать и принимать решения по ключевым вопросам»³⁴⁹. Таким образом, несмотря на декларируемое равенство участников, все принципиальные решения оставались в ведении Совета ЕС, в том числе и решение и том, какие страны становились участниками той или иной операции. Следовательно, участие и влияние не членов Евросоюза становились в полную зависимость от решений Совета ЕС.

Постепенно, под давлением США, ЕС более подробно разъяснил свое видение участия «группы шести», в его операциях. По итогам саммита ЕС в

---

³⁴⁴ Венгрия, Исландия, Норвегия, Польша, Турция и Чехия

³⁴⁵ Vershbow A. R. Address at the Paris Transatlantic Forum: European defence – European and American perceptions. May 18, 2000 // Occasional Papers 17, Institute for Security Studies, Western European Union, July 2000. P. 23.

³⁴⁶ Talbott S. America's Stake in a Strong Europe. Remarks at the Royal Institute of International Affairs, London, U.K., October 7, 1999. // From St-Malo to Nice. European defence: core documents. Chaillot Paper 47, Paris - May 2001. P. 56.

³⁴⁷ Joint Declaration by the British and French Governments on European Defence, London 25 November 1999. // From St-Malo to Nice. European defence: core documents. Chaillot Paper 47, Paris - May 2001. P. 78.

³⁴⁸ Presidency Progress Report to the Helsinki European Council on Strengthening the Common European Policy on Security and Defence. European Council Presidency Conclusions, Helsinki, 10-11 December 1999. // From St-Malo to Nice. European defence: core documents. Chaillot Paper 47, Paris - May 2001. P. 88.

³⁴⁹ Presidency Report on Strengthening of the Common European Policy on Security and Defence. European Council, Cologne, June 3–4, 1999. Paragraph 5. // Ibid. P. 45.

Санта Мария да Фейре (Португалия) 19–20 июня 2000 г. европейские лидеры пришли к следующему пониманию данного вопроса.

Во время отсутствия кризисных ситуаций предполагалось проводить регулярные консультации с «группой шести», минимум две встречи в полгода в формате «15 (тогдашних членов ЕС) + 6 (стран НАТО)». В случае возникновения кризисной ситуации, если ЕС начинал обсуждение о необходимости задействовать натовские силы и средства, консультациям с этой шестеркой стран планировалось уделять «особое внимание». Если решение о привлечении натовских средств принималось, государства шестерки автоматически получали право на участие в данной операции (а иначе они могли заблокировать в НАТО предоставление средств альянса Евросоюзу). Если же средства НАТО не планировалось привлекать, участие членов «группы шести» ставилось на усмотрение Евросоюза³⁵⁰.

В процессе проведения военной операции все ее участники, которые предоставляли «существенные военные силы», входили в специальный (ad hoc) комитет, через который осуществляли теоретически равное влияние на ее повседневное воплощение. Однако органы Евросоюза (в работе которых члены «группы шести», естественно не участвовали) сохраняли за собой «политический контроль и стратегическое управление операцией». За ними же оставалось принятие решения о прекращении операции, правда, «после консультаций в рамках специального комитета»³⁵¹. В общем и целом, за неевропейскими членами НАТО было признано только право совещательного голоса.

---

³⁵⁰ Presidency Report on Strengthening of the Common European Security and Defence Policy. European Council Santa Maria da Feira, June 19–20, 2000. Appendix 1. Arrangements to be concluded by the Council on modalities of consultation and/or participation that will allow the non-EU European NATO members and other countries which are candidates for accession to the EU to contribute to EU military crisis management. Paragraphs 14 – 18. // Ibid. P. 129.

³⁵¹ Presidency Report on Strengthening of the Common European Security and Defence Policy. European Council Santa Maria da Feira, June 19–20, 2000. Appendix 1. Arrangements to be concluded by the Council on modalities of consultation and/or participation that will allow the non-EU European NATO members and other countries which are candidates for accession to the EU to contribute to EU military crisis management. Paragraphs 19 – 22. // Ibid. P. 129 – 130.

Таким образом, результатом американского дипломатического давления стало только признание со стороны ЕС того очевидного факта, что в случае обращения ЕС за помощью в НАТО, Евросоюзу нужно будет предоставить всем европейским странам НАТО возможность участия в данной европейской операции. Но при этом лидеры Евросоюза особо оговорили, что главенствующую политическую и стратегическую роль они оставляют за собой. Тем самым, участники гипотетической операции из «группы шести» не получали никаких видимых политических бонусов взамен их военного вклада.

Далее, в США обратили внимание, что в предложениях ЕС полностью отсутствовали какие-либо упоминания Соединенных Штатов и Канады³⁵². Тем самым, если роль европейских членов НАТО в операциях ЕС учитывалась, пусть и в ограниченном виде, то о заокеанских членах альянса речи вообще не шло. Это обстоятельство не могло не усилить скептицизм в США по поводу намерений европейской стороны.

Директор упомянутого Института стратегических исследований ЗЕС видная французская исследовательница Н. Гнезотто и крупный германский внешнеполитический эксперт К. Кайзер в совместной работе сентября 2000 г. разъясняли европейский подход следующим образом: «Европейская *идентичность* [курсив сохранен – авт.] в сфере безопасности и обороны неизбежно должна проводить различие между теми, кому принадлежат обязательства и права [ее участников – авт.], и теми, кому нет. Создание длинного списка всех европейских стран, не входящих в ЕС, и требование принять их интересы в расчет, как будто они являются членами ЕС, может... растворить идентичность европейского подхода»³⁵³. Было очевидно, что эта точка зрения европейцев вступала в противоречие с американской. Дипломаты США требовали именно того, чтобы Евросоюз отдал часть своих

---

³⁵² Hunter R. E. Op. cit. P. 89.

³⁵³ Heisbourg F. (ed.). European defence: making it work. Chaillot Paper 42, Paris – September 2000. P. 63.

полномочий в военно-политической сфере тем союзникам США по НАТО, которые в Евросоюз не входили.

В этом контексте очень своевременно на помощь Соединенным Штатам пришел один из указанных союзников – Турция, которую подход ЕС также не устраивал. И она поддержала американскую позицию тем, что заблокировала подписание формализованного соглашения «Берлин Плюс» о взаимодействии между НАТО и ЕС. Принципы, на которых строилось это соглашение, были оговорены в ходе Вашингтонского саммита НАТО весной 1999 г. (см. выше). Теперь для вступления этих договоренностей в силу двум организациям было необходимо подписать формальный документ.

Турция объявила о своей позиции в ходе министерской встречи НАТО 14–15 декабря 2000 г., в ходе которой соглашение о взаимодействии с ЕС теоретически и должно было быть подписано. Турецкие представители сообщили, что доступ Евросоюза к натовским ресурсам может рассматриваться только на основе голосования в НАТО в каждом отдельном случае, а не на постоянной основе. Турция дала понять, что готова снять свои возражения, если получит в рамках ЕПБО равные права с членами Евросоюза³⁵⁴.

Необходимо отметить, что Турция, безусловно, имела свои мотивы для того, чтобы препятствовать формированию ЕПБО в том виде, каким ее видели лидеры Евросоюза по итогам саммитов в Кельне и в Хельсинки 1999 г. Во-первых, Турция указывала на то, что она с 1992 г. имела статус ассоциированного члена в рамках предыдущего европейского военно-интеграционного проекта – ЗЕС. Страны с таким статусом обладали в рамках ЗЕС весьма серьезными привилегиями, что с практической точки зрения почти приравнивало их к полноправным членам данного союза³⁵⁵. Теперь Турция настаивала, что в ситуации, когда ЕПБО декларировалась в качестве

---

³⁵⁴ Lachowski Z. The military dimension of the European Union. // SIPRI Yearbook 2002. Armaments, Disarmament and International Security. Oxford, 2002. P. 168.

³⁵⁵ Medina-Abellan M. Turkey and the ESDP: Anatomy of an Uncomfortable Relationship. // CFSP Forum, vol. 6, № 4, July 2008. P. 10, примечание 7. URL: www.lse.ac.uk/internationalRelations/centresandunits/EFPU/EFPUpdfs/CFSPForum6-4.pdf

преемника ЗЕС, турецкие права не должны были быть урезаны. Кроме того, нельзя исключать, что в Анкаре в начале 2000-х гг. искренне опасались, что ЕПБО может сделать НАТО недееспособной и тем самым сократить возможности Турции влиять на военно-политические процессы в важных для нее вопросах, в частности, в контексте ее противостояния с Грецией. Разумеется, в психологическом смысле к этим соображениям примешивался и фактор многолетнего противостояния Турции и европейских стран по вопросу о вступлении последней в Евросоюз. Создание сильной дееспособной ЕПБО могло поставить Анкару в ситуацию, когда она оказывалась один на один с объединенной Европой не только в социально-экономической сфере, но и военно-политической.

Но в любом случае, турецкое «вето» на соглашение «Берлин Плюс» полностью соответствовало американской позиции. В открытых источниках нет документальных подтверждений непосредственной координации действий между США и Турцией в тот момент, однако логика и последовательность событий заставляют предполагать, что такая координация, скорее всего, осуществлялась³⁵⁶. Можно даже предположить, что готовившееся подписание в декабре 2000 г. соглашения о взаимодействии НАТО и ЕС было лишь дипломатическим спектаклем со стороны Вашингтона, который уже заранее условился с Турцией, что это подписание будет сорвано. Целью при этом было принудить ЕС пойти на более серьезные уступки в отношении НАТО.

Вслед за турецким «вето» последовали длительные переговоры между Анкарой, Брюсселем и отдельными европейскими столицами по данному вопросу. Детали этих переговоров выходят за рамки данного исследования. В этом контексте представляет интерес та позиция, которую заняла Великобритания. Первой операцией, которую европейцы предполагали начать на юридической основе соглашения «Берлин Плюс», была миротворческая миссия в Македонии. Она была развернута НАТО, а теперь

---

³⁵⁶ Журкин В.В. Военная политика Евросоюза, С. 80.

Евросоюз планировал принять ее от альянса под свою ответственность. В течение 2002 г., в ситуации, когда отношения с Турцией никак не удавалось урегулировать, Франция и политически близкая к ней Бельгия предложили в связи с небольшими масштабами этой миссии (в ней участвовало ок. 800 военнослужащих) начать ее проведение Евросоюзом без формального утверждения «Берлин Плюс». Однако против этого возразила Великобритания, заявив, что, с одной стороны, опасается нанести ущерб трансатлантическим отношениям (т.е. вызвать недовольство США), а с другой – что в ходе операции могут возникнуть непредвиденные обстоятельства, и тогда потребуется помощь НАТО, которая без утвержденного соглашения «Берлин Плюс» будет недоступной³⁵⁷. В октябре 2002 г. Великобритания в рамках очередного саммита ЕС наложила вето на указанное французское предложение. В ответ Франция попыталась заблокировать в НАТО продление ее миссии в Македонии, чтобы не оставить другого выбора, кроме как передать операцию под контроль Евросоюза³⁵⁸. Парижу не удалось добиться в этом успеха.

Политическая борьба вокруг данного вопроса хорошо демонстрирует, во-первых, какие разногласия сохранялись между странами ЕС в контексте ЕПБО, а во-вторых, – какие способы использовали США для сдерживания европейского оборонного проекта в приемлемых для Вашингтона рамках. С помощью Турции и Великобритании американское руководство успешно купировало попытки Франции и других сочувствующих ей стран добиться хотя бы символической самостоятельности ЕПБО от НАТО. Сами США требовали для «группы шести», так сказать, «блокирующего пакета акций» в ЕПБО. Турция играла роль «злого следователя», который позволял США сохранить видимость нейтрального посредника, заинтересованного лишь в учете законных прав всех своих союзников. А Великобритания, используя свое положение в Евросоюзе, подстраховывала Турцию, окончательно

---

³⁵⁷ Menon A. From crisis to catharsis: ESDP after Iraq. // International Affairs. 2004. №4. P. 636.

³⁵⁸ Ibidem.

подрывая попытки Парижа создать прецедент самостоятельной европейской операции, пока эта операция не получит одобрения на трансатлантическом уровне. Действия Великобритании в данной ситуации прекрасно показывали, какую цель преследовал Лондон, когда пошел на соглашение в Сен-Мало: теперь его позиция была особо важна и для Вашингтона, и для Парижа.

В результате, 25 октября 2002 г. по итогам заседания Совета ЕС в Брюсселе Евросоюз обнародовал свое «доработанное» видение порядка участия стран «группы шести» в военной деятельности ЕС³⁵⁹. Но что характерно, в основу этого видения был положен т.н. «Документ Анкары» – проект соглашения по указанному вопросу, ранее согласованный между Турцией, Великобританией и США(!)³⁶⁰. Французский аналитик Ж.-И. Эн (Jean-Yves Haine), сотрудник Института стратегических исследований ЕС, в 2004 г. с полной уверенностью утверждал, что «Документ Анкары» был обязан своим появлением Великобритании³⁶¹.

Как отмечалось в документе, принятом Евросоюзом³⁶², страны «группы шести» получали право иметь своих постоянных представителей при двух основных органах ЕС, отвечающих за реализацию внешней и оборонной политики: при Комитете по политике и безопасности (КПБ) (Political and Security Committee – PSC³⁶³) и при Военном комитете ЕС (ВКЕС) (EU Military Committee – EUMC)³⁶⁴. Эти представители должны проводить «постоянные и непрерывные консультации по всему кругу проблем безопасности, обороны и управления кризисами». В случае необходимости, если это касалось интересов стран «группы шести»,

---

³⁵⁹ European Council, Brussels, October 24–25, 2002. Presidency Conclusions. Annex II: ESDP: implementation of the Nice provisions on the involvement of the non-EU European allies.// From Laeken to Copenhagen. European defence: core documents. Vol. III. Chaillot Paper 57, Paris - February 2003. P. 136 - 140.

³⁶⁰ Дуан Р., Ляховский З. Военная политика и политика безопасности Европейского Союза. // Ежегодник СИПРИ 2003. Вооружения, разоружение и международная безопасность. М., 2004. С. 280–281.

³⁶¹ Gnesotto N. (ed.) EU Security and Defence Policy. The first five years (1999-2004). Paris, 2004. P. 139.

³⁶² Этот документ получил название «ЕПБО: выполнение условий, принятых в Ницце, относительно участия европейских союзников, не являющихся членами ЕС».

³⁶³ В бюрократическом обиходе Евросоюза также часто используется франкоязычная аббревиатура COPS, как более краткословечная.

³⁶⁴ European Council, Brussels, October 24–25, 2002. Presidency Conclusions. Annex II: ESDP: implementation of the Nice provisions on the involvement of the non-EU European allies. Paragraphs 4, 5. P. 137.

проводились дополнительные консультации в преддверии заседаний КПБ и ВКЕС. Тем самым, представители «группы шести» не только получали полную информацию о процессе принятия военно-политических решений ЕС в той или иной ситуации, но и могли заблаговременно оказывать влияние на него.

В указанном документе подчеркивалось, что члены «группы шести» уже заранее рассматривались Евросоюзом в качестве потенциальных участников операций ЕС³⁶⁵. В связи с этим, отдельно оговаривался порядок участия «группы шести» в военных учениях ЕС³⁶⁶.

В ходе подготовки гипотетической военной операции ЕС характер участия «группы шести» зависел от места разработки военных планов. В случае, когда планы готовились штабными органами НАТО, члены «группы шести», разумеется, могли участвовать в их подготовке на правах членов альянса. Если разработка военных планов поручалась генеральному штабу одной из стран ЕС (у самого Евросоюза полномасштабные штабные структуры отсутствовали во избежание «дублирования» органов с НАТО), то страны «группы шести», «как участники (contributors), получали приглашение послать своих офицеров в этот штаб»³⁶⁷.

Схожим образом, в случае начала Евросоюзом операции с привлечением сил и средств НАТО, страны «группы шести» автоматически получали право участвовать в ней. Если привлечение средств НАТО не предполагалось, то, как и в предыдущих документах ЕС по данному вопросу, приглашение «группе шести» принять участие в операции, должно было приниматься на уровне Совета ЕС. Однако теперь в документе ЕС был особо оговорен следующий порядок действий. В случае, если любая из стран «группы шести» выразит обеспокоенность, «что предполагаемая автономная операция ЕС будет проводиться в географической близости от европейского члена НАТО – не члена ЕС или может задевать интересы его национальной

---

³⁶⁵ Ibid., paragraph 13. P. 139.

³⁶⁶ Ibid., paragraphs 8–9. P. 138.

³⁶⁷ Ibid., paragraph 6. P. 137.

безопасности, Совет проведет консультации с этим членом НАТО и примет решение, с учетом результатов этих консультаций, относительно участия» этой страны в операции Евросоюза³⁶⁸.

Как отмечается в документе, «на предкризисном этапе» консультации ЕС с «группой шести» должны были интенсифицироваться с тем, чтобы взгляды этих стран «на характер реагирования ЕС на кризис были бы учтены Советом ЕС до того, как будет принято решение о применении военной силы»³⁶⁹. Далее, члены «группы шести» получали доступ к предварительным обсуждениям на уровне КПБ и ВКЕС оперативных планов (concept of operations) военного реагирования на кризис и высказать свое мнение по поводу этих планов и своего возможного участия в операции³⁷⁰.

Все страны, участвующие в гипотетической операции Евросоюза (включая, разумеется, членов «группы шести», вместе формировали «Комитет участников» (Committee of contributors) – аналог упоминавшегося ранее ad hoc комитета. Комитет участников, согласно документу ЕС, получал довольно значительные полномочия. Во-первых, как и в случае с ad hoc комитетом, Комитету участников предоставлялось право «повседневного управления операцией». В процессе управления операцией Комитет принимал и обсуждал доклады, поступающие от командующего операцией, а «в случае необходимости выступал с советами в адрес КПБ». Комитет давал рекомендации «относительно внесения корректив в планирование операции, включая возможные коррективы относительно ее целей». Такие рекомендации принимались в Комитете на основе консенсуса. Взгляды, выдвигаемые Комитетом участников, должны были «приниматься КПБ во внимание (taken into account) в процессе рассмотрения им вопросов политического управления и стратегических целей операции»³⁷¹.

---

³⁶⁸ Ibid., paragraphs 11–12. P. 138.

³⁶⁹ Ibid., paragraph 14. P. 139.

³⁷⁰ Ibid., paragraph 15. P. 139.

³⁷¹ Ibid., paragraphs 16–18. P. 139–140.

Наконец, еще одним важнейшим пунктом данного документа было обязательство ЕС, что «ни при каких обстоятельствах и ни в каком кризисе ЕПБО не будет использована против кого-либо из союзников по НАТО, при условии, что взаимным образом военные структуры кризисного управления НАТО не будут предпринимать никаких действий против Евросоюза или его членов»³⁷². Этот пункт был принят по прямому настоянию Турции, которая опасалась использования ЕПБО Грецией в ее противостоянии с восточной соседкой. Соответственно, положение о взаимных гарантиях со стороны НАТО были включены по требованию Греции³⁷³.

Все перечисленные условия в совокупности предоставляли представителям «группы шести» намного более существенное влияние на военно-политическую сторону внешней политики Евросоюза, по сравнению с предыдущими позициями, с которыми выступал ЕС. Кроме того, текст документа производит впечатление, что его составители стремились с помощью сугубо риторических средств подчеркнуть значимость стран «группы шести» для руководящих органов Евросоюза. Например, текст десятого пункта был сформулирован следующим образом: «При оценке вариантов реагирования на какой-либо кризис, включая возможное проведение операции под руководством ЕС, Евросоюз будет учитывать интересы и опасения европейских союзников по НАТО не входящих в ЕС, и консультации с ними будут в достаточной мере интенсивными, чтобы гарантировать это»³⁷⁴. Эти обязательства вряд ли можно назвать вполне конкретными, в том смысле, что они оставляли возможность для превратных толкований и натяжек (например, в чем должна была измеряться «достаточная интенсивность» консультаций?). Однако сам стиль документа стал намного более позитивным по отношению к указанной группе стран.

Что касается возможных толкований и натяжек, то, в частности, из документа ЕС оставалось неясным, являлся ли Комитет участников

---

³⁷² Ibid., paragraph 2. P. 136–137.

³⁷³ Howorth J. Saint-Malo plus five... P. 9–10.

³⁷⁴ Ibid., paragraph 10. P. 138.

единственной инстанцией, перед которой отчитывался командующий гипотетической операцией Евросоюза? Если бы это было так, то получалось, что данный Комитет становился посредником или связующим звеном между главкомом и главными органами военно-политического управления Евросоюза – КПБ и ВКЕС. Однако в тексте нигде нет указаний на это. Видимо такая двусмысленность была осознанной, и линия прямого подчинения главкома органам ЕС сохранялась. В пользу этого свидетельствует и тот факт, что, как и в прежних позициях ЕС, в данном документе ничего не говорилось о том, кто и каким образом должен принимать решение о завершении операции. Такой «правовой вакуум», по сути, оставлял это право за органами Евросоюза, которым оно принадлежало по умолчанию.

Все эти размытые формулировки свидетельствовали о том, что Франция и ее сторонники в ЕС все-таки смогли оказать сопротивление турецкому давлению, несмотря на то, что последняя действовала в связке с США. Возможно, свою роль сыграло и то обстоятельство, что Британии было важно сохранить имидж посредника между ЕС и НАТО, и следовательно, она не могла продавливать однозначно пронатовские формулировки. Большое значение также имел фактор Греции, которая в течение 2002 г. стремилась заблокировать принятие Евросоюзом «документа Анкары» в его изначальном виде и, как мы видели, добилась внесения определенных изменений.

Стоит также отметить, что в тексте документа по-прежнему отсутствовали упоминания о какой-либо роли США (и Канады) в военно-политической деятельности ЕПБО. Возможно, США посчитали, что они смогут оказывать достаточно влияния на европейскую политику с помощью таких стран, как Великобритания и представители «группы шести», и поэтому не было необходимости тратить политический ресурс на прямое прописывание параметров американского участия в европейских делах. Тем более что добиться внесения таких условий в европейские документы было в высшей степени затруднительно.

В любом случае, принятие документа Евросоюзом означало серьезные уступки с его стороны. Теперь участие стран «группы шести» в делах ЕПБО было поставлено на формализованную юридическую основу, и те получили серьезные правовые возможности для того, чтобы отстаивать свои интересы в данном контексте. А США со своей стороны получили дополнительные возможности для вмешательства в дела ЕПБО с помощью таких союзников, как Турция.

С формальной точки зрения отношения между ЕС и НАТО по вопросу о ЕПБО были оформлены совместной декларацией, принятой 16 декабря 2002 г. в Брюсселе. В содержательной части декларации было зафиксировано, что ЕС будет обеспечивать «максимально возможное участие» стран «группы шести» в деятельности ЕПБО. В свою очередь, НАТО заявляла о предоставлении Евросоюзу «гарантированного доступа» к использованию штабных структур альянса (что являлось одной из тех возможностей, которые НАТО предоставляло Евросоюзу на основании соглашения «Берлин Плюс»). Правда, точное содержание окончательных условий соглашения между двумя организациями было засекречено³⁷⁵ (вероятнее всего, в целом оно мало отличалось от документа ЕС по ЕПБО, принятого в октябре 2002 г. в Брюсселе, поскольку в нем уже было учтено мнение США, Британии и Турции). Однако общее укрепление политико-правового влияния НАТО на ЕПБО было очевидно.

К концу марта 2003 г. между ЕС и НАТО были достигнуты формальные договоренности и по остальным сферам взаимодействия, намеченным в соглашении «Берлин Плюс»³⁷⁶. Тем самым, данное

---

³⁷⁵ Gnesotto N. (ed.) EU Security and Defence Policy. The first five years. P. 140, примечание 14.

³⁷⁶ Всего таких сфер было выделено четыре: гарантированный доступ ЕПБО к структурам военно-стратегического планирования НАТО; презумпция наличия заранее определенных общих ресурсов и возможностей НАТО; проработка вариантов структуры европейского командования, в том числе с учетом роли в нем верховного главнокомандующего объединенными вооруженными силами НАТО в Европе (SACEUR); соглашение между НАТО и ЕС по обеспечению секретности информации.

Дуан Р., Ляховский З. Военная политика и политика безопасности Европейского Союза. // Ежегодник СИПРИ 2003. Вооружения, разоружение и международная безопасность. М., 2004. С. 281, примечание 85;

Dunay P., Lachowski Z. Euro-Atlantic organizations and relationships. // SIPRI Yearbook 2004. Armaments, Disarmament and International Security. Oxford, 2004. P. 37-38, примечание 27.

соглашение вступило в юридическую силу, о чем 17 марта 2003 г. объявил генеральный секретарь НАТО Дж. Робертсон. Однако как показали дальнейшие события, это событие не помешало возникновению новых острых разногласий между сторонниками Франции в Евросоюзе с одной стороны и США – с другой по вопросу о ЕПБО. Обоснованно было бы предположить, что противостояние вокруг вето Турции на соглашение «Берлин Плюс» лишь дополнительно способствовало кристаллизации противоречий между сторонниками и противниками европейской самостоятельности в военно-политических вопросах.

* * *

Исходя из вышеизложенного, можно сделать общие выводы о целях американской администрации в период 1998 – 2001 гг. в отношении ЕПБО и о том, как в Вашингтоне видели пути достижения этих целей.

Материалы американской дипломатической деятельности показывают, что после первоначально осторожной реакции на соглашение в Сен-Мало и на результаты кельнского саммита ЕС июня 1999 г. США сформулировали собственную политическую линию и стали ее последовательно проводить. Тем самым, они отказались от тактики «пассивной обороны» в пользу стратегии навязывания собственной инициативы. Этот поворот произошел примерно в течение осени 1999 г. и основные черты американской стратегии можно усмотреть в выступлении зам. госсекретаря С. Тэлботта на данную тему 7 октября 1999 г.

Основные элементы американской политической линии заключались в следующем. США заявили о поддержке европейской инициативы и при этом предъявили ряд условий, которые делали эту инициативу приемлемой для Вашингтона. Американские представители открыто дали понять, что едва ли не единственный мотив, который заставлял США согласиться на развитие европейской военно-политической самостоятельности вне рамок

НАТО, заключался в стремлении побудить европейцев расходовать больше средств на военные нужды. Как мы видели, представители и Госдепартамента, и министерства обороны США во всех своих выступлениях неизменно подчеркивали необходимость укреплять военные силы и средства (capabilities) европейских союзников. Соединенные Штаты заявляли, что именно реальное развитие военных возможностей армий Европы будет являться едва ли не единственным истинным критерием успешности ЕПБО. Во многом американские призывы были справедливы, так как по ряду ключевых параметров европейские армии, которые до 1990-х годов были нацелены прежде всего на оборону собственной территории в рамках классической сухопутной войны, не соответствовали новым условиям и отставали не только от американской, но, например, и от российской армии, переживавшей в то время тяжелейший кризис³⁷⁷. В то же время очевидно, что США при выдвигании своих требований к европейцам заботились, прежде всего, о собственных, а не о европейских интересах. И эти интересы заключались в том, чтобы с помощью ЕИБО/ЕПБО побудить союзников заняться усилением их военных возможностей, а затем, с помощью натовских механизмов фактически получить их в распоряжение США. И надо признать, что данный подход имел некоторое объективное обоснование с точки зрения американских национальных интересов: по состоянию на 2000 г. военные расходы, например, Франции составляли 2.5 % от ВВП, Германии – 1.6% от ВВП, по сравнению с 3.4% от ВВП в США³⁷⁸.

В этом контексте важную роль играло то принципиальное ограничение, которое Вашингтон выдвигал в отношении европейского оборонного проекта – отсутствие собственных структур оперативного планирования в распоряжении ЕС. США оправдывали это требование необходимостью избегать дублирования военных органов НАТО и ЕС, что

---

³⁷⁷ В частности, у европейцев отсутствовали необходимые для экспедиционной войны средства авиационной транспортировки войск и ресурсов, которые достались России от СССР. В свою очередь США обладают огромным парком таких самолетов для оперативно - стратегических перевозок.

³⁷⁸ Military expenditure (% of GDP). Data/ Table, 1996 – 2000. The World Bank. URL: <http://data.worldbank.org/indicator/MS.MIL.XPND.GD.ZS?page=3>

могло привести к «распылению ресурсов» и т.п. Однако очевидно, что главным мотивом США в этом вопросе было стремление закрепить зависимость европейских сил от органов управления НАТО, которые были в свою очередь подконтрольны Вашингтону. Этой же задаче должно было служить и предложение У. Коэна, выдвинутое осенью 2000 г., о закреплении на постоянной основе за заместителем главнокомандующего войсками НАТО в Европе роли командующего операциями сил ЕС. Таким образом, если усиление военных возможностей европейцев было принципиальным мотивом США в тот период, то требование об отказе от самостоятельности в их использовании было принципиальным американским возражением в отношении ЕПБО, их «красной линией».

Наконец, третьей важной особенностью американской политики на этом направлении было стремление использовать отдельных союзников по НАТО, а именно Турции и Великобритании, для усиления прессинга на Евросоюз с целью добиться юридически закрепленных обязательств ЕС в отношении НАТО. В этом контексте для США оказались весьма полезными разногласия между Турцией и Евросоюзом, накопившиеся как в вопросе о присоединении Турции к ЕС, так и по направлению греко-турецких отношений. Открытым остается вопрос, имелась ли прямая дипломатическая координация политики между Вашингтоном и Анкарой, однако, судя по последовательности событий, согласование действий и позиций, скорее всего, имело место.

Суммируя все эти направления американской активности в вопросе ЕПБО, можно сделать вывод, что администрация У. Клинтона стремилась поставить развитие европейской военно-политической инициативы в такие рамки, которые с самого начала определили бы дальнейшее развитие ЕПБО в приемлемых и выгодных для Вашингтона формах. Об этом, в частности, свидетельствовали заявления американских дипломатов, например, заявление помощника госсекретаря США по европейским делам М. Гроссмана в марте 2000 г. о том, что «если мы все сделаем правильно [в

отношении ЕПБО – авт.], это послужит интересам США, а НАТО станет только сильнее»³⁷⁹. А годом позже представитель США при НАТО А. Вершбоу отмечал, что американская поддержка в адрес ЕИБО была возможна только если «ЕИБО или ЕПБО будет сделана правильно (done right)». Если же этот проект будет реализован «неправильно» (poorly), продолжал А. Вершбоу, это привело бы «к разделению Трансатлантического альянса» и к «сокращению заинтересованного отношения США к европейской безопасности»³⁸⁰.

Наиболее образно и в то же время метко этот подход охарактеризовал влиятельный американский эксперт Дж. Гедмин, который в марте 2000 г. на слушаниях в Сенате заявил, что для США в тот момент было самое подходящее время, чтобы повлиять на ход развития процессов в сфере ЕПБО: «Сейчас совсем не преждевременно [вмешаться – авт.]. По сути, это как заливка бетона. Если вы хотите придать ему нужную форму – тогда сейчас нужное время. Сейчас стадия формирования. Я думаю, потом будет уже поздно»³⁸¹.

Таким образом, главным движущим мотивом американской политики в отношении ЕПБО, начиная с 1999 г., было стремление придать этому проекту такой вектор будущего развития, который соответствовал американским интересам в рамках трансатлантических отношений и никоим образом не ослаблял влияния и положения НАТО.

---

³⁷⁹ NATO and the EU's European Security and Defense Policy. Hearing before the Subcommittee on European Affairs of the Committee on Foreign Relations, United States Senate. 106th Congress. March 9, 2000. P. 5.

³⁸⁰ Vershbow A. R. The Transatlantic Relationship at the Crossroads? Meeting NATO's Five Challenges. Remarks on the North Atlantic Council on Transatlantic Relationship at the Netherlands Institute of International Relations Clingendael, March 23, 2001.

³⁸¹ NATO and the EU's European Security and Defense Policy. Hearing before the Subcommittee on European Affairs of the Committee on Foreign Relations, United States Senate. 106th Congress. March 9, 2000. P. 40.

Глава 3. Администрация Дж. Буша-мл. и политика США в отношении ЕПБО в 2001 – 2009 гг.

3.1. Администрация Дж. Буша-мл. и обострение трансатлантических противоречий по военно-политическим вопросам (2001 – 2003 гг.)

С. Слоан, упоминавшийся выше американский аналитик по вопросам трансатлантических отношений, охарактеризовал ситуацию в политике США в направлении ЕПБО в момент прихода к власти администрации Дж. Буша-мл. следующим образом: «Когда администрация Дж. Буша-мл. пришла к власти в 2001 году, большинство деталей в отношениях между НАТО и ЕС было согласовано, однако новой администрации в Вашингтоне предстояло найти способ обойти европейско-турецкий тупик, а возможно, также пересмотреть те аспекты соглашения между НАТО и ЕС, которые вызывали у нее обеспокоенность»³⁸².

С таким подходом вряд ли можно полностью согласиться. Как мы видели, к концу правления администрации У. Клинтона американские и европейские представители продолжали оценивать смысл ЕПБО с разных позиций: США считали, что ЕПБО должно стать вспомогательной структурой при НАТО, в то время как для европейцев она должна была стать воплощением новой самостоятельной роли объединенной Европы в военно-политической сфере. Жесткие заявления министра обороны США У. Коэна в декабре 2000 г. свидетельствовали о том, что стороны были еще далеки от компромисса. В свою очередь, «европейско-турецкий тупик», возникший в середине того же декабря, позволял США весьма удачно локализовать эти трансатлантические противоречия в рамках застарелого противостояния между Евросоюзом и Турцией, в то время как сам Вашингтон оказывался в выгодной роли «посредника».

Как показали дебаты в американском Конгрессе в 1999 – 2000 гг. (см. выше), обе ведущие партии США в тот период были в целом солидарны в

---

³⁸² Sloan S. R. Permanent Alliance? P. 228.

своих подходах к проблематике «европейской обороны». В декабре 2000 г. (за месяц до прихода в Белый дом республиканской администрации Дж. Буша-мл.) этот факт подтвердил в своем выступлении перед Немецким обществом по внешней политике (DGAP) видный американский внешнеполитический деятель и эксперт П. Родман, который заявил: «Относительно ЕПБО я бы хотел подчеркнуть, что те опасения, которые высказываются в США, являются двухпартийными»³⁸³. Это заявление примечательно тем, что П. Родман вскоре был назначен новой республиканской администрацией на должность помощника министра обороны по вопросам международной безопасности. Таким образом, его заявление, по сути, отражало мнение нового руководства США о преемственности ее подходов к ЕПБО с прежней администрацией У. Клинтона, и это мнение П. Родман доносил до европейской экспертной аудитории.

Эта преемственность в американской позиции проявилась практически сразу после начала правления республиканской администрации. Уже в феврале 2001 г. на конференции по проблемам европейской безопасности, традиционно проходящей в Мюнхене, выявились практически те же разногласия между США и европейцами, которые наблюдались и ранее. Выступавший на этом форуме новый министр обороны США Д. Рамсфельд назвал европейский оборонный проект не «политикой», а «идентичностью», что, как мы видели, имело особый политический смысл. Сочетание «Европейский Союз» он не употребил ни разу. Кроме того, Д. Рамсфельд высказал целый ряд предостережений в адрес данного европейского проекта, ставших к тому времени традиционными для американских представителей. Он заявлял, что с его точки зрения НАТО остается «сердцем обороны Европы». Поэтому те «действия, которые могли бы уменьшить эффективность НАТО путем ненужного дублирования

---

³⁸³ Rodman P. W. U.S. Leadership and the Reform of Western Security Institutions: NATO Enlargement & ESDP. Conference of the German Foreign Policy Association (DGAP), Berlin, December 11, 2000. P. 3. URL: https://web.archive.org/web/20010603074224/http://www.nixoncenter.org/publications/articles/12_11_00Berlin.pdf

[военных органов – авт.] или путем нарушения стабильности трансатлантической связи» не являются позитивными, а европейские оборонные планы могут привести к «впрыскиванию нестабильности» в альянс. Д. Рамсфельд закончил свою мысль яркой фразой в адрес представителей трансатлантического сообщества: «Ослабляя НАТО, мы ослабляем Европу, а это ослабляет нас всех»³⁸⁴.

Неудивительно, что эти высказывания были восприняты европейскими политиками, как явное проявление неодобрения или даже раздражения. Как образно выразился по этому поводу заместитель германского министра иностранных дел В.Ишингер: «Кажется, что ЕС еще не появился на экране радара г-на Рамсфельда. Конечно, ЕС не был значимым фактором в то время, когда Рамсфельд в предыдущий раз занимал свою должность. Но проблема в том, что развитие оборонной идентичности [Европейского – авт.] Союза является все убыстряющимся процессом, противостоять которому было бы ошибкой»³⁸⁵.

Тогда же В. Ишингер сделал заявление, которое в какой-то мере раскрывало философию европейских политиков, выступавших за развитие ЕПБО. Он сказал: «Американцы должны понять, большинство немцев не ощущает непосредственной военной угрозы, и нет возможности навязать им большой оборонный бюджет, если мы не будем проталкивать идею создания европейских сил»³⁸⁶. Эти слова вполне можно интерпретировать таким образом, что в условиях отсутствия общей для себя и США угрозы европейские политики не желали тратить большие средства на военные расходы, если финансируемые таким образом вооруженные силы все равно находились бы под общим американским командованием. Европейцы как бы ставили США перед выбором: «Либо вы продолжаете настаивать на безраздельном контроле над нашими армиями, и тогда мы их будем

---

³⁸⁴ Rumsfeld D. H. Munich Conference on European Security Policy. Remarks as Delivered By Secretary of Defense Donald H. Rumsfeld, Munich, Germany, Saturday, February 3, 2001. URL: <http://web.archive.org/web/20010413124044/http://www.defenselink.mil/speeches/2001/s20010203-secdef.html>

³⁸⁵ Cohen R. Shifts in Europe Pose Prickly Challenge to U.S. The New York Times, February 11, 2001.

³⁸⁶ Ibidem.

финансировать так, как мы их финансируем сейчас, либо, если вы хотите больших военных расходов с нашей стороны, мы получаем большую самостоятельность».

Попытки урегулировать этот комплекс вопросов были предприняты новым госсекретарем К. Пауэллом в ходе его встреч с европейскими представителями, состоявшихся в марте 2001 г. В начале месяца в США прибыла весьма представительная европейская делегация, в которую входили А. Линд, министр иностранных дел Швеции, занимавшей в тот период место председателя ЕС, представитель ЕС по вопросам общей внешней и оборонной политики Х. Солана и комиссар ЕС по внешним связям К. Паттен. А в конце марта состоялась встреча К. Пауэлла с министром иностранных дел Франции Ю. Ведрином, которая также проходила в Вашингтоне.

Проблема отношения Соединенных Штатов к европейским оборонным инициативам была одной из главных тем в ходе обеих встреч. На совместной с А. Линд пресс-конференции госсекретарь изложил свое видение процесса взаимодействия структур НАТО и ОВПБ следующим образом: «Когда назревает кризис или предкризисная ситуация... НАТО, как главный военный союз в Европе, должен рассмотреть эту ситуацию и вынести решение, целесообразно ли для НАТО вмешательство в этот процесс... . И если в силу одной из многих причин НАТО решит не вмешиваться, тогда ЕС получит возможность использовать те силы, которые сейчас создаются в рамках ЕИБО, для реагирования на этот кризис. Планирование должно быть совместным и НАТО должно быть готово предоставить военные ресурсы ЕС, если тот возьмет подобную задачу [вмешательство в кризис] на себя.... Фактически, над всем этим будет работать одна и та же планирующая группа»³⁸⁷.

---

³⁸⁷ Press Availability with Her Excellency Anna Lindh, Minister of Foreign Affairs of Sweden. Secretary Colin C. Powell, Washington D.C., March 6, 2001. URL: <http://2001-2009.state.gov/secretary/former/powell/remarks/2001/1116.htm>

Как видно, этот подход полностью воспроизводил позицию представителей предыдущей американской администрации, что еще раз подтверждало общее единство политического истеблишмента США по вопросу о ЕПБО. Вместе с тем, заявление К. Пауэлла выглядело очевидным смягчением американской позиции по сравнению с высказываниями Д. Рамсфельда. Помимо того, что у этих двух министров действительно могли быть различия в подходах, можно также предположить, что Д. Рамсфельд намеренно исполнял роль, так сказать, «злого полицейского», чтобы К. Пауэлла было легче навязывать европейцам все тот же американский подход.

Итоги визита французского представителя показали, что госсекретарь добился успеха. На пресс-конференции по итогам встречи с Ю. Ведрином К. Пауэлл заявил, что «Соединенные Штаты приветствуют развитие Европейской политики безопасности и обороны, которая усиливает НАТО и увеличивает способность Европы сдерживать и управлять теми кризисами, где НАТО предпочтет не участвовать, целиком как организация. ... Я напоминаю о нашей [американской – авт.] позиции, что не должно быть никакого параллелизма в планировании или мероприятиях, и что участники НАТО должны иметь максимально полный доступ к процессу принятия Евросоюзом тех решений в области безопасности и обороны, которые касаются их интересов». В свою очередь, французский министр заявил: «Противоречия между действиями НАТО с одной стороны и европейской обороной – с другой, все эти различия были преодолены»³⁸⁸.

После этих встреч и заявлений проблема ЕПБО для США отошла на второй план на некоторое время. С одной стороны, республиканская администрация уделяла основное внимание во внешнеполитической сфере реализации своих новых инициатив в сфере противоракетной обороны, по поводу которых у нее возникли существенные разногласия, как с европейскими союзниками, так и с Россией и Китаем. Затем, начиная с

---

³⁸⁸ Joint Press Availability with French Foreign Minister Hubert Vedrine. Secretary Colin C. Powell, Washington D.C., March 26, 2001. URL: <http://2001-2009.state.gov/secretary/former/powell/remarks/2001/1681.htm>

сентября 2001 г., Вашингтон сосредоточился на теме борьбы с исламистскими террористическими структурами. А с другой стороны, США в этот период пользовались своеобразной «помощью» Турции, которая решительно замкнула на себя противоречия между НАТО и ЕПБО, тем самым нейтрализовав европейскую активность и избавив Вашингтон от необходимости самому заниматься этим вопросом вплоть до 2003 г.

Одним из результатов активизации американской политики на Ближнем и Среднем Востоке в начале 2000-х гг. стало вторжение США в Ирак в марте 2003 г. Иракский кризис, несмотря на его, казалось бы, косвенную связь с американо-европейскими отношениями, стал катализатором самого серьезного из всех произошедших до этого обострений трансатлантических дебатов по теме европейской обороны.

В то же время и сами дебаты вокруг иракского вопроса были отражением более широких противоречий между Европой и США, активизировавшихся после прихода Дж. Буша-мл. к власти. Авторитетный ежегодник Стокгольмского института исследования проблем мира (СИПРИ) отмечал в 2003 г., что существенную роль в нарастании указанных противоречий «сыграли разногласия в подходах к определению и решению проблемы терроризма, особенно когда дело касалось вопросов соблюдения внутригосударственного и международного законодательства и прав человека, а также поисков лучшей стратегии, направленной на распространение и придание действительно высокого авторитета демократическим ценностям... Атмосфера накалилась еще больше из-за разногласий между США и европейскими странами по вопросам глобального управления, а также из-за дебатов по ряду проблем в сфере торговли»³⁸⁹.

Таким образом, речь шла об общем нарастании противоречий по самому широкому кругу вопросов стратегического или даже мировоззренческого характера. Иракский кризис, где основными

---

³⁸⁹ Энтони Я., Бейлс А. Дж. К., Кайл Ш. К., Лаховский З. Безопасность и конфликты, 2002. Евроатлантическая система и глобальная безопасность. // Ежегодник СИПРИ 2003. Вооружения, разоружение и международная безопасность. М., 2004. С. 72.

оппонентами США выступали Франция во главе с президентом Ж. Шираком, Германия под руководством канцлера Г. Шредера и Бельгия, стал воплощением этих противоречий.

В стенах ООН Франция и Германия (наряду с Россией и Китаем) препятствовали планам США узаконить готовящееся нападение на Ирак. Кроме того, в январе - феврале 2003 г. эти три страны «мучительно долго»³⁹⁰ блокировали предоставление Турции натовской помощи, которую Анкара запросила, в соответствии со статьей 4 устава альянса, на случай возможной атаки со стороны Ирака в момент нападения на него западной коалиции³⁹¹. При этом США нашли поддержку со стороны многих европейских стран из бывшего «социалистического» лагеря, а также Великобритании, Испании, Италии и некоторых других государств Европы. Именно в этом контексте в январе 2003 г. на одной из пресс-конференций прозвучала фраза Д. Рамсфельда о том, что Франция и Германия являются всего лишь «старой Европой», в то время как новые европейские члены НАТО выступают в поддержку США³⁹². Это заявление стало воплощением подхода республиканской администрации к Европе в условиях обострившихся противоречий.

В этой ситуации одним из направлений в обострении трансатлантических отношений стала дискуссия по вопросу о формировании штабного органа объединенных вооруженных сил ЕС. Она послужила началом нового, наиболее острого витка противоречий вокруг европейской военно-политической интеграции.

Начало этим дебатам было положено 29 апреля 2003 г. В этот день в пригороде Брюсселя Тервюрене состоялось совещание глав государств

---

³⁹⁰ Как это охарактеризовал представитель США при НАТО Н. Бернс.

³⁹¹ Burns R. Nicholas. The New NATO: Healing the Rift. R. Nicholas Burns, U.S. Ambassador to NATO. Remarks to the Konrad Adenauer Foundation, Brussels, Belgium. May 27, 2003. URL: <http://2001-2009.state.gov/p/eur/rls/rm/2003/21241.htm>

³⁹² Rumsfeld D. H. Secretary Rumsfeld Briefs at the Foreign Press Center. January 22, 2003. URL: <http://archive.defense.gov/Transcripts/Transcript.aspx?TranscriptID=1330>

Бельгии, Германии, Люксембурга³⁹³ и Франции. По итогам саммита была выпущена совместная декларация, в которой фактически было заявлено о новой попытке создания единых европейских вооруженных структур. Особый оттенок этому событию придавал тот факт, что такое решение было принято в разгар дипломатического кризиса между указанными странами с одной стороны, и США – с другой по вопросу об американском вторжении в Ирак.

В своем заявлении участники брюссельской встречи обратились к европейскому Конвенту (конституционному собранию ЕС) с рядом предложений, среди которых, в частности, были следующие:

1) «Переформулировать Петербургские задачи таким образом, чтобы ЕС мог использовать гражданские и военные средства для предотвращения конфликтов и управления кризисами, включая наиболее насущные задачи». По-видимому, участники встречи тем самым намеревались заявить о своей готовности перенять американскую концепцию «превентивных действий».

2) Принять концепцию Европейского союза безопасности и обороны (ЕСБО) (European Security and Defence Union). Как отмечалось в документе, «предназначением ЕСБО должно быть объединение тех государств-членов [ЕС], которые готовы двигаться быстрее и дальше в вопросе их оборонного сотрудничества»³⁹⁴. В определенном смысле это было предложение перенести в сферу европейского оборонного строительства принцип «коалиции желающих» (coalition of the willing). Этот принцип незадолго до того был выдвинут американской администрацией, как основа формирования группировки для вторжения в Ирак: не на основе уже имевшегося союза НАТО (поскольку в рамках альянса не удалось бы достичь консенсуса по этому вопросу), а путем индивидуальных двусторонних договоренностей

---

³⁹³ Примечательно, что Люксембург был представлен его премьер-министром Ж.-К. Юнкером, который позднее, в ноябре 2014 г. стал председателем Еврокомиссии, тем самым, возглавив исполнительную власть Евросоюза.

³⁹⁴ Meeting of the Heads of State and Government of Germany, France, Luxembourg and Belgium on European Defence, Brussels, April 29, 2003. // From Copenhagen to Brussels. European defence: core documents. Vol. IV. Chaillot Paper 67, Paris - December 2003. P. 77.

между Вашингтоном и близкими ему странами. Теперь этот принцип предлагалось применить с обратным знаком и собрать вместе те европейские государства, которые, наоборот, не одобряли действия США в той обстановке и были готовы к более быстрой и тесной военно-политической интеграции.

Важной частью инициативы по созданию ЕСБО было предложение о том, чтобы участники этого союза «обязались оказывать взаимную помощь и поддержку при возникновении опасностей любого характера»³⁹⁵. По сути, это означало, что «четверка» предлагала предполагаемым членам ЕСБО взять на себя обязательства по взаимной обороне, равносильные известной статье 5 устава НАТО. Тем самым была сделана заявка на подрыв монополии НАТО в сфере обеспечения безопасности европейских стран.

В заявлении был также выдвинут ряд практических предложений, направленных на объединение оборонных возможностей указанных стран «в духе декларации в Сен-Мало и Кельне». Так, в частности, речь шла о создании «ядра» сил быстрого реагирования на основе франко-германской бригады³⁹⁶, формировании к июню 2004 г. европейского командования стратегической транспортной авиации, развитии единых европейских сил и средств по борьбе с радиационной, химической и биологической угрозами и т.д.³⁹⁷

Однако особое внимание США и наиболее близких к ним союзников в Европе привлекло предложение о «создании основы коллективной структуры для планирования и руководства операциями ЕС». Решение по этому вопросу намечалось принять до конца 2003 г., а сам штаб разместить в том же самом Тревиюрене, где проходил четырехсторонний саммит, в течение лета 2004 г.³⁹⁸ Один из ведущих французских международных экспертов Ф. Айсбур особо отмечал чуть позднее, что штаб предполагалось разместить в

---

³⁹⁵ Ibidem.

³⁹⁶ Которая сама на тот момент являлась основой Еврокорпуса.

³⁹⁷ Ibid. P. 78-79.

³⁹⁸ Ibid. P. 80.

непосредственной близости от резиденции представителя США при НАТО
399

Разумеется, проект создания штабной структуры Евросоюза прямо противоречил позиции США, которую американские представители к тому времени многократно изложили (см. выше). Мы не знаем деталей договоренности между ЕС и НАТО о командно-штабных структурах, включенной в пакет соглашений «Берлин Плюс», в силу секретности этого пакета. Однако можно уверенно предположить, что предложения «четверки» противоречили и этой договоренности, если не по формальным признакам, то по духу.

Эта инициатива немедленно получила самые негативные отклики со стороны проамерикански настроенных европейцев и СМИ. Брюссельская встреча была саркастически названа «шоколадным саммитом»⁴⁰⁰, а ее участники – «бандой четырех»⁴⁰¹. Это было не удивительно, поскольку даже без учета общей атмосферы в трансатлантических отношениях в тот период, указанные предложения были выдвинуты «четверкой» всего через полтора месяца после того, как соглашение «Берлин Плюс» официально вступило в силу, и казалось, что противоречия по вопросу ЕПБО были преодолены. (Только в начале апреля большие надежды, связанные с этим соглашением, высказывал в американском Сенате представитель США при НАТО Н. Бернс⁴⁰²). Тот факт, что эта тема вновь была «активирована» Францией и ее единомышленниками, причем в период острых разногласий по другим стратегическим вопросам, не мог не вызвать сильного раздражения в Вашингтоне. Британский посол в США Д. Мэннинг докладывал в тот период

---

³⁹⁹ Heisbourg F. The French-German Duo and the search for a new European security model. // *The International Spectator*, №3, 2004. P. 62. URL: pubblicazioni.iai.it/pdf/articles/heisbourg.pdf

⁴⁰⁰ Видимо потому, что Бельгия известна на Западе, как крупный производитель шоколада. См., напр.: *European press review*. BBC News, April 30, 2003. URL: <http://news.bbc.co.uk/2/hi/europe/2987439.stm>

⁴⁰¹ По аналогии с потерпевшей поражение в середине 1970 – х гг. группировкой в руководстве китайской компартии. См.: Dunay P., Lachowski Z. *Euro-Atlantic organizations and relationships*. // *SIPRI Yearbook 2004. Armaments, Disarmament and International Security*. Oxford, 2004. P. 50.

⁴⁰² Burns R. Nicholas. *The Future of NATO*. U.S. Permanent Representative to the North Atlantic Treaty Organization. Testimony to the Senate Foreign Relations Committee. Washington, DC, April 1, 2003. URL: <http://2001-2009.state.gov/p/eur/rls/rm/2003/19259.htm>

своему руководству: «Шоколадный саммит отразил наихудшие опасения сторонников жесткой линии в США относительно опасности того, что ЕПБО пойдет по пути, несовместимому с НАТО»⁴⁰³.

Со своей стороны американский представитель при НАТО Н. Бернс дал следующую характеристику тервюренской инициативе: «После того, как едва высохли чернила под соглашением «Берлин Плюс», лидеры Франции, Германии, Бельгии и Люксембурга, тем не менее, призвали в прошлом месяце создать новый европейский военный штаб, отдельный от НАТО, принять новое обязательство о взаимной обороне и сформировать европейский орган планирования. Все эти шаги будут означать ненужное дублирование того, что мы вместе построили в рамках НАТО. Они постепенно превратят сотрудничество НАТО и ЕС в соперничество... США надеются, что этот призыв к европейскому унилатерализму нового сорта будет отвергнут большинством европейских стран, которые хотят сохранить НАТО, как наиболее важную организацию в сфере безопасности на континенте»⁴⁰⁴.

Тем не менее, саммит в Тервюрене не вызвал такой яркой словесной реакции со стороны руководства США, как оппозиция части европейцев в отношении вторжения в Ирак. Очевидно, в Вашингтоне извлекли урок из негативной реакции, которая последовала за заявлением Д. Рамсфельда о «старой и новой Европе». Поэтому основные возражения против инициативы «четверки» последовали со стороны европейцев, не участвовавших в саммите. Тем самым, они последовали призыву Н. Бернса. Например, Италия еще накануне саммита отметила, что любой европейский оборонный проект без участия Британии будет «немыслимым», а сам британский премьер Т. Блэр тогда же заявил: «Мы не примем, также как и остальная Европа, ничего, что подрывает НАТО или вступает в противоречие с базовыми принципами

---

⁴⁰³ Black I. Nato bid to defuse EU defence row. The Guardian, October 21, 2003.

⁴⁰⁴ Burns R. Nicholas. The New NATO: Healing the Rift. R. Nicholas Burns, U.S. Ambassador to NATO. Remarks to the Konrad Adenauer Foundation, Brussels, Belgium. May 27, 2003. URL: <http://2001-2009.state.gov/p/eur/rls/rm/2003/21241.htm>

европейской обороны, которые мы установили»⁴⁰⁵. После таких громких заявлений эта тема на некоторое время ушла из публичного поля.

Она вновь стала актуальной осенью 2003 г. Очевидно, что Британия решила воспользоваться этим поводом для того, чтобы в очередной раз продемонстрировать свою незаменимость в качестве «трансатлантического моста» и взять на себя инициативу по преодолению конфликта в НАТО. 20 сентября в Берлине состоялась встреча лидеров Германии, Франции и Великобритании. Как стало известно по ее итогам, Лондон согласился с тем, что «ЕС необходимо предоставить объединенные структуры для планирования [курсив мой – авт.] и проведения операций без необходимости обращаться к натовским ресурсам». В то же время, Великобритания продолжала возражать против проекта штаба в Тервюрене⁴⁰⁶. Тем самым Лондон занял позицию точно «посередине» между тем, чего требовала тервюренская «четверка», с одной стороны, и полным отказом в предоставлении ЕС каких-либо прав на собственные структуры военно-стратегического планирования – с другой.

Близкий к кабинету Т. Блэра эксперт Ч. Грант, описывая результаты переговоров в Берлине, сообщил, что глава британского правительства «проигнорировал советы своих сотрудников, особенно из министерства обороны и согласился с идеей ЕС-овского штаба планирования – но в такой форме, которая будет дружественна НАТО». При этом создание нового отдельного штаба в Тервюрене было исключено. Стороны согласились, что «ЕС должен усилить свои средства планирования, в составе военного аппарата (military staff) при Совете Европейского Союза (council of ministers). ЕС должен иметь возможность брать на себя больше подготовительной работы при разработке своих военных операций». При этом Великобритания выступила против того, чтобы ЕС сам, через свои наднациональные

---

⁴⁰⁵ Italy attacks EU defence summit. BBC News, April 30, 2003. URL: <http://news.bbc.co.uk/2/hi/europe/2981933.stm>

⁴⁰⁶ Black I., Wintour P. UK backs down on European defence. The Guardian, September 23, 2003.

структуры управлял собственными военными операциями⁴⁰⁷. Это должен был делать та или иная военно-штабная структура (например, штаб корпуса или армии) в составе национальных вооруженных сил кого-либо из членов ЕС.

Со своей стороны Лондон потребовал от Парижа и Берлина ряда уступок взамен на эти довольно расплывчатые предложения. Во-первых, в тексте Договора об утверждении Конституции ЕС (который обсуждался в тот момент и позднее, в июне 2005 г., был отвергнут) предполагалось усложнить создание группировок европейских стран с особо тесным уровнем военно-политической интеграции (по сравнению с ЕС в целом). Во-вторых, в текст договора предлагалось внести пункт о том, что именно НАТО будет являться основой коллективной безопасности членов ЕС⁴⁰⁸. Наконец, сам факт отказа от создания штаба в Тервюрене уже сам по себе являлся уступкой со стороны Франции и Германии.

В ходе саммита глав государств-членов ЕС, состоявшегося в Брюсселе 16-17 октября 2003 г., президент Франции Ж. Ширак заявил, что апрельская инициатива остается в силе. Он подчеркнул: «Мы считаем, что не может быть единой Европы, если она не будет располагать собственными оборонными структурами». Но при этом он отметил, что руководители Франции и Германии сами обратились к британскому премьер-министру Т. Блэру с призывом присоединиться к их предложению, «поскольку без участия Англии европейские оборонные структуры, надо признать, были бы не вполне законченными»⁴⁰⁹. Таким образом, «посреднические» предложения Лондона были вполне позитивно восприняты «старыми европейцами».

Это заявление было с определенными оговорками поддержано главой правительства Италии С. Берлускони и самим Т. Блэром. Тем не менее,

---

⁴⁰⁷ Grant Ch. Resolving the rows over ESDP. Centre for European reform, October 3, 2003. P. 3. URL: <http://www.cer.org.uk/publications/archive/briefing-note/2003/resolving-rows-over-esdp>

⁴⁰⁸ Ibidem.

⁴⁰⁹ Chirac J. Conférence de presse de M. Jacques Chirac, Président de la République, sur la conférence intergouvernementale sur la constitution européenne, les réserves de la Grande-Bretagne sur la proposition de création d'un état-major européen, la représentation des positions allemandes par le Président, le contentieux franco-américain sur le rachat d'Executive Life et la proposition de système de quotas d'immigrés au niveau européen, Bruxelles le 17 octobre 2003. URL: <http://discours.vie-publique.fr/notices/037000326.html>

данная тема никак не была отражена в декларации по итогам брюссельского саммита⁴¹⁰.

Параллельно с развитием этих внутриевропейских дискуссий США усиливали дипломатический нажим на «четверку» со своей стороны. 30 сентября 2003 г. посол Соединенных Штатов в НАТО Н. Бернс выступил с весьма резким заявлением: «Мы не могли поддержать и не поддержим создание альтернативного штаба в ЕС, будь то в Тервюрене или в каком-то другом месте... Не поддержим мы и систему планирования... Всего несколько стран думают о том, чтобы пойти в другом направлении, но мы надеемся, что эти планы не осуществляются, поскольку это не было бы продуктивным для будущих отношений НАТО и ЕС... Время, внимание и деньги должны тратиться на укрепление операций НАТО – ЕС, но не на создание институтов, которые в перспективе могут стать соперниками, а не соратниками НАТО»⁴¹¹.

15 октября, накануне брюссельского саммита ЕС, Н. Бернс на заседании Совета НАТО назвал указанные планы европейцев «самой существенной угрозой для будущего НАТО»⁴¹². 17 октября появились сообщения, что США потребовали созвать немедленное и чрезвычайное заседание руководящих политических органов НАТО, а также предоставить американским представителям доступ к дискуссиям внутри ЕС и право вето на решения, касающиеся военной области. В ответ на это представитель Франции при НАТО Б. д'Абовиль заявил, что Североатлантический альянс и США не имеют полномочий для получения информации о внутренних переговорах в ЕС до тех пор, пока Евросоюз не примет окончательное решение по тому или иному вопросу⁴¹³.

---

⁴¹⁰ Brussels European Council, 16 And 17 October 2003. Presidency conclusions. Brussels, November 25, 2003, 15188/03. URL: http://www.consilium.europa.eu/en/european-council/conclusions/pdf-1993-2003/presidency-conclusions_-brussels-european-council-1617-october-2003/

⁴¹¹ Burns R. Nicholas. Press Briefing by Ambassador Nicholas Burns. US Mission to NATO, Brussels, Tuesday, September 30, 2003. URL: <http://iipdigital.usembassy.gov/st/english/texttrans/2003/10/20031002185950samohjt0.3006708.html>

⁴¹² Defensive reactions. Guardian, October 18, 2003.

⁴¹³ Dempsey J. Nato urged to challenge European defence plan. Financial Times, October 16, 2003.

Экстренное заседание Совета НАТО по требованию США состоялось 20 октября 2003 г. Судя по всему, в ходе этой встречи американские представители вновь потребовали от европейцев объяснений и подробной информации о том, что обсуждалось на саммите в Брюсселе. Видимо последним удалось несколько успокоить своих заокеанских партнеров. Во всяком случае, по итогам встречи пресс-секретарь НАТО Дж. Шеа (британский дипломат) отметил общее согласие союзников «с тем, что отношения между НАТО и ЕС должны развиваться на основе прозрачности и взаимодополняемости». По его словам «за этим заседанием последуют другие с тем, чтобы широко информировать союзников по НАТО, не являющихся членами Евросоюза». Затем Дж. Шеа разъяснил, что «США просто хотели бы иметь место для обмена мнениями, где они могли бы задавать вопросы и получать информацию»⁴¹⁴.

Судя по дальнейшим событиям, «посредническая миссия», которую взял на себя Т. Блэр, увенчалась успехом: США сняли свои категорические возражения против создания штаба коллективных сил ЕС. В свою очередь со стороны европейских политиков последовали все новые заверения, которые впервые прозвучали еще в ходе саммита ЕС 16-17 октября, в том, что указанная командная структура ни в коем случае не будет претендовать на конкуренцию с натовскими штабами.

12 ноября, незадолго до своего государственного визита в Великобританию американский президент Дж. Буш заявил в одном из интервью, что он не испытывает беспокойства в отношении политики ЕС в сфере безопасности и обороны, так как доверяет Т. Блэру в вопросе о том, чтобы Франция и Германия не подорвали единство НАТО: «Мы согласны с Тони Блэром, что Силы европейской обороны (European Defense Force) не должны подрывать жизненность миссии НАТО. И я верю, что Тони Блэр

---

⁴¹⁴ Black I. Nato bid to defuse EU defence row. The Guardian, October 21, 2003.

примет правильные решения в этом вопросе»⁴¹⁵. Затем, Дж. Буш заявил о готовности идти на компромиссы с Европой: «Мы не будем достигать абсолютного согласия по каждому вопросу, но Европа, которая тесно работает с Америкой, и Америка, тесно работающая с Европой, означают, что мир станет лучше»⁴¹⁶.

В свою очередь, со стороны представителей европейских правительств последовали заверения в том, что они не намерены создавать конкурирующую с НАТО структуру. Характерное заявление прозвучало со стороны министра обороны Франции М. Алио-Мари, которая сумела совместить скрытую критику в адрес Североатлантического союза со своеобразным выражением позиции примирения. Она отметила, касаясь облика европейской оборонной структуры, что «речь не идет о том, чтобы иметь тяжеловесную структуру, подобную НАТО»⁴¹⁷.

24 ноября, через три дня после завершения государственного визита Дж. Буша в Великобританию Лондон посетил Ж. Ширак. Вопросы европейской обороны были одной из главных тем встречи французского лидера и британского премьер-министра. На пресс-конференции по итогам саммита главы государств единодушно и на различных примерах убеждали журналистов, что европейская оборонная интеграция никак не угрожает НАТО. При этом Т. Блэр отметил, что он «не знает никого в Европе, кто хотел бы развивать европейскую оборону за счет НАТО». Кроме того, он кратко охарактеризовал позицию Великобритании в отношении между США и Европой, заявив, что его стране «... нет необходимости делать выбор между трансатлантическими отношениями с Америкой и усилением наших позиций в Европе. Разумная, серьезная страна в начале XXI века с теми

---

⁴¹⁵ Bush G.W. Roundtable Interview of the President by British Print Journalists, Oval Office, White House, November 12, 2003. URL: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2003/11/20031114-2.html>

⁴¹⁶ Bush G.W. Interview of the President by Sir David Frost of BBCTV. The Map Room, White House, November 12, 2003. URL: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2003/11/20031117-1.html>

⁴¹⁷ Alliot-Marie M. Les Américains doivent comprendre. Entretien du ministre de la défense, madame Michèle Alliot-Marie, à La Libre Belgique, Paris, le 17 novembre 2003. URL: <https://web.archive.org/web/20040102215604/http://www.defense.gouv.fr/actualites/communiqués/2003/i181103/181103.htm>

преимуществами, которые есть у Британии, будет сохранять и развивать обе эти возможности, так как обе они важны для нас»⁴¹⁸.

По итогам саммита была выпущена декларация о сотрудничестве Великобритании и Франции в вопросах будущего строительства вооруженных сил ЕС. В ней была отмечена необходимость создания у Евросоюза таких военно-организационных возможностей, чтобы ЕС мог в случае необходимости выставить «боевую группу» (battle-group) численностью около 1500 военнослужащих, способную начать проведение самостоятельных операций не более чем через 15 суток после возникновения потенциальной кризисной ситуации. В декларации подчеркивалось, что подобные группы намечалось использовать в тесной привязке к решениям ООН и в соответствии с мандатом, описанным в главе VII Устава этой организации⁴¹⁹.

В этой же декларации стороны заявили о готовности сотрудничать, чтобы ЕС «как можно быстрее» выработал новую программу строительства оборонных структур (т.н. «Головную цель» – *Headline Goal*), выполнение которой можно было бы завершить к 2010 г. В этой программе предлагалось пересмотреть состав этих структур и сил в сторону количественного и качественного укрепления⁴²⁰.

Судя по всему, упомянутые боевые группы рассматривались лидерами двух стран в качестве первого шага и для дальнейшего строительства европейских сил, новый этап которого должен был, согласно проекту, завершиться к концу того десятилетия. Примечательно, что эта концепция была намного более скромной, чем предыдущие заявления о шестидесятитысячных группировках, которые предполагалось формировать силами ЕС. Это явно означало, что две ведущие, с военной точки зрения, страны Евросоюза признали необходимым ограничить амбициозность

---

⁴¹⁸ Edited Transcript of a Joint Press Conference by Prime Minister Blair and French President Chirac. London, 24 November 2003. URL: <http://ec.europa.eu/dorie/cardPrint.do?cardId=125355&locale=en>

⁴¹⁹ Franco-British Summit. Strengthening European Cooperation in Security and Defence, Declaration, P. 2. London, 24 November 2003. URL: <http://ec.europa.eu/dorie/cardPrint.do?cardId=125359&locale=en>

⁴²⁰ Ibid. P. 3.

прежних планов. В то же время, появление этой идеи сразу после фактического отказа Франции от проекта штаба в Тервюрене означало, что согласие Лондона на переход к практической реализации планов по формированию совместных европейских группировок являлось своего рода «утешительным призом» для Парижа.

Совокупность заявлений, сделанных президентом США Дж. Бушем перед его визитом в Великобританию, а также Т. Блэром и Ж. Шираком по итогам их встречи 24 ноября ясно показывала, что сторонами трансатлантических отношений была выработана основа для компромисса. Оставалась лишь задача договориться о деталях и принять формальное решение о создании европейской командной структуры в той форме, которая была бы терпимой для всех сторон. Этой цели послужили состоявшиеся в Брюсселе в первой половине декабря последовательные совещания министров обороны (1 - 2 декабря) и министров иностранных дел (4 - 5 декабря) стран НАТО, а затем очередной саммит государств-членов ЕС (12 - 13 декабря 2003 г.).

По итогам встреч министров стран НАТО госсекретарь США К. Пауэлл на пресс-конференции 4 декабря 2003 г. озвучил схему военно-политического взаимодействия между альянсом и Евросоюзом. По его словам, в случае, если возникает кризис, «и создается впечатление, что в этом какая-то роль могла бы быть отведена Альянсу, в первую очередь обращаются к Альянсу, и НАТО решает, желает ли она быть задействованной. И если, по той или иной причине, она считает, что для нее было бы неподходящим брать на себя эту задачу, тогда следует очередь Европейского Союза решить, принимать ли на себя эту задачу и использовать ли при этом средства, предоставленные НАТО. И если это также не кажется подходящим, и если задача выполнима в рамках возможностей Европейского Союза без использования средств НАТО, тогда

ЕС будет действовать самостоятельным образом»⁴²¹. В принципе эта схема повторяла тот подход, который ранее излагался тем же К. Пауэллом в марте 2001 г. Однако в данном случае госсекретарь намного более детально обговорил ту ситуацию, когда ЕС действовал полностью самостоятельно, без какого-либо использования сил и средств НАТО. Как было видно из слов К. Пауэлла, возможность таких действий рассматривалась в самую последнюю очередь.

Госсекретарь использовал практический пример, чтобы обозначить американскую позицию по ЕПБО. Он заявил, что США приветствуют предложение, поступившее со стороны ЕС, принять на себя ответственность за проведение миротворческой операции в Боснии, которую в тот момент осуществляло НАТО⁴²². К. Пауэлл отметил: «Это был бы успешный пример сотрудничества между НАТО и ЕС в рамках договоренностей “Берлин Плюс”, которые Соединенные Штаты активно поддерживают. Мы считаем, что такое сотрудничество в рамках “Берлин Плюс” должно быть правилом, а не исключением, для миссий ЕС»⁴²³. Тем самым, США ясно и публично обозначили, что Евросоюз в военно-политическом смысле должен играть роль вспомогательной организации при НАТО и выполнять те задачи, которые сам альянс (т.е. как правило – сами США) не считал возможным взять на себя, но под натовским контролем. Тот вариант, когда ЕС отказывался от помощи (а следовательно и контроля) со стороны НАТО, в Вашингтоне хотели бы максимально исключить.

Нужно отметить, что в данном случае США не столько рассматривали некий теоретический сценарий, сколько реагировали на практические действия европейцев. В июне 2003 г. Евросоюз, активно побуждаемый Францией, предпринял миротворческую операцию «Артемис» (Артемиды) на территории Демократической республики Конго (ДРК) (бывший Заир, а

---

⁴²¹ Press Briefing after NATO Working Luncheon. Secretary Colin L. Powell, NATO Headquarters, Brussels, Belgium, December 4, 2003. URL: <http://2001-2009.state.gov/secretary/former/powell/remarks/2003/26886.htm>

⁴²² Передача ответственности за миротворческую операцию в Боснии от НАТО к Евросоюзу произошла через год, в декабре 2004 г.

⁴²³ Ibidem.

ранее – Бельгийское Конго). Первоначально операция задумывалась как исключительно французское мероприятие, однако затем президент Ж. Ширак осознал возможность использовать эту ситуацию, чтобы доказать способность Евросоюза действовать самостоятельно от НАТО⁴²⁴. С. Ларраби, один из ведущих специалистов по трансатлантическим отношениям «Корпорации РЭНД», в 2006 г. отмечал: «Операция в ДР Конго была проведена без обращения к средствам НАТО и без консультаций с НАТО. И хотя маловероятно, что США хотели бы задействовать НАТО в данном кризисе, это отсутствие консультаций вызвало раздражение некоторых американских и натовских чиновников и создало плохой прецедент»⁴²⁵. Безусловно, госсекретарь К. Пауэлл имел в виду и эти события, выступая с процитированным выше заявлением. Можно также добавить, что этот «плохой прецедент» добавил негативных эмоций и в трансатлантические дебаты по вопросу штаба в Тервюрене, хотя формально не имел к ним прямого отношения.

Официально модель военно-политического взаимодействия между НАТО и ЕС была одобрена на саммите Евросоюза, который состоялся в Брюсселе 12-13 декабря. Там было решено, что функции штаба коалиционных сил ЕС по сути будут в какой-то степени возложены на штаб-квартиру уже существовавшего до этого военного комитета Евросоюза в центре Брюсселя, штатный состав которого предполагалось незначительно увеличить. Сокращение этих функций выразилось в том, что, как было заявлено, штаб-квартира должна будет заниматься не столько военным планированием, сколько разработкой «политико-военных восстановительных мероприятий»⁴²⁶. Вообще, на данном этапе Евросоюз в лице, прежде всего,

---

⁴²⁴ Homan K. Operation Artemis in the Democratic Republic of Congo. Netherlands Institute for International Relations 'Clingendael'. May 2007. P. 2. URL:

http://www.clingendael.nl/sites/default/files/20070531_cscp_chapter_homan.pdf

⁴²⁵ Larrabee F. Stephen. The United States and the European Security and Defense Policy: Old Fears and New Approaches. // Strategic Yearbook 2006, European Security and Defence Policy: A European Challenge. Swedish National Defence College. P. 175. URL:

http://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/reprints/2006/RAND_RP1232.pdf

⁴²⁶ Hill L. EU defence surge despite constitutional collapse. Jane's Defence Weekly, 24 December 2003. P. 3-4.

своего Верховного представителя по вопросам общей внешней и оборонной политики Х. Соланы⁴²⁷ и сотрудников его аппарата, тщательно старался сформировать впечатление, что принимаемые им организационные решения даже теоретически не смогут как-то ущемить монополию НАТО в европейской военно-политической сфере. Так, К. Галлах, пресс-секретарь Х. Соланы, отметила, что штабная структура (которой было придумано еще одно, нарочито «безобидное» обозначение «планировочная ячейка» (planning cell)), будет заниматься «очень специфическим типом» операций, а именно, операциями в рамках соглашения «Берлин Плюс». Руководить ими должен был заместитель главкома сил НАТО в Европе⁴²⁸. При этом К. Галлах даже заявила, что военного планирования, как такового, в этой «ячейке» вообще осуществляться не будет, отметив: «Мы – не военная организация; мы – гражданская организация, которая использует военные ресурсы»⁴²⁹. В конечном итоге эта структура, получившая наименование «Гражданско-военная ячейка» (Civil-military cell), была сформирована весной 2005 г., и, по выражению В.В. Журкина «постепенно затухла в недрах Военного штаба»⁴³⁰ ЕС (EU military staff)⁴³¹.

Кроме того, было достигнуто соглашение о формировании еще одного европейского органа военного планирования, предназначенного для обеспечения взаимодействия ЕС и НАТО в военной сфере. Этот орган было решено разместить в населенном пункте Касто, Бельгия, недалеко от места расположения штаб-квартиры верховного командования НАТО в Европе. Подобная структура уже существовала там ранее, но на временной основе, и теперь ее решено было сделать постоянной (с 1 января 2004 г.). Она

---

⁴²⁷ До октября 1999 г. он занимал пост генерального секретаря НАТО.

⁴²⁸ Ibid. P. 3.

⁴²⁹ Ibid. P. 4.

⁴³⁰ Журкин В.В. Военная политика Евросоюза, С. 101.

⁴³¹ Данный Военный штаб или Военный аппарат ЕС, по сути, является группой военных советников в составе Европейской службы внешнеполитической деятельности и принадлежит к аппарату Верховного представителя ЕС по внешней политике. Данный штаб не имеет полномочий и возможностей для планирования и руководства военными операциями Евросоюза.

находилась в распоряжении упомянутого заместителя главкома сил НАТО в Европе⁴³².

Наконец, еще одной уступкой Соединенным Штатам со стороны европейцев было согласие на учреждение постоянной миссии связи НАТО при военном комитете Евросоюза в Брюсселе⁴³³. Таким образом, вопрос, в отношении которого дебаты между США и, в частности, Францией, развивались уже длительное время, был решен в пользу Вашингтона.

Хотя изначально предполагалось, что главным событием декабрьского саммита Евросоюза в Брюсселе должно было стать одобрение проекта Европейской конституции, представителям стран континента так и не удалось согласовать свои позиции. В результате, решение о создании штаба ЕС, которое юридически никак не соприкасалось с конституционными вопросами, оказалось едва ли не единственным значимым итогом всего мероприятия. Отчасти поэтому, а также в связи с длительным и непростым переговорным процессом, предшествовавшим этому событию, оно было с большим удовлетворением воспринято ведущими европейскими политиками. В частности, итальянский премьер-министр С. Берлускони, лидер страны – председателя Евросоюза на тот момент, с гордостью заявил: «Впервые за свою пятидесятилетнюю историю ЕС получит возможность осуществлять самостоятельную оборону и сможет стать авторитетной фигурой на мировой арене». Еще до этого он отмечал: «Мы не хотим быть экономическим гигантом и политическим карликом». В то же время лидер Италии заверил журналистов, что штаб Евросоюза будет действовать «не в противоречии, а в полном взаимодействии (synergy) и дополняя НАТО»⁴³⁴.

Достижение согласия американской администрации на создание «планировочной ячейки» явилось значительным шагом в сторону нормализации отношений между США и «европейской оппозицией», особенно между Вашингтоном и Парижем. Соединенные Штаты на

---

⁴³² Ibidem.

⁴³³ Black I., White M. Washington accepts EU's independent military plan. The Guardian, 12 December 2003.

⁴³⁴ Hill L. Op. cit. P. 4.

официальном уровне выразили полное удовлетворение результатом переговорного процесса. 19 декабря посол США в НАТО Н. Бернс, который, как отмечалось выше, еще в начале октября заявлял о «серьезнейшей угрозе» со стороны ЕС для Североатлантического альянса, опубликовал статью «Европа и дальше: расширение миссии НАТО». В статье отмечалось: «В канун 2004 г. Соединенные Штаты сохраняют приверженность прочному стратегическому партнерству между НАТО и Европейским Союзом ... Более сильная Европейская политика безопасности и обороны полезна всем нам ... Надеемся, усилия ЕС позволят укрепить военный потенциал Европы ... Мы также ожидаем, что эти европейские инициативы будут дружественными к НАТО, и что две наши организации смогут работать по-настоящему гармонично»⁴³⁵.

Подводя итог этой части трансатлантических дебатов по вопросу о ЕПБО, можно заключить, что в данной ситуации инициатива еще более прочно, чем ранее, находилась в руках британского правительства Т. Блэра. Что касается США, то их восприятие данного сюжета полностью зависело от более широкого контекста обострившихся отношений со «старой Европой».

Формально оценивая изложение американской позиции, сделанное К. Пауэллом в декабре 2003 г., подход Вашингтона по сравнению с мартом 2001 г. изменился лишь в расстановке акцентов и дополнительной нюансировке. Равным образом, он лишь незначительно отличался и от подходов конца правления администрации Клинтона. Однако очевидно, что психологическое восприятие европейского проекта в Вашингтоне существенно изменилось. Причем оно менялось в течение 2003 г. параллельно с общим ухудшением отношений США и «старой Европы», которое началось в связи с весьма далекой от проблем ЕПБО темой – вторжением США в Ирак. Резкая реакция США на итоги «шоколадного саммита» во многом была обусловлена открытой оппозицией со стороны Франции и Германии в отношении

---

⁴³⁵ Burns R. Nicholas. Europe and beyond: A broader mission for NATO. International Herald Tribune, December 19, 2003.

американских усилий на иракском направлении. Аналогичным образом и сам «шоколадный саммит» был реакцией «старых европейцев» на резкое усиление односторонней эгоистичности в политике Вашингтона в тот период.

Что касается Т. Блэра, то он сумел, по сути, удачно повторить тот же маневр, который он ранее совершил в связи с соглашением в Сен-Мало. Правда, на этот раз это было сопряжено с несколько большим риском, поскольку была вероятность, что США отнесутся к такой «игре» с раздражением. В сентябре 2003 г. Т. Блэр внезапно проявляет инициативу, и предлагает достичь компромисса по такому вопросу, по которому с точки зрения США какой-либо компромисс был вовсе неуместен и не нужен. Предложения «четверки», казалось, уже полностью потерпели неудачу после того, как их раскритиковал целый ряд других стран Европы. Однако Лондон вновь поднял этот вопрос, чем Париж был откровенно обрадован.

Затем Т. Блэр под аккомпанемент американской критики на тему «величайшей угрозы будущему НАТО» добивается существенного размывания предложений «четверки». Как отмечает в связи с этим академик В. В. Журкин, «Лондон развернул бурную дипломатическую деятельность, стремясь выхолостить сердцевину их [«старых европейцев» – авт.] предложений»⁴³⁶. Это было сделать тем легче, что к сентябрю 2003 г. стало очевидным отсутствие поддержки данной инициативы со стороны ряда влиятельных европейских членов НАТО – самой Великобритании, Италии, Нидерландов и других (а также и со стороны нейтральных стран – членов ЕС). Поэтому Франции и Германии этот компромисс был необходим хотя бы затем, чтобы «сохранить лицо». При этом сам Т. Блэр объяснял свою посредническую активность необходимостью восстановления «трансатлантической солидарности». В результате, находясь в самом тесном

---

⁴³⁶ Журкин В.В. Военная политика Евросоюза, С. 98.

контакте как с президентом Дж. Бушем-мл.⁴³⁷, так и европейскими лидерами, Т. Блэр добивается выработки такого варианта изменений в европейской военно-политической бюрократии, который, по сути, только усиливал формальное влияние НАТО на военную политику Евросоюза и мало что давал ЕС в плане укрепления самостоятельности. Однако и США, и «старые европейцы» остались довольны достигнутым результатом, во всяком случае, судя по их официальным заявлениям.

При этом Т. Блэр был весьма откровенен, публично излагая мотивы своего поведения в данной ситуации. В качестве примера можно привести заявление британского премьер-министра 24 ноября 2003 г. после переговоров с Ж. Шираком, о том, что Британии «нет необходимости делать выбор» между США и Европой, и она, как «разумная и серьезная страна... будет сохранять и развивать обе эти возможности». В сущности, это был пример воплощения его прежней концепции об осуществлении стратегии «моста» между сторонами Атлантики. Однако по сути действия Лондона гораздо больше благоприятствовали позиции США.

Именно исходя из этого обстоятельства, как представляется, нужно оценивать реакцию США на эпизод с британским посредничеством между Вашингтоном и «четверкой». Если судить по заявлениям политиков в открытых источниках, изначально, в сентябре – октябре 2003 г., американское восприятие было весьма негативным, достаточно вспомнить заявление Н. Бернса. Однако затем Т. Блэру удалось убедить Дж. Буша-мл. в том, что британская инициатива полезна для самих Соединенных Штатов.

Такой сравнительно информированный исследователь, как С. Слоан, в своей работе отмечает: «Хотя это и не доказано, вполне возможно, что согласие США, по крайней мере, отчасти, было компенсацией Т. Блэру за его поддержку по Ираку»⁴³⁸. Нужно отметить, что такое объяснение выглядит правдоподобным. Британский премьер выступил в качестве основного

---

⁴³⁷ См., напр., Black I., White M. Washington accepts EU's independent military plan. The Guardian. 12 December 2003.

⁴³⁸ Sloan S. R. Permanent Alliance? P. 231.

лоббиста в Европе идеи нападения на Ирак. Он твердо придерживался этой идеи, несмотря на обострение отношений с Францией и Германией, и в результате Великобритания стала принципиально важным членом «коалиции желающих», собранной США. Очевидно, что участие Британии помогло привлечь в эту коалицию и многие другие европейские страны. При этом мотив участия самого Лондона в нападении на Ирак был не вполне очевиден, если оценивать его сугубо с точки зрения собственно британских интересов, вне контекста «особых отношений» с Вашингтоном. Поэтому за действиями правительства Т. Блэра четко просматривалось стремление в очередной раз подтвердить и надежно закрепить репутацию Великобритании как самого надежного союзника США не только в Европе, но возможно и в мире в целом.

Теперь же, когда нападение на Ирак, казалось, завершилось успехом, для Т. Блэра настало время «извлечь дивиденды» из своей поддержки иракского курса администрации Дж. Буша – мл. Он решил обратить их на дальнейшее укрепление позиции Великобритании как «моста» между двумя берегами Атлантики, согласно стратегической концепции, которой премьер-министр придерживался с начала своего правления. При этом он мог позволить себе пренебречь сомнениями США относительно целесообразности вести диалог с «четверкой» по вопросу о европейских командно-штабных структурах и выступить в роли «примирителя» между США и «старой Европой» в условиях, когда военная операция против саддамовского Ирака уже завершилась, и эта тема трансатлантических противоречий отчасти потеряла свою актуальность. Эту свою роль Т. Блэр успешно навязал и европейцам, и США. Однако тот вариант компромисса, который был достигнут по его инициативе, в основном, безусловно, соответствовал именно американским, а не «старо-европейским» интересам. Скорее именно это обстоятельство, а не только «иракские заслуги», являлось главной причиной согласия Вашингтона.

В то же время нельзя полностью исключать и более простой подоплеку событий. Возможно, инициатива Т. Блэра была с самого начала согласована с США, а громкие заявления Н. Бернса были частью роли «злого следователя», которую в данном контексте взяли на себя США в противовес «доброму следователю» в лице Великобритании.

Однако для того, чтобы достоверно установить, какое из этих предположений ближе к истине, необходим доступ к материалам контактов США и Британии на высшем уровне, которые в настоящий момент отсутствуют в открытом доступе. Впрочем, в любом случае, речь идет лишь о тактических нюансах довольно прозрачной схемы, в результате применения которой самая решительная попытка «континентальных европейцев» создать независимый от США центр военно-политического управления закончилась безрезультатно.

3.2. Политика администрации Дж. Буша-мл. на европейском направлении после конфликта вокруг штаба в Тервюрене и проект «боевых групп»

Политический процесс в трансатлантических отношениях во второй половине 2003 г. характеризовался высокой насыщенностью событиями и отсутствием каких-либо пауз между последовательными фазами дипломатической борьбы. Дипломатический кризис вокруг проекта штаба ЕС в Тервюрене достиг своего апогея в середине октября 2003 г., как раз в тот момент, когда США и европейцам удалось достичь компромисса в рамках СБ ООН относительно перспектив контроля США над Ираком⁴³⁹. В свою очередь, как только в начале декабря 2003 г. наметилась перспектива окончательного разрешения конфликтной ситуации вокруг штаба ЕС, США выдвинули новую дипломатическую инициативу на иракском направлении. 5 декабря на сайте Пентагона появляется меморандум за подписью заместителя министра обороны США П. Вулфовица. В нем было отмечено,

---

⁴³⁹ Подробнее об этом см.: Михайлов С.А. Иракский фактор в трансатлантических отношениях// США – Канада: экономика, политика, культура. № 10, 2004. С. 40 – 41.

что к процедуре получения контрактов на восстановление объектов иракской инфраструктуры будут допущены фирмы только из тех стран, которые поддержали США в ходе иракской кампании. К меморандуму прилагался список 63 «допущенных» стран. Общая сумма 26 контрактов, предназначенных для первоначального распределения, была оценена в 18,6 млрд. долл. Среди отстраненных от участия в тендерах оказались, в частности, такие государства как Россия, Франция, Германия и даже ближайший сосед США – Канада⁴⁴⁰.

Через некоторое время последовала довольно резкая критика в адрес меморандума Вулфовица со стороны Франции, Германии, Греции, Еврокомиссии и даже Генерального секретаря ООН К Аннана. Еврокомиссия выразила намерение изучить этот принцип распределения контрактов на предмет его соответствия обязательствам США перед ВТО⁴⁴¹.

Однако, практически одновременно с этой негативной реакцией, со стороны Вашингтона последовали разъяснения, которые показали, что меморандум Вулфовица являлся практическим шагом, рассчитанным на достижение уступок со стороны «не включенных» стран. Целью США было добиться от европейских государств списания долгов Ирака, о чем вскоре довольно откровенно заявил сам Дж. Буш., который отметил: «Это будет важным вкладом, за который мы будем очень благодарны»⁴⁴². Американская администрация дала понять, что она открыта для торга по принципу «списание долгов в обмен на предоставление контрактов».

В ответ на обвинения со стороны ЕС в том, что своими действиями американская администрация нарушает правила ВТО, Управление представителя президента США по торговым вопросам распространило заявление. В нем была представлена довольно изящная формулировка,

---

⁴⁴⁰ Текст меморандума см. URL:

<http://iipdigital.usembassy.gov/st/english/texttrans/2003/12/20031210145342samohjt0.5148889.html>

⁴⁴¹ Finn P., Baker P. U.S. Decision on Iraq Contracts Irritates Excluded War Critics. The Washington Post, December 11, 2003.

⁴⁴² Bush G. W. President Discusses Year-End Accomplishments in Cabinet Meeting. Remarks by the President after Meeting with the Cabinet. Cabinet Room, White House, December 11, 2003. URL: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2003/12/20031211-1.html>

снимавшая с США ответственность в данном вопросе: «Закупки от имени временных коалиционных властей не подпадают под обязательства международной торговли, так как эти власти не являются участниками этих обязательств»⁴⁴³.

Вскоре США удалось добиться заявлений о готовности списать большую часть долгов от Франции, ФРГ и России. Впоследствии американская администрация еще долго использовала тему иракских контрактов в качестве инструмента политического давления⁴⁴⁴.

В конце января 2004 г. США посетила министр обороны Франции М. Алио-Мари, которая была принята Д. Рамсфельдом и имела с ним продолжительную беседу. Вернувшись во Францию, она заявила: «Вашингтон твердо продемонстрировал желание перевернуть страницу и положить конец франко-американским трениям». По ее словам, в ходе визита в США было достигнуто понимание, что французские компании будут допущены к иракским контрактам⁴⁴⁵. Характерно, что, казалось бы, чисто экономический вопрос обсуждался между министрами обороны двух стран.

Данный эпизод важен для понимания политической и психологической атмосферы, сложившейся в тот момент в отношениях между США и «старой Европой». Как представляется, цель предпринятого американской администрацией маневра заключалась не только в том, чтобы побудить европейские правительства списать иракский долг (тем более, что разногласия по этому вопросу возникали и в дальнейшем). Прежде всего, США смогли продемонстрировать европейцам, что Вашингтон по-прежнему полностью владеет инициативой в трансатлантических отношениях, после

---

⁴⁴³ Statement from USTR Spokesman Richard Mills on Coalition Provisional Authority. December 10, 2003. URL: https://ustr.gov/archive/Document_Library/Spokesperson_Statements/Statement_from_USTR_Spokesman_Richard_Mills_on_Coalition_Provisional_Authority.html

⁴⁴⁴ Bumiller E. The Struggle for Iraq: The Reconstruction; Canadians to Bid on Iraq Projects. The New York Times, January 14, 2004.

⁴⁴⁵ Alliot-Marie M. Entretien de Mme Michèle Alliot-Marie, ministre de la défense, à "Der Spiegel" du 2 et "Frankfurter Allgemeine Zeitung" du 6 février 2004, sur les conditions d'une participation française à la reconstruction de l'Irak et sur les relations entre la défense européenne et l'OTAN. 6 février 2004. URL: <http://discours.vie-publique.fr/notices/043000628.html>

всех разногласий вокруг тервюренского штаба ЕС, и способен навязать им свою «повестку дня», от которой они будут зависеть.

При этом предложение о списании иракских долгов было только одной из мер, предпринятых Соединенными Штатами для «перехвата инициативы» в отношениях со «старой Европой» зимой 2003–2004 гг. Одновременно с завершением «тервюренских дебатов», на встречах министров обороны и иностранных дел НАТО в начале декабря 2003 г. представители США начали активно развивать идею о расширении роли Североатлантического альянса в Афганистане. По итогам министерской встречи госсекретарь К. Пауэлл заявил: «Мы обязаны рассмотреть возможность того, чтобы НАТО взяла на себя все военные операции в Афганистане в какой-то момент в будущем». Тем самым, он ясно дал понять, что США надеются в перспективе полностью переложить ответственность за афганскую кампанию на союзников⁴⁴⁶.

Вскоре после этого представитель США при НАТО Н. Бернс в его статье «Европа и дальше: расширение миссии НАТО» (см. выше) выдвинул целый список запросных позиций, которые американская администрация предъявила союзникам по НАТО в надежде снять с себя часть затрат на те операции в кризисных точках, которые поглощали все больше ресурсов Вашингтона. Н. Бернс не только подробно изложил требования К. Пауэлла и Д. Рамсфельда по расширению натовского присутствия в Афганистане, но и упомянул о необходимости вовлечения НАТО в оккупацию Ирака: «Столь же решающие усилия Соединенные Штаты предложили предпринять НАТО и в Ираке. ... Пауэлл, поддержанный нашими партнерами по коалиции, призвал НАТО изучить, что еще можно сделать для обеспечения мира и стабильности в Ираке»⁴⁴⁷.

---

⁴⁴⁶ Press Briefing after NATO Working Luncheon. Secretary Colin L. Powell, NATO Headquarters, Brussels, Belgium, December 4, 2003. URL: <http://2001-2009.state.gov/secretary/former/powell/remarks/2003/26886.htm>

⁴⁴⁷ Burns R. Nicholas. Europe and beyond: A broader mission for NATO. International Herald Tribune, December 19, 2003.

Правда, вскоре К. Пауэлл публично дал понять, что американское руководство серьезно не рассчитывало на привлечение дополнительных европейских сил в Ирак, а приоритетом для привлечения сил НАТО в Вашингтоне считали Афганистан⁴⁴⁸.

Причины такой смены американской позиции стали очевидны после того, как в ходе традиционной международной конференции по вопросам безопасности в Мюнхене 7–8 февраля 2004 г. представители Франции и Германии твердо заявили, что эти страны не будут в ближайшее время принимать участие в оккупации Ирака.

Вероятнее всего, американское руководство и не надеялось на то, что европейские лидеры согласятся выполнять сразу обе «амбициозные задачи» (как их назвал Н. Бернс), поставленные им из Вашингтона. Расчет состоял в том, чтобы навязать европейцам необходимость выбирать «наименьшее из двух зол». И хотя, как и в случае со списанием иракского долга, США не добились максимального результата, была создана хорошая основа для того, чтобы впоследствии получить согласие лидеров стран Европы на расширение участия европейских войск в оккупации Афганистана.

В отношениях США и Европы зимой 2003–2004 гг. присутствовала еще одна тема, появление которой было явным следствием трансатлантических разногласий вокруг «европейской обороны». Речь идет об объявленных Вашингтоном планах по сокращению своего военного контингента, размещенного на европейском континенте, прежде всего в Германии.

Характерно, что эти планы, – также как и требования о списании иракского долга, и предложения европейцам отправить больше своих войск в Афганистан и Ирак, – были озвучены американской администрацией в одно и то же время, накануне брюссельского саммита ЕС 12 – 13 декабря. Это

---

⁴⁴⁸ Secretary Colin L. Powell Remarks with NATO Secretary General Jaap de Hoop Scheffer after Their Meeting. Washington, DC, January 29, 2004. URL: <http://2001-2009.state.gov/secretary/former/powell/remarks/28606.htm>

отчетливо указывает на то, что все эти шаги являлись частью единого дипломатического маневра.

8 декабря Госдепартамент объявил, что администрация Дж. Буша направила двух своих официальных представителей, заместителя госсекретаря по политическим вопросам М. Гроссмана и заместителя главы Пентагона Д. Фейта, в поездку по Европе для проведения консультаций по вопросу «организации и модернизации» системы базирования американских войск за рубежом⁴⁴⁹.

В ходе своего визита в ФРГ, на территории которой в тот период было размещено около 80 тыс. американских военнослужащих, М. Гроссман объявил о предстоящем закрытии части военных баз. Это вызвало немалый общественный резонанс в Германии, так как эти базы являются там важным потребителем товаров и услуг. На протяжении последующих месяцев США использовали этот вопрос в качестве инструмента воздействия на Германию, с помощью которого Вашингтон мог «наказать» или, наоборот, «обнадежить» своего союзника. Так, 26 декабря 2003 г. Соединенные Штаты заявили о своем согласии оставить в Штутгарте штаб европейского командования американских войск в Европе. При этом продолжала активно озвучиваться идея о возможном перемещении основной части войск на территорию бывших социалистических стран Европы⁴⁵⁰.

В начале февраля 2004 г. Д. Рамсфельд объявил о намерении сократить американское военное присутствие в Германии и создать меньшие по размерам и менее дорогостоящие базы в Восточной Европе, отметив при этом, что «никаких решений о размерах сокращений еще не принято». Американский министр обороны намеревался обсудить этот вопрос со своим германским коллегой П. Штруком⁴⁵¹.

---

⁴⁴⁹ Hill L. US redeployment of forces in Europe will take time. Jane's Defence Weekly, December 17, 2003. P. 3.

⁴⁵⁰ Штаб-квартира европейского контингента войск США по-прежнему будет размещаться в Штутгарте. ИТАР-ТАСС, Берлин, 26.12.2003.

⁴⁵¹ Schmitt E. Rumsfeld in Germany to meet with allies. The New York Times, February 6, 2004.

По сути, германскому руководству был предъявлен следующий красноречивый аргумент: если ФРГ столь зависит от присутствия американских войск, что германская общественность, особенно на региональном уровне, активно требует их сохранения, тогда как Берлин может столь откровенно выступать за сокращение военно-политической роли США в Европе и оппонировать американским планам в других частях света?

Складывается впечатление, что зимой 2003–2004 гг. американское руководство решило использовать максимально доступное количество способов воздействия на руководство Франции и Германии. Видимо, администрация США сознательно поставила перед собой задачу оказания психологического воздействия на европейских лидеров с тем, чтобы парализовать инициативу последних и показать им их зависимость от Вашингтона. Этим и объясняется поток американских запросов и требований в отношении европейцев, хлынувший сразу после общего урегулирования трансатлантических разногласий вокруг тервюрнского штаба и вопроса о перспективах оккупации Ирака.

Все это показывало, что Соединенные Штаты сохраняли множество рычагов влияния на ситуацию в Европе, и зимой 2003 – 2004 гг. американская администрация развернула бурную активность с целью наглядно продемонстрировать, что данные рычаги по-прежнему эффективны.

При этом Вашингтон не переставал испытывать сильные опасения в отношении общей тенденции развития европейских интеграционных процессов в оборонной сфере. В ходе декабрьского саммита НАТО Д. Рамсфельд, касаясь оборонных амбиций ЕС, заявил: «Этот вопрос, в зависимости от того, как с ним обращаться, будет влиять на НАТО на протяжении десятилетий. Это крайне важный вопрос, который не начинается с этого и не кончается на этом. Это процесс, через который нам предстоит

пройти. По мере того, как Европа меняется, как НАТО меняется, мы должны управлять им так, чтобы НАТО оставалась сильной и крепкой»⁴⁵².

Хотя в результате дипломатических маневров США и «соглашательской» роли Великобритании идея создания самостоятельного европейского органа военного планирования была в значительной степени выхолощена, ведущие страны Европы в 2004 г. продолжали активную деятельность в сфере оборонной интеграции. Предметом этой деятельности стал проект формирования «боевых тактических групп», озвученный в специальной декларации по итогам лондонской встречи Ж. Ширака и Т. Блэра в ноябре 2003 г. (см. выше).

Данная тема получила развитие в феврале 2004 г., когда Великобритания, Франция и присоединившаяся к ним Германия представили в Комитет по политике и безопасности (КПБ) Евросоюза концептуальный проект создания «боевых групп» ЕС⁴⁵³. Согласно проекту предполагалось, что операции данных формирований⁴⁵⁴ будут проводиться по запросу ООН. «Боевые группы» должны были обладать возможностями для своих сил развертывания на месте проведения операции в течение 15 дней после поступления запроса ООН и проведения самостоятельной операции как минимум в течение 120 дней, пока не придут ооновские подразделения. Сами эти операции предполагалось осуществлять «преимущественно, но не исключительно в несостоявшихся государствах или государствах, близких к такому состоянию (большинство из которых находится в Африке)»⁴⁵⁵. Возможно по настоянию Великобритании в документе отмечалось, что «формирования боевых групп будут потенциально полезны в качестве вклада

---

⁴⁵² Rumsfeld D. H. Secretary Rumsfeld European Editors Roundtable. Transcript. U.S. Department of Defense, December 2, 2003. URL: <http://archive.defense.gov/Transcripts/Transcript.aspx?TranscriptID=2761>

⁴⁵³ The battlegroups concept – UK/France/Germany food for thought paper. Brussels, 10 February 2004. // European defence: core documents. Vol. V. Chaillot Paper 75, Paris – February 2005. P. 10–16;

Quille G. The EU Battlegroups. European Parliament, Brussels, September 12, 2006. P. 4. URL: http://www.europarl.europa.eu/meetdocs/2004_2009/documents/dv/091006eubattlegroups_/091006eubattlegroups_en.pdf

⁴⁵⁴ В лексиконе ЕС за ними закрепилось англоязычное обозначение в одно слово – «battlegroups», реже – «battle-groups». По-французски они называются «тактическими группами» - «groupements tactiques».

⁴⁵⁵ The battlegroups concept – UK/France/Germany food for thought paper. P. 11.

в контингент Сил быстрого реагирования (СБР) НАТО»⁴⁵⁶. Те страны, которые участвовали в этом натовском проекте (о нем см. ниже), могли держать наготове подразделения для использования как в боевых группах ЕС, так и в СБР НАТО.

Однако в целом данный документ больше отражал взгляды сторонников европейской военно-политической автономии. На это указывает, например, тот факт, что отмеченное указание на СБР НАТО было единственным упоминанием Североатлантического альянса в представленной концепции, в то время как заявления о необходимости координации с ООН повторялись в документе неоднократно. Кроме того, уже в преамбуле к концепции отмечалось, что боевые группы будут создаваться, исходя из опыта проведения операции «Артемис» – вооруженного вмешательства в конфликт на территории Демократической республики Конго, которое было предпринято по решению ЕС и с санкции ООН в 2003 г. (см. выше).

Возможно, опора на авторитет ООН по мысли руководства Евросоюза, должна была придать легитимность первым акциям ЕПБО на глобальном уровне. Но что более важно, этот, на первый взгляд, формальный знак уважения в адрес международной организации выглядел довольно контрастно на фоне известного подчеркнуто скептического отношения к ООН администрации Дж. Буша-мл. В свою очередь, операция «Артемис», как мы видели, оставила неблагоприятное впечатление в Вашингтоне именно в силу нарочитой самостоятельности, которую проявила при ее проведении Франция. Как заявил представитель ЕС по вопросам общей внешней и оборонной политики Х. Солана при обсуждении «боевых групп» в апреле 2004 г.: «Операция «Артемис» позволила продемонстрировать ООН, что европейские возможности в сфере обороны могут быть предоставлены в ее

---

⁴⁵⁶ Ibid. P. 15.

распоряжение. Нужно продолжать двигаться в этом направлении»⁴⁵⁷. Таким образом, указанные заявления подчеркивали фактор независимости будущих операций «боевых групп» от США и в то же время, по контрасту с действиями Вашингтона, их согласованность с мнением ООН.

При этом было очевидно, что данные проявления европейской самостоятельности носили намного более сдержанный характер, чем это было годом ранее, весной 2003 г. Давление США и Великобритании дало свои результаты. Например, французское руководство в феврале 2004 г. сочло уместным выступить с публичными заявлениями, что развитие европейской обороны не несет угрозы НАТО. Об этом сказала французский министр обороны М. Алио-Мари в интервью британской газете «Таймс». Она отметила, что «европейская оборона является дополнением к НАТО, а ни в коем случае не конкурентом», и призвала не забывать, что «многие годы американцы просили Европу предпринять больше усилий для обеспечения ее собственной обороны». Также министр заявила, что, несмотря на разногласия между Парижем и Вашингтоном по поводу войны в Ираке, Франция по-прежнему привержена интересам североатлантического союза. И более того, «каждый раз, когда США оказывались в трудном положении, мы были на их стороне»⁴⁵⁸.

5–6 апреля 2004 г. тема «боевых групп» обсуждалась на уровне министров обороны стран ЕС. Как заявил в ходе встречи Х. Солана: «Предложенные идеи амбициозны, но достижимы. Ваша поддержка и ваше участие будут условиями успеха»⁴⁵⁹. На тот момент к практической реализации идеи были готовы подключиться те же Великобритания, Франция и Германия, которые предложили создать 2-3 таких «боевых группы» к 2006 г. и уже до 9 групп – к 2007 г.

---

⁴⁵⁷ Solana J. Summary of the remarks by Javier SOLANA, EU High Representative for the Common Foreign and Security Policy, at the Informal Meeting of Defence Ministers, Brussels, April 5–6, 2004. // Ibid. P. 44.

⁴⁵⁸ Sage A. Iron Lady of France puts case for the defence. The Times, February 24, 2004.

⁴⁵⁹ Solana J. Summary of the remarks by Javier Solana, EU High Representative for the Common Foreign and Security Policy, at the Informal Meeting of Defence Ministers, Brussels, April 5–6, 2004. // European defence: core documents. Vol. V. Chaillot Paper 75, Paris – February 2005. P. 45.

В то же время, в ходе встречи министров обороны ЕС было отмечено, что одним из главных препятствий на пути создания подобных группировок быстрого реагирования являлось недостаточное количество или полное отсутствие у большинства европейских стран технических возможностей для быстрой переброски даже таких относительно немногочисленных контингентов на значительные расстояния. Как заметил в этой связи один из представителей военно-политических структур ЕС: «Странам предлагают вкладывать деньги. Все они могут выделить 1500 солдат, но как отправить их в течение нескольких дней за 4 тыс. км?» В этой ситуации большой оптимизм проявил Х. Солана, который заявил на пресс-конференции, что «для операций такого масштаба у нас сегодня есть достаточно возможностей для развертывания»⁴⁶⁰.

«Боевые группы» были лишь одной из тем, обсуждавшихся на встрече, а вернее частью общей проблемы реального воплощения в жизнь идеи самостоятельной европейской обороны. В ходе своего выступления на заседании Х. Солана заявил, что перед ЕС стоит задача окончательно и в деталях сформулировать новую программу развития ОЕПБО до 2010 г. («Головную цель-2010» – *Headline Goal 2010*), так как по его словам, данная программа является «основополагающим элементом для развития [военных – авт.] возможностей ЕС в долгосрочной перспективе. Эта программа позволит воплотить Европейскую стратегию безопасности в конкретные военные мероприятия... ЕС необходимо реагировать на кризисы в четкой и последовательной манере с тем, чтобы закрепить за собой роль, которую он хочет играть в мире»⁴⁶¹.

Одним из таких «военных мероприятий» в рамках Программы 2010 Х. Солана и назвал завершение процесса формирования к 2007 г. «боевых

---

⁴⁶⁰ Планы создания европейских боевых групп быстрого реагирования. ИТАР-ТАСС, Лондон, 08.04.2004.

⁴⁶¹ Solana J. Summary of the remarks by Javier Solana, EU High Representative for the Common Foreign and Security Policy, at the Informal Meeting of Defence Ministers, Brussels, April 5–6, 2004. // *European defence: core documents*. Vol. V. Chaillot Paper 75, Paris – February 2005. P. 43.

групп», а также создания Европейского оборонного агентства⁴⁶². Кроме того, на встрече обсуждалось формирование упоминавшегося ранее Европейского военно-политического штаба или «ячейки», как его теперь предпочитали называть официальные лица ЕС. Х. Солана заверил министров обороны в том, что в этом процессе достигнут «существенный прогресс»⁴⁶³.

Наконец, еще одним вопросом в ходе встречи в апреле 2004 г. была предстоящая передача от США к ЕС ответственности за миротворческую операцию в Боснии. Весной 2004 г. между США и Евросоюзом в этой сфере имели место «пререкания» по поводу уровня ответственности, который должен был взять на себя европейский контингент. США не хотели передавать под европейский контроль право на поиск «военных преступников», а также осуществление разведки и «контртеррористических» мероприятий, на чем, в свою очередь, настаивали представители ЕС⁴⁶⁴. Таким образом, даже снимая с себя общую ответственность за продолжение миссии в Боснии, США хотели оставить за собой наиболее действенные силовые рычаги воздействия на ситуацию там. Эмоциональное восприятие данного американского подхода со стороны европейцев было довольно острым. Газета «Файненшиал таймс» приводила слова некоего не названного высокопоставленного дипломата из Евросоюза, который заявил журналистам: «Мы не станем заниматься мытьем посуды, пока США будут командовать всем мероприятием»⁴⁶⁵.

Вскоре после встречи министров обороны со стороны высокопоставленных руководителей ЕС последовали еще более конкретные предложения о возможном применении «боевых групп». 11 апреля председатель военного аппарата ЕС (EU Military Staff) финский генерал Г. Хегглунд в одном из интервью заявил, что «не видит причин, почему бы ЕС не мог двинуться, например, в Судан [где в тот момент имел место

---

⁴⁶² Ibid. P. 45.

⁴⁶³ Ibid. P. 47.

⁴⁶⁴ Kim J. Bosnia and the European Union Military Force (EUFOR): Post-NATO Peacekeeping. CRS Report for Congress. Updated December 5, 2006. P. 3. URL: <https://www.fas.org/sgp/crs/row/RS21774.pdf>

⁴⁶⁵ Dempsey J. US and Europe vie for control of Bosnia force. Financial Times, March 8, 2004.

вооруженный внутренний конфликт в провинции Дарфур – авт.]. На мой взгляд, это очень вероятно. Это является частью концепции боевых групп». Генерал также добавил, что «боевые группы» позволят ЕС «брать на себя больше и при этом опираться на собственные силы»⁴⁶⁶.

В целом, рассуждая о развитии европейских оборонных структур, Г. Хегглунд отметил, что еще существует ряд нерешенных вопросов, среди которых он назвал «разведку, средства транспорта и такие наступательные вооружения, как крылатые ракеты и средства подавления ПВО». Генерал не пояснил, каким образом упомянутые наступательные вооружения могут быть необходимы для стабилизации кризисных ситуаций в африканских странах. Вместе с тем, он заявил, что нерешенность указанных вопросов «не остановит ЕС на пути решения его задач... Решающим фактором является политическая воля»⁴⁶⁷. Тем не менее, в дальнейшем идея отправки войск ЕС в Судан не получила развития.

17 сентября 2004 г. в г. Нордвейк (Нидерланды) состоялась очередная «неформальная» встреча министров обороны стран ЕС. Она проходила в рамках подготовки к ноябрьской конференции по развитию военных возможностей ЕС. На встрече продолжилось обсуждение того же круга вопросов, что и на предыдущих подобных мероприятиях.

На встрече Х. Солана вновь выступил с ширококвещательными заявлениями относительно европейских военно-политических планов, отметив: «Европейский Союз должен быть игроком мирового масштаба (global actor)». Из этого следовало, что в действиях ЕС «уровень наших амбиций должен быть отражен должным образом. Как игрок мирового масштаба, мы должны обладать способностью использовать наши силы, где бы это ни было нужно. Мы должны обеспечить исполнение наших

---

⁴⁶⁶ Dempsey J. EU-led forces “could intervene” in Sudan conflict. Financial Times, April 12, 2004.

⁴⁶⁷ Ibidem.

политических решений с помощью необходимых для этого [военных] средств»⁴⁶⁸.

Рассуждая о том, каким образом ЕС мог бы получить эти средства для реализации своих политических амбиций, Х. Солана подробно описал свое видение концепции «боевых групп». При этом в основном он затронул проблемы политического планирования и принятия решений. Особенно важным фактором он считал скорость принятия решения о начале операции, а также быстроту планирования и развертывания войск, приводя в качестве образца операцию «Артемис». Именно этим аспектам Х. Солана уделял особое внимание в ходе как апрельской, так и сентябрьской встреч европейских министров обороны, а не наличию транспортных средств для доставки войск, или к примеру, выделению этих войск теми или иными государствами-членами, как можно было бы ожидать. По словам Х. Соланы, «нет смысла иметь войсковые группы, способные развернуться и начать операцию за несколько дней, если нам потребуется много недель, чтобы принять решение об этом»⁴⁶⁹. Как видно из этих заявлений, даже работая над задачей создания довольно небольших тактических групп, предназначенных преимущественно для миротворческих операций, европейские руководители не оставляли мысль о создании самостоятельной системы военного планирования.

На сентябрьской встрече европейских министров обороны был принят и ряд практических решений. К участию в программе формирования «боевых групп» официально присоединились Германия и Нидерланды, которые подписали между собой соглашение о создании такого совместного подразделения. Чуть позже, 20 сентября, Норвегия, которая не является членом ЕС, также выразила намерение изучить возможность присоединиться к этой программе.

---

⁴⁶⁸ Solana J. Informal meeting of EU defence ministers. Remarks by Javier Solana. Noordwijk, September 17, 2004.
// European defence: core documents. Vol. V. Chaillot Paper 75, Paris – February 2005. P. 233.

⁴⁶⁹ Ibid. P. 234.

Наконец, 22 ноября 2004 г., то есть ровно через год после того, как проект «боевых групп» был впервые озвучен, решение об их создании было официально утверждено на совместном заседании министров обороны и министров иностранных дел стран ЕС в Брюсселе. В ходе встречи были обнародованы детали программы формирования «боевых групп», которые дали представление о том, во что реально должна воплотиться эта инициатива⁴⁷⁰.

В общей сложности было запланировано создать к концу 2007 г. 13 «боевых групп». Три из них должны были появиться уже в течение 2005 г. Не все «боевые группы» решено было сделать многонациональными. Крупные европейские государства формировали мононациональные группировки: Франция, Италия, Великобритания и Испания. В 2005 – 2006 гг. «боевые группы» находились в состоянии «начальной боевой готовности», когда в распоряжении ЕС поочередно имелась только одна группа. В случае необходимости время развертывания «дежурной» «боевой группы» должно занимать от 5 до 10 дней⁴⁷¹.

С 2007 г. наступала фаза полной боевой готовности, когда в каждый отдельный момент времени полностью готовыми к действиям числились уже два подразделения. На этом этапе на дежурство становились и коллективные контингенты. Каждый из них должен был иметь ярко выраженный региональный характер по составу участников, или же в них входили подразделения стран, традиционно поддерживающих тесные военно-политические контакты друг с другом. Одна из «боевых групп» должна была состоять из подразделений стран, уже давно участвующих в создании Еврокорпуса: Франции, Германии, Бельгии, Люксембурга и Испании. Намечалось создать и группу с участием «центральных держав», ФРГ, Чехии и Австрии, чьи народы воевали на одной стороне еще в обеих мировых

---

⁴⁷⁰ Declaration on European Military Capabilities. Military Capability Commitment Conference Brussels, November 22, 2004. URL: <https://www.consilium.europa.eu/uedocs/cmsUpload/MILITARY%20CAPABILITY%20COMMITMENT%20CONFERENCE%2022.11.04.pdf>

⁴⁷¹ Ibid. P. 10.

войнах. Также было запланировано создать «скандинавскую» группу, «средиземноморскую» и другие (все эти условные названия в документах встречи не употреблялись и используются автором данной работы для характеристики состава «боевых групп» по региональному признаку). Примечательно, что при формировании «боевых групп» в определенном смысле был нарушен сам принцип принадлежности стран к той или другой военно-политической структуре, а именно: Норвегия, не являющаяся членом ЕС, заявила о намерении войти в «скандинавскую» «боевую группу». В то же время Дания, в течение 2004 г. демонстрировавшая стремление максимально сблизиться по внешнеполитическим вопросам с США, вообще заявила о выходе из военных структур ЕС⁴⁷².

Франция заявила о своей готовности взять ответственность за формирование многонационального военного штаба для управления всеми «боевыми группами». Штаб должен иметь организационную схему и оборудование, специально приспособленные для быстрой переброски на большие расстояния⁴⁷³. Эта французская инициатива ясно указывала на то, что Франция стремилась поставить действия «боевых групп» под свой контроль и сделать их более независимыми от НАТО. Сама Франция в командную структуру Североатлантического альянса в тот момент не входила, и взаимосвязи между штабом «боевых групп» и верховными органами управления НАТО были бы затруднены.

Явно уязвимым местом в системе использования «боевых групп» был порядок принятия политического решения об этом. Для развертывания войск требовался консенсус всех государств-членов ЕС, то есть каждое из них могло заблокировать это решение. Однако та страна, которая не желала участвовать в той или иной военной акции, могла воздержаться при голосовании и, тем самым, не допустить ее срыва⁴⁷⁴. По итогам ноябрьской

---

⁴⁷² Ibid. P. 9;

Hill L. EU adopts battle group plan. Jane's Defence Weekly, December 1, 2004. P. 8.

⁴⁷³ Hill L. EU adopts battle group plan. Jane's Defence Weekly, December 1, 2004. P. 8.

⁴⁷⁴ Ibidem.

встречи 2004 г. было еще раз подтверждено, что «боевые группы» должны применяться только по запросу ООН⁴⁷⁵. При этом было особо отмечено, что они создаются в дополнение к Силам быстрого реагирования НАТО (NATO Response Force)⁴⁷⁶. Первые подразделения СБР НАТО были сформированы годом ранее, в октябре 2003 г.⁴⁷⁷

Таким образом, сам принцип формирования «боевых групп» изначально вел к разобщенности в их использовании. Образно выражаясь, «боевые группы» должны были представлять собой «группы по интересам», причем не только региональным, как «скандинавская» и «средиземноморская». Например, помимо уже упомянутой группы стран-членов Еврокорпуса, составивших ядро «европейской оппозиции» политике США, свое отдельное подразделение формировали государства, твердо поддерживавшие Вашингтон в ходе иракского кризиса – Великобритания и Нидерланды. И, напротив, не планировалось создавать ни одного совместного контингента с участием Великобритании и Франции, зато намечалось создание совместного подразделения ближайших партнеров по «антиамериканской коалиции» - Франции и Бельгии.

Примечательны те оценки, которые прозвучали в процессе обсуждения проекта «боевых групп» со стороны руководителей оборонных структур Евросоюза, относительно взаимодействия ЕПБО и НАТО. Например, на встрече министров обороны ЕС в апреле 2004 г. тезисы Х. Соланы о важности координации действий между ОЕПБО и НАТО были поставлены лишь на второе место после заявления о необходимости сотрудничества с ООН. Х. Солана отмечал, что, по его мнению, главным принципом взаимодействия с НАТО должно быть «взаимное усиление», то есть подразделения быстрого реагирования, созданные государствами-членами организации, могли бы быть использованы в рамках как одной, так и

---

⁴⁷⁵ Strange H. K. U.S. Welcomes EU share in security burden. The Washington Times, December 6, 2004.

⁴⁷⁶ Hill L. EU adopts battle group plan. Jane's Defence Weekly, December 1, 2004. P. 8.

⁴⁷⁷ Hill L. Alliance launches triservice rapid response force. Jane's Defence Weekly, October 22, 2003. P. 3.

другой из них. В противном случае, будет достигнуто не «взаимное усиление», а напротив, «дорогостоящая и бесполезная конкуренция»⁴⁷⁸.

Таким образом, несмотря на отчетливые мотивы «оппозиционности» в отношении США, европейское руководство не забывало о «ритуальных фразах», призванных быть знаками лояльности к НАТО и Вашингтону. При этом на фоне сокращавшихся все 2000-е годы европейских военных бюджетов, была очевидна и практическая потребность в том, чтобы обеспечить военным структурам ЕС доступ к таким ключевым военно-техническим средствам, находившимся в распоряжении НАТО (крупные военно-транспортные самолеты, самолеты ДРЛО), наличие которых у европейских сил в обозримом будущем не предвиделось. Поэтому руководители европейской военной интеграции высказывались за поддержание «сбалансированных» отношений с НАТО. Однако трактовка со стороны некоторых из них такого баланса выявляла чисто «потребительское» отношение к Североатлантическому альянсу. Например, упомянутый финский генерал Г. Хегглунд, председатель военного аппарата ЕС, заявил: «Если ЕС будет иметь слишком много самостоятельности [в военно-политической сфере – авт.], это приведет к дублированию. Если ЕС будет слишком концентрироваться на отношениях с НАТО, нас будут рассматривать как слугу США. Я больше придерживаюсь точки зрения, высказанной Блэром. Он сказал, что ЕС не будет ни конкурентом, ни слугой США, а партнером. Вопрос в том, как сделать так, чтобы ЕС использовал силы и средства НАТО, а НАТО *не использовал* [курсив мой – авт.] силы и средства ЕС»⁴⁷⁹.

Трудно сказать, насколько подобная точка зрения была распространена среди европейских руководителей. Возможно, эта позиция являлась относительно маргинальной и отражала лишь мнение представителя

---

⁴⁷⁸ Solana J. Summary of the remarks by Javier Solana, EU High Representative for the Common Foreign and Security Policy, at the Informal Meeting of Defence Ministers, Brussels, 5 - 6 April 2004. // European defence: core documents. Vol. V. Chaillot Paper 75, Paris – February 2005. P. 44.

⁴⁷⁹ Dempsey J. EU-led forces “could intervene” in Sudan conflict. Financial Times, April 12, 2004.

страны, которая никогда не была членом НАТО. Однако есть вероятность, что в данном случае Г. Хегглунд со свойственным кадровым военным прямотушием высказал те мысли, которые разделяли, но не афишировали и многие другие чиновники из структур Евросоюза. Это подтверждают и приведенные выше слова другого чиновника ЕС о «мытье посуды» для США. Большую роль здесь играла свойственная бюрократиям психологическая логика, когда корпоративные интересы своей организации начинают преобладать над другими соображениями. Отношения между НАТО и ЕС, структурам, большинство членов которых входит в обе из них, и, тем не менее, взаимодействие между которыми с трудом осуществляется с административной точки зрения, являются хорошим примером такого бюрократического образа мышления.

Через две недели после встречи министров ЕС в ноябре 2004 г. помощник госсекретаря США по военно-политическим вопросам Л. Блумфилд на конференции по оборонным проблемам, состоявшейся в Лондоне заявил о готовности США к тому, что Европа «полностью возьмет на себя свою часть» ответственности за «глобальную безопасность». Он также заявил, что администрация Буша выступает за многосторонний подход к решению международных проблем, и единственным вопросом в этой связи оставалась лишь «готовность и способность Европы взять на себя свою часть военной ноши»⁴⁸⁰. Эта весьма характерная для чиновника администрации Дж. Буша фраза отчетливо демонстрирует, что с точки зрения Вашингтона процесс решения международных проблем был связан исключительно с военными действиями, а «многосторонний подход» в данном контексте заключался в перекладывании на плечи союзников материальной ответственности за решения американского руководства.

Кроме того, Л. Блумфилд заявил, что в последнее время в США растет убежденность, что эта страна «не в состоянии иметь дело со всеми проблемами в сфере безопасности в мире» без помощи и поддержки других

---

⁴⁸⁰ Strange H. K. U.S. Welcomes EU share in security burden. The Washington Times, December 6, 2004.

держав. Поэтому, по его словам, европейский опыт может сильно пригодиться для стабилизации таких регионов, как Балканы, Африка и Ближний Восток⁴⁸¹.

В целом можно заключить, что это выступление было ярким отражением того американского подхода к европейским оборонным структурам, против которого публично высказывался даже такой близкий союзник США, как Т. Блэр, а именно – использование этих структур в качестве служебных по отношению к НАТО и Соединенным Штатам.

Тем не менее, необходимо отметить, что общее отношение США к проекту формирования «боевых групп» было сдержанно позитивным, особенно на фоне болезненной реакции Вашингтона, имевшей место в 2003 г., на события в сфере ЕПБО. Причины такой смены подхода, как представляется, кроются в нескольких обстоятельствах.

Во-первых, создание данных европейских подразделений вполне соответствовало давним настойчивым пожеланиям со стороны американской администрации в адрес европейцев уделять больше внимания вопросам реального усиления европейских вооруженных сил, при условии сохранения стратегической главенствующей роли Соединенных Штатов. Создание «боевых групп» представлялось практическим мероприятием, то есть служило ответом на ставшие традиционными упреки Вашингтона в том, что ЕС в сфере ЕПБО занимается не реальными делами, а в основном разработкой концепций, которые не способны привести к осязаемым позитивным результатам, зато способны разрушить НАТО.

Во-вторых, масштаб планируемых подразделений был сравнительно скромным, и, таким образом, идея «боевых групп» представлялась значительно менее амбициозной по сравнению, в частности, с прежним проектом «Европейских сил быстрого реагирования» (этот проект являлся главной составной частью концепции «Головная цель-2003» (Headline Goal 2003) – см. выше) численностью 60 тыс. человек.

---

⁴⁸¹ Ibidem.

Уместно пояснить, что после начала обсуждения проекта «боевых групп» прежняя концепция развития европейских сил до 2003 г. «Головная цель-2003» явочным порядком потеряла актуальность. В ежегоднике СИПРИ за 2005 г. отмечалось, что хотя «боевые группы» и не отменяли проект 60-тысячных Европейских сил быстрого реагирования (ЕСБР), создававшихся в рамках «Головной цели-2003», данная программа ЕС, «судя по всему, была тихо отложена на полку», несмотря на то, что в 2003 г. ЕСБР были официально объявлены боеготовыми⁴⁸².

В свою очередь, проект «боевых групп» должен был стать основой нового европейского плана военного строительства – «Головная цель-2010», – как это было предложено еще на встрече Т. Блэра и Ж. Ширака в ноябре 2003 г. Таким образом, с точки зрения формальной оценки программа создания группировки в 60 тыс. солдат была заменена менее масштабным планом, в котором общая численность войск даже не была окончательно ясна. При этом новый, более скромный план еще предстояло реализовать на практике.

Помимо этого, предложение о создании «боевых групп» было выдвинуто лишь после того, как в октябре 2003 г. первые структуры схожего по замыслу натовского проекта Сил быстрого реагирования НАТО (NATO Response Force) были официально объявлены сформированными. Из этого следует, что с самого момента появления идеи «боевых групп» европейские лидеры, вероятнее всего, по настоянию Великобритании предприняли меры для того, чтобы США не усмотрели конкуренции между двумя этими структурами, подобно тому, как ранее Вашингтон усмотрел конкуренцию между штабами НАТО и ЕС.

Насколько этот аспект был важен для США, можно понять из высказываний американского представителя при НАТО Н. Бернса в ходе его беседы с высокопоставленными сотрудниками финских министерств

---

⁴⁸² Dunay P., Lachowski Z. Euro-Atlantic security and institutions// SIPRI Yearbook 2005. Armaments, Disarmament and International Security. Oxford, 2005. P. 66.

обороны и иностранных дел 29-30 ноября 2004 г.⁴⁸³ Н. Бернс заявил: США «приветствуют формирование «боевых групп», если они позволят Европе быть более искусной и умелой. Но если они начнут подрывать позиции Сил быстрого реагирования НАТО... – это приведет к проблемам». Н. Бернс также заявил, что США будут поддерживать концепцию «боевых групп» до тех пор, пока они будут соответствовать соглашениям «Берлин Плюс» и не будут вступать в конфликт с ресурсными потребностями НАТО.

Впрочем, вскоре в Вашингтоне пришли к уверенности, что «боевые группы» ЕС вполне соответствовали договоренностям «Берлин Плюс», о чем, в частности, сообщил в Сенате США посол Э. Эделман в ходе процедуры его утверждения в должности заместителя главы Пентагона по политическим вопросам 29 июня 2005 г.⁴⁸⁴

Судя по всему, на позицию американской администрации определенное влияние оказывала президентская избирательная кампания 2004 г. в США. Внешнеполитическая тематика занимала в ней необычно важное место, причем одним из главных вопросов были отношения Вашингтона с европейскими союзниками. Это было связано с тем, что претендент на пост президента от Демократической партии сенатор Дж. Керри объявил, что намерен решить проблему войны в Ираке и сравнительно быстро вывести оттуда американские войска. Для реализации этого плана он предполагал кардинальным образом улучшить отношения с европейскими союзниками для того, чтобы они предоставили Соединенным Штатам дипломатическую и военную помощь, необходимую для осуществления задуманного. В связи с этим критика со стороны демократов в том духе, что республиканцы испортили отношения с европейскими союзниками, стала одной из главных тем кампании. В этой ситуации администрации Дж. Буша

---

⁴⁸³ Отчет о встрече, составленный в посольстве США в Финляндии, был опубликован на сайте Викиликс. См.: NATO Ambassador Burns' Visit to Helsinki. December 16, 2004. URL: https://wikileaks.org/plusd/cables/04HELSINKI1571_a.html

⁴⁸⁴ Nominations before the Senate Armed Services Committee, First Session, 109th Congress, February 15, 17; March 15; April 19, 21; June 29; July 28; October 6, 25, 27, 2005. S. HRG. 109–847, Washington, 2007. P. 426. URL: <https://www.gpo.gov/fdsys/pkg/CHRG-109shrg34348/pdf/CHRG-109shrg34348.pdf>

было сложнее оказывать такое же давление на европейцев, как это было в 2003 г. Если бы представители администрации организовали в 2004 г. нечто подобное прошлогодним демаршам посла Н. Бернса в НАТО, это, несомненно, дало бы в распоряжение демократической партии сильные аргументы для обвинений в адрес республиканцев, чего последние, помня об итогах кампании 2000 г.⁴⁸⁵, не могли позволить.

Но, разумеется, внутривнутриполитические обстоятельства не были главным фактором в формировании подходов Вашингтона к очередному этапу европейской военно-политической интеграции в 2004 г. В конечном счете, отношения с европейскими союзниками имеют для американской администрации важнейшее самостоятельное значение. Дальнейшее продолжение использования политики такого же жесткого негативного прессинга в адрес все новых попыток практической реализации ЕПБО, было чревато дальнейшим ухудшением трансатлантических отношений, которые только начинали выходить из глубокого кризиса после нападения США на Ирак. А как показал опыт дипломатического противостояния первой половины 2003 г., такое ухудшение грозило полным параличом НАТО и трансатлантических отношений в целом, было совсем не в американских интересах. Это становилось тем более очевидным на фоне стремительного роста затрат со стороны Вашингтона в рамках затянувшихся иракской и афганской кампаний.

Наконец, еще одним фактором, повлиявшим на формирование подобной «равнодушной» точки зрения США, была позиция Великобритании, которая сыграла такую же роль, как и в ходе дискуссии вокруг европейского штаба в предыдущем году. Газета «Вашингтон Таймс» в связи с принятием решения о создании «боевых групп» отмечала: «Сообщают, что президент Дж. Буш первоначально испытывал сомнения по вопросу о развитии европейских оборонных сил, однако, после заверений со

---

⁴⁸⁵ Когда кандидат от демократов А. Гор получил на несколько сотен тысяч голосов избирателей больше, чем республиканец Дж. Буш-мл., и проиграл только по причине особенностей американской избирательной системы.

стороны премьер-министра Т. Блэра о том, что эти силы не будут входить в противоречие в НАТО, Дж. Буш поддержал это предложение»⁴⁸⁶.

Действительно, учитывая тот факт, что Великобритания закрепила за собой важную роль в проекте создания боевых групп, а также, что решение об их применении должно будет приниматься всеми членами ЕС единогласно, США не было смысла опасаться конкуренции со стороны этих сил, по крайней мере, на первом этапе. Правда, и использование «боевых групп» в качестве поддержки тех или иных американских акций было очевидно проблематичным.

Однако у США уже был подобный опыт, и не только в Афганистане, но и в Боснии, где 2 декабря 2004 г. состоялась официальная передача ответственности за дальнейшее проведение миротворческой операции от НАТО к ЕС. Также ЕС были переданы полномочия на поимку «военных преступников» на территории Боснии, на чем ранее настаивали европейские представители. Но, несмотря на то, что командование операцией возглавили британские генералы, НАТО все-таки не стала полностью доверять дальнейший ход событий руководству ЕС, и, видимо, для дополнительного контроля за ситуацией, в Сараево осталось подразделение Североатлантического альянса численностью около 300 человек⁴⁸⁷.

Основным позитивным моментом для США в этом событии была открывшаяся возможность вывести из Боснии около 1 тыс. своих солдат, которых заменили в основном финские военнослужащие. Однако и ЕС смог отработать самостоятельную процедуру использования объединенных сил под своим командованием. Как было отмечено в одной из боснийских газет: «Все выглядит так, будто Боснию используют в качестве полигона для испытаний армии ЕС»⁴⁸⁸.

---

⁴⁸⁶ Strange H. K. U.S. Welcomes EU share in security burden. The Washington Times, December 6, 2004.

⁴⁸⁷ Bowle G., Wood. N. EU force set to take over in Bosnia. International Herald Tribune, December 2, 2004.

⁴⁸⁸ Ibidem.

3.3. Дальнейшая эволюция ЕПБО и исчезновение конфликтного потенциала в военно-политическом дискурсе США – ЕС (2004–2009 гг.)

Реакция США на развитие проекта «боевых групп» продемонстрировала, что острота разногласий между США и европейскими странами – основными инициаторами ЕПБО в целом снизилась, хотя сами эти разногласия окончательно не исчезли. Прежде всего, они заключались в том, что многие представители Соединенных Штатов продолжали подозревать ЕПБО в способности и намерении оспорить роль НАТО в качестве главенствующего военно-политического института на евроатлантическом пространстве, тем самым, подорвав основу политического влияния США в Европе. Такой подход играл весьма существенную роль в течение большей части правления обеих администраций Дж. Буша-мл.⁴⁸⁹ Например, в 2005 г. он даже привел к ситуации, когда структуры НАТО и ЕПБО вступили в своеобразную конкуренцию перед лицом Африканского союза в таком вопросе, как обеспечение его миротворческих операций в суданской провинции Дарфур. В результате, несмотря на наличие формальных механизмов взаимодействия между НАТО и ЕПБО, эти две организации создали две отдельные параллельные структуры авиатранспортной поддержки подразделений Африканского союза, возложив на последний ответственность за скоординированное использование этих структур⁴⁹⁰.

Другим обстоятельством, которое, проявившись в середине 2000-х гг., было, с одной стороны, следствием указанной психологической атмосферы в трансатлантических отношениях вокруг ЕПБО, а с другой – напрямую влияло на отношения ЕПБО и НАТО, стало новое вмешательство Турции в процесс взаимодействия этих организаций. Турция, в ответ на присоединение Кипра к ЕС в 2004 г. потребовала, чтобы из диалога между НАТО и ЕС по

---

⁴⁸⁹ Burwell F. G. et al. Transatlantic Transformation: Building a NATO - EU Security Architecture. Atlantic Council of the United States, March 2006. P. 21. URL:

http://www.atlanticcouncil.org/images/files/publication_pdfs/1/0603-Transatlantic_Transformation_0.pdf

⁴⁹⁰ Ibid. P. 14.

военно-политическим вопросам (на уровне главных военно-политических органов - соответственно, Совета НАТО и Комитета по вопросам политики и безопасности (КПБ) ЕС) были исключены те страны Евросоюза, которые не являлись ни членами НАТО, ни членами натовской программы «Партнерство ради мира» (ПРМ). Из всех стран ЕС под эти критерии попадали лишь Кипр и Мальта. При этом сама же Турция являлась единственной страной НАТО, которая возражала против присоединения Кипра к ПРМ. Со своей стороны ЕС, также заняв принципиальную позицию, отстаивал ту точку зрения, что в военно-политическом диалоге с НАТО должны участвовать все страны Евросоюза. В результате, формальное двустороннее обсуждение этого круга вопросов между двумя НАТО и ЕС ограничивалось лишь проблемами Боснии, где при поддержке НАТО миссия ЕПБО начала свою деятельность на основе предыдущей натовской структуры SFOR еще до вступления Кипра в ЕС и возникновения всей этой ситуации⁴⁹¹. По этим же причинам формально был ограничен и обмен секретной информацией между НАТО и ЕПБО, причем это касалось, например, операций в Афганистане⁴⁹². Ситуация стала практически аналогичной той, что была в период блокирования Турцией соглашения «Берлин Плюс».

Разумеется, США не имели прямого отношения ни к проблемам кипрского урегулирования, ни к сложному взаимодействию Турции и ЕС. Однако со своей стороны Вашингтон не предпринял никаких попыток повлиять на турецкую позицию с целью разблокировать диалог НАТО и ЕПБО. Таким образом, формальное взаимодействие этих двух институтов оставалось заложником кипрской проблемы и, в какой-то степени, стремления Турции стать членом ЕС. Можно лишь предположить, что в случае, если США бы сочли полезным подключение ЕПБО к

---

⁴⁹¹ Archick K., Gallis P. NATO and the European Union. Congressional Research Service. Report RL32342. Washington, D.C. Updated January 29, 2008. P. 17;

Burwell F. G. et al. Op. cit. P. 25.

⁴⁹² В этой стране с 2007 г. действует полицейская миссия Евросоюза, см.: Morelli V., Belkin P. NATO in Afghanistan: A Test of the Transatlantic Alliance. Congressional Research Service, Report RL 33627, Washington, D.C. December 3, 2009. P. 30.

институциональному сотрудничеству с НАТО, они еще в 2004 г. предприняли бы усилия для устранения этого неуместного препятствия.

Со своей стороны ЕПБО в середине 2000-х гг. также не смогла продемонстрировать особенно примечательных успехов на международной арене. Был предпринят целый ряд операций, но они были весьма небольшими по масштабам, особенно в сравнении с натовскими, и отличались большей направленностью на решение вопросов полицейского поддержания порядка и гражданского администрирования в кризисных точках. К 2009 г. в рамках ЕПБО Евросоюз предпринял в общей сложности 22 операции. В основном они проводились в Африке⁴⁹³ и в бывшей Югославии. Остальные места европейского вмешательства включали в себя: Афганистан, Грузию, Палестину и провинцию Ачех в Индонезии. Операции были далеко не одинаковыми по масштабу, число задействованного персонала различалось от 15 человек (в Гвинее-Бисау) до 7 тыс. (в Боснии). При этом только шесть из указанных операций были военными, остальные являлись полицейскими, пограничными, мониторинговыми и т.д.⁴⁹⁴ Можно резюмировать, что операции ЕПБО представляли и продолжают представлять собой по большей части нечто среднее между операциями ООН и НАТО, причем основная их часть задачами и характером реализации намного более схожа с ооновскими, чем с натовскими международными акциями.

Эту оценку разделяют и американские представители. Так, Д. Армитадж, сотрудник Отдела анализа Европы (Office of Analysis for Europe), действующего в рамках Бюро по делам разведки и исследований Госдепартамента, отмечал в 2009 г.: «По мере того, как ЕПБО воплощалась на практике, направленность ее операций сместилась с первоначального акцента на военное измерение и оборону в пользу более мягкого миротворчества в стиле ООН. Гражданские миссии составляют основную

---

⁴⁹³ Только в Демократической Республике Конго было предпринято пять операций.

⁴⁹⁴ Menon A. Empowering paradise? The ESDP at ten. *International Affairs*, №2, 2009. P. 229.

часть операций ЕПБО, хотя в качестве первоначальной цели отчетливо было заявлено развитие и увеличение европейских *военных* возможностей»⁴⁹⁵ (курсив сохранен).

Однако и в этих небольших по масштабу операциях, страны ЕС не всегда были способны использовать институциональные возможности ЕПБО. В частности, европейская реакция на обострение внутривосточной обстановки в Ливане в 2006 г. выразилась в отправке войск ряда стран ЕС в эту страну под эгидой ООН, а не в форме собственной операции⁴⁹⁶.

В качестве иллюстрации развития (а точнее – отсутствия развития) европейских военно-политических возможностей лучшим примером является судьба проекта «боевых групп», возникновение которого было рассмотрено в предыдущей главе. 1 января 2007 г. было официально объявлено, что система поочередного заступления на боевое дежурство этих подразделений достигла полной готовности⁴⁹⁷. Однако ни к тому времени, ни позже «боевые группы» так ни разу и не были использованы в операциях ЕС. Например, в 2013 г. Франция предложила отправить на первую операцию такую группу в Центрально-Африканскую Республику, однако эта идея была заблокирована Великобританией, поскольку ее правительство, якобы, не хотело раздражать британских европессимистов⁴⁹⁸.

Таким образом, те планы формирования военных подразделений, которые были центром обсуждения как в Европе, так и в трансатлантических дискуссиях вокруг ЕПБО, так и не дали никакого практического результата, хотя официально были объявлены полностью выполненными. В связи с этим Дж. Демпси, британская сотрудница аналитической структуры «Фонд Карнеги», долгое время освещавшая военно-политические темы, в том числе

---

⁴⁹⁵ D. Armitage. Soft Power in Hard Times: An American Perspective of ESDP after a Decade. Paper presented at the European Union Studies Association Conference, April 23–26, 2009, Los Angeles, CA. URL: http://www.unc.edu/euce/eusa2009/papers/armitage_10J.pdf

⁴⁹⁶ Dunay P., Lachowski Z. Euro-Atlantic security and institutions. // SIPRI Yearbook 2007. Armaments, Disarmament and International Security. Oxford, 2007. P. 37.

⁴⁹⁷ Common Security and Defence Policy. EU Battlegroups. Updated: April 2013. P. 1. URL: https://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_data/docs/pressdata/en/esdp/91624.pdf

⁴⁹⁸ Dempsey J. The Depressing Saga of Europe's Battle Groups. Judy Dempsey's Strategic Europe, Carnegie Europe, December 19, 2013. URL: <http://carnegieeurope.eu/2013/12/19/depessing-saga-of-europe-s-battle-groups>

ЕПБО, в качестве журналиста газеты «Файненшиал Таймс», в 2013 г. пришла к следующему заключению: «Эта концепция [«боевых групп» – авт.] уже сама была результатом радикального сокращения первоначальных Франко-британских оборонных планов для Европы. Помните саммит в Сен-Мало в 1998 г.? Именно там Т. Блэр и Ж. Ширак объявили о «Головных целях» для европейской обороны⁴⁹⁹. Они хотели, чтобы Европа имела в своем распоряжении не менее 60 тыс. солдат для миротворческих и других миссий. Из «Головных целей» ничего не получилось, кроме намного более скромной идеи «боевых групп». А теперь, кажется, и из «боевых групп» тоже ничего не получилось»⁵⁰⁰.

В результате сложилась ситуация, когда прежние американские опасения, что развитие ЕПБО приведет к подрыву позиций НАТО в качестве главного военно-политического союза трансатлантического сообщества, довольно быстро рассеялись в силу самой неспособности ЕПБО предпринять какие-либо шаги, ставящие под сомнение исключительные военные возможности Североатлантического альянса. В этом контексте Д. Армитадж отмечал: «Американские официальные лица, волновавшиеся, что ЕПБО каким-либо образом будет конкурировать с НАТО, успокоились, так как становилось слишком очевидно, что ЕПБО и близко не соответствовал американским военным возможностям. С другой стороны, если европейские военные направляли свои усилия на миротворчество, то в любой ситуации, где требовались существенные военные возможности или способность вести боевые действия, инициатива переходила к американцам (или к небольшим коалициям государств)»⁵⁰¹.

Со своей стороны, США оказались в ситуации, когда их военные, политические и экономические ресурсы во все большей степени поглощались операциями в Ираке и Афганистане, не оставляя возможностей

---

⁴⁹⁹ В действительности, первая «Головная цель» была официально объявлена годом позже, в декабре 1999 г. Но как мы видели, это произошло в рамках процесса, начатого в Сен-Мало.

⁵⁰⁰ Dempsey J. The Depressing Saga of Europe's Battle Groups. Judy Dempsey's Strategic Europe, Carnegie Europe, December 19, 2013. URL: <http://carnegieeurope.eu/2013/12/19/depressing-saga-of-europe-s-battle-groups>

⁵⁰¹ Armitage D. Op. cit. P. 9.

для направления военно-политической активности на другие внешнеполитические направления. В этих условиях опасения конкуренции со стороны европейских структур в отношении НАТО все более теряли смысл. Как отмечал в упомянутой работе Д. Армитадж, «американцы сконцентрировались на Ираке и Афганистане и были в какой-то степени удовлетворены тем, что ЕС преследовал свои цели в Африке южнее Сахары, в небольших операциях в различных конфликтных приграничных районах, на палестинских территориях, а также продолжал обеспечивать безопасность на Балканах»⁵⁰².

Некоторые изменения в эту ситуацию привнес приход к власти во Франции в мае 2007 г. президента Н. Саркози. Практически сразу после этого он поставил вопрос о необходимости возвращения Франции к участию в деятельности объединенных командных структур НАТО, из которых она вышла еще в 1966 г. по инициативе президента Ш. де Голля.

В сентябре 2007 г. Саркози обнародовал два главных условия, которые он выдвинул для возвращения Франции в командные структуры НАТО: согласие США на развитие независимых европейских оборонных возможностей и усиление роли Франции в работе командных структур Североатлантического альянса «на высшем уровне». Как отметил Саркози, «я бы хотел сделать прогресс в вопросе европейской обороны условием для вхождения в объединенное командование, и я прошу наших американских друзей с пониманием отнестись к этому»⁵⁰³.

В ноябре 2007 г. Саркози выступил с речью перед палатами Конгресса США, в которой развернуто изложил свой подход к вопросу о развитии европейской обороны и об участии Франции в деятельности НАТО: «Мой подход является сугубо прагматическим. Учитывая уроки истории, я хочу, чтобы европейцы в предстоящие годы могли бы взять на себя *большую* ответственность за свою оборону. ... Все наши союзники, начиная с

---

⁵⁰² Ibid. P. 8.

⁵⁰³ Sciolino E., Smale A. Sarkozy, a Frenchman in a hurry, maps his path. The New York Times, September 24, 2007.

Соединенных Штатов, с которыми мы наиболее часто разделяем общие интересы и сталкиваемся с общими противниками, стратегически заинтересованы в существовании Европы, которая может подтвердить свой статус как сильный, надежный партнер в сфере безопасности. В то же время я бы хотел подчеркнуть мою приверженность НАТО. Я заявляю здесь, перед лицом конгресса: чем более успешными мы будем в вопросе создания европейской обороны, тем более решительно Франция будет настроена на возвращение себе полномасштабной роли в НАТО»⁵⁰⁴.

Эти заявления Саркози являлись информационным фоном для соответствующих переговоров военных и дипломатов. Со своей стороны США на публичном уровне продемонстрировали поддержку инициативе французского президента. Некоторые выступления представителей США по своему тону разительно отличались от речей американских дипломатов периода начала – середины 2000-х гг.

Например, 25 февраля 2008 г. посол Соединенных Штатов при НАТО В. Нуланд⁵⁰⁵ выступила в Лондоне с речью, где затронула проблемы взаимоотношений США и их европейских союзников. В. Нуланд перечислила многочисленные мировые проблемы, с которыми приходилось иметь дело Вашингтону, и отметила, что в ходе поиска партнеров по решению этих проблем, американские представители часто обращаются в первую очередь к Евросоюзу. «Мы всегда будем консультироваться на ранних стадиях с Лондоном и другими столицами государств-членов ЕС, но также, мы все больше обращаемся и к общеевропейским институтам». Далее американский посол перечислила успехи ЕС, которых, по ее мнению, он достиг в ходе осуществления своих операций за рубежом, прежде всего в сфере «мягкой безопасности» (soft security). Однако, по ее словам, если «способность ЕС для совместных действий в области «мягкой силы»

---

⁵⁰⁴ Sarkozy N. Renewing the French-American Alliance. November 07, 2007. URL: http://www.realclearpolitics.com/articles/2007/11/the_frenchamerican_alliance_is.html

⁵⁰⁵ Начиная с 2013 г., она стала известна как «публичное лицо» американской политики в ходе украинского кризиса.

укрепилась, наша общая трансатлантическая готовность к использованию жесткой [т.е. военной – авт.] силы объективно ослабла»⁵⁰⁶.

Далее В. Нуланд выступила с призывом, который можно было бы назвать беспрецедентным до тех пор признанием в ослаблении гегемонистских возможностей США, выявившемся в ходе азиатских военных кампаний. «Моя родная организация, НАТО, усваивает уроки в Афганистане. Поэтому я здесь, в Лондоне, хочу сказать, что Соединенные Штаты нуждаются, Великобритания нуждается, НАТО нуждается, демократический мир нуждается в более сильной, более дееспособной европейской оборонной структуре. ЕПБО, обладающая лишь «мягкой силой», не является достаточной». По ее словам ЕПБО, по инициативе британского правительства, должна сконцентрироваться на увеличении финансирования в таких сферах, как вертолеты, беспилотные летательные аппараты, спецназ, средства связи и т.д. Главный мотив поддержки этих усилий со стороны США заключался в том, что «американские и британские солдаты и гражданские служащие не могут далее продолжать нести столь существенную часть глобальной ответственности без более значительной помощи со стороны наших союзников и наших друзей».

Наконец, отвечая, по сути, на изложенные выше инициативы президента Франции Н. Саркози, В. Нуланд заявила: «Нам нужен более сильный ЕС, нам нужна более сильная НАТО, и если Афганистан чему-либо нас научил, нам нужны крепкие отношения между ними». Также она произнесла примечательную фразу о том, что «Европе нужно пространство для самостоятельных действий, а нам нужна Европа, которая способна и намерена действовать соответствующим образом [т.е. самостоятельно – авт.] на защите наших общих интересов и ценностей ... Нам нужно научиться планировать, тренироваться и действовать вместе, в то же время сохраняя автономию каждого института. Это касается не только действий в

---

⁵⁰⁶ Ambassador Victoria Nuland, United States Permanent Representative to the North Atlantic Treaty Organization (NATO) Speech at the London School of Economics, London, United Kingdom, February 25, 2008.
URL: http://www.lse.ac.uk/publicEvents/pdf/20080225_Nuland.pdf

Афганистане и Косово ..., это касается эффективных совместных действий в любой точке, куда нас могут призвать для поддержания безопасности и развития»⁵⁰⁷.

Согласно некоторым свидетельствам, президент США Дж. Буш в ходе своего выступления перед лидерами стран НАТО в апреле 2008 г. на саммите в Бухаресте, по сути, подтвердил тезисы В. Нуланд⁵⁰⁸.

Заявления В. Нуланд можно охарактеризовать как предложение новых условий для компромисса с европейскими странами – инициаторами развития ЕПБО, прежде всего с Францией. Суть этих условий выражалась в готовности США пойти на уступки в вопросе об автономии ЕС в военно-политической сфере, если эта самостоятельность будет использована для помощи США в ее военных усилиях в Афганистане и в других местах. Если ранее главной заботой Вашингтона в отношении ЕПБО было лишь обеспечить, чтобы европейские проекты не привели к уменьшению исключительной роли НАТО, то теперь США, в лице самого американского представителя при альянсе, заявляли о согласии предоставить ЕС «пространство для самостоятельных действий» в военно-политической сфере и даже о желательности того, чтобы ЕПБО стала классической военно-политической организацией, способной полномасштабно использовать военную силу.

При этом В. Нуланд сделала интересное замечание о том, что усиление военных возможностей ЕПБО должно происходить именно по британской инициативе. Эти слова можно было бы отчасти объяснить стремлением польстить британскому руководству (так как данная речь была произнесена именно в Британии). Но более существенным мотивом в данном случае, как представляется, было намерение американской

---

⁵⁰⁷ Ibidem.

⁵⁰⁸ Michel L. Getting to Oui: France's Return to NATO Can Complement EU Security. SPIEGEL ONLINE, June 12, 2008. URL: <http://www.spiegel.de/international/getting-to-oui-france-s-return-to-nato-can-complement-eu-security-a-559304.html>;

France's Normalization with NATO. France-NATO Panel, Atlantic Council of the United States, June 30, 2009. URL: <http://www.atlanticcouncil.org/news/transcripts/1297-francenato-panel-6-30-2009-transcript>

представительницы подчеркнуть, что причиной, по которой США решили выразить доверие перспективам военно-политического развития ЕПБО, была позиция Лондона.

По всей видимости, В. Нуланд этими словами в очередной раз хотела донести до сведения европейских лидеров, что американское одобрение инициатив по укреплению потенциала ЕПБО основывалось, помимо прочего, на той уверенности, что благодаря Великобритании эти инициативы не смогут приобрести антинатовской направленности.

Летом 2008 г. в СМИ появилась информация о том, в каких направлениях Н. Саркози предлагал дальнейшее развитие ЕПБО. Свои предложения он направил руководителям стран ЕС. Среди них были: создание постоянного штаба по планированию военных операций Евросоюза; общее финансирование этих операций Евросоюзом (а не отдельными странами), формирование общеевропейских подразделений военно-транспортной авиации и группировки военных спутников, создание европейского оборонного колледжа, а также развитие программ обмена для офицеров стран ЕС⁵⁰⁹.

Хотя предложение о создании постоянного европейского штаба имело особую историческую подоплеку, к лету 2008 г. отношение США к этим инициативам существенно изменилось. Как отмечала британская газета «Гардиан», в тот момент «Вашингтон на непубличном уровне оказывал давление на правительство Г. Брауна [премьер-министр Великобритании в то время – авт.], чтобы оно достигло соглашения с Парижем». Также, газета приводила слова высокопоставленного сотрудника министерства обороны Франции об отношении Соединенных Штатов и Великобритании к предложениям Н. Саркози: «США положительно настроены. Но сейчас ключом к позитивному решению является Великобритания»⁵¹⁰.

---

⁵⁰⁹ Traynor I., Wintour P. European HQ heads Sarkozy plan for greater military integration. The Guardian, June 7, 2008.

⁵¹⁰ Ibidem.

Из-за недостатка информации о деталях указанного переговорного процесса трудно сделать вывод о том, действительно ли проблема с принятием французских предложений по ЕПБО заключалась только в скептическом отношении Лондона к ним. Возможно, эта ситуация была воплощением на практике «особых отношений» между США и Великобританией, что в данном случае выразилось в довольно простом распределении дипломатических ролей, когда Вашингтон демонстрировал готовность пойти навстречу Н. Саркози, а Лондон проявлял неожиданную независимость в этих вопросах от мнения американских партнеров.

К октябрю 2008 г. Франции и Великобритании, судя по всему, удалось достичь принципиального соглашения. Британский министр обороны Дж. Хаттон, вступивший на этот пост накануне, заявил о поддержке предложений Н. Саркози: «Франция является одним из наших ближайших союзников, в военном смысле. Французы очень сильно убеждены в важности европейских военных структур. Если мы можем поддержать их в этом, то мы должны»⁵¹¹.

Каких-либо деталей этого компромисса обнародовано не было. Скорее всего, причиной этого было не стремление скрыть данные сведения, а понимание того обстоятельства, что какие-либо существенные шаги в направлении дальнейшего развития ЕПБО могли быть предприняты лишь после одобрения и вступления в силу нового общеевропейского конституционного законодательного акта, получившего название Лиссабонский договор. Незадолго до этого, 12 июня 2008 г., ратификация договора европейцами была поставлена под серьезное сомнение, после того, как референдум в Ирландии о вступлении договора в силу получил отрицательный результат. Очевидно, что европейские лидеры не намеревались отказываться от намерения добиться вступления этого документа в силу, что в итоге и произошло 1 декабря 2009 г. после повторного референдума в Ирландии. Однако в тот момент, осенью 2008 г., публичное обсуждение деталей развития ЕПБО выглядело бы

---

⁵¹¹ Oakeshott I. John Hutton backs European army. The Sunday Times, October 26, 2008.

преждевременными, и в частности, могло еще больше настроить жителей Ирландии, которая является нейтральной страной, против одобрения Лиссабонского договора.

Характер трансатлантических переговоров по взаимосвязанным вопросам возвращения Франции в интегрированную командную структуру НАТО с одной стороны, и согласия Соединенных Штатов на развитие структур ЕПБО, – с другой, отражают высказывания американского аналитика Д. Уилсона, который в период с декабря 2007 г. по январь 2009 г. занимал пост старшего директора по европейским делам в Совете по национальной безопасности США. По его словам, «это был закулисный, очень хорошо срежиссированный танец, если хотите, между Вашингтоном и Парижем в течение пары лет, и особенно между Елисейским дворцом и Белым домом, в котором особенно четко осознали, что нашей проблемой больше не была слишком сильная Европа, бросающая вызов, а, напротив, Европа слишком слабая для роли партнера»⁵¹².

Упоминание Д. Уилсоном резиденций глав обоих государств было призвано подчеркнуть, что решения по данному кругу вопросов рассматривались на самом высоком государственном уровне, а роль внешнеполитических ведомств была в большей степени технической.

Нельзя сказать, что в американских экспертных кругах инициативы Франции были восприняты с единодушным оптимизмом. Несмотря на то, что, как мы видели, предложения Н. Саркози нашли благоприятный отклик со стороны республиканской администрации, представители наиболее консервативного сегмента американского политического класса выступили против нового компромисса по вопросам НАТО и ЕПБО. Возможно, в наиболее четкой и развернутой форме эта позиция была выражена сотрудниками известного исследовательского учреждения «Фонд Наследие». Данному вопросу они посвятили аналитическую записку, озаглавленную

---

⁵¹² France's Normalization with NATO. France-NATO Panel, Atlantic Council of the United States, June 30, 2009. URL: <http://www.atlanticcouncil.org/news/transcripts/1297-francenato-panel-6-30-2009-transcript>

«США и Великобритания обязаны воспрепятствовать французским планам ослабления НАТО»⁵¹³.

В записке излагались аргументы против того, чтобы американское руководство пошла на «сделку» с Францией по указанным вопросам: «Если администрация Обамы согласится поддержать независимую оборонную структуру ЕС в качестве составной части французского плана по возвращению в объединенное командование НАТО, такая поддержка будет означать решительное изменение американского стратегического подхода, которое имело бы драматические, отрицательные последствия для будущего альянса. Оно сместит политический баланс сил в рамках НАТО от Вашингтона и Лондона в пользу главных центров силы в рамках Евросоюза: Парижа, Берлина и Брюсселя. Так и не добившись со стороны европейских стран увеличения расходов на оборону, оно спровоцирует еще большую психологическую зависимость континентальной Европы от ресурсов НАТО. Такое изменение также приведет к дублированию командных структур НАТО [аналогичными структурами ЕС – авт.], в то же время не удвоив ни сил, ни средств» в распоряжении евроатлантического сообщества.

Однако эта аргументация в сложившейся ситуации не могла найти широкую поддержку в американских политических кругах. Как мы видели, уже администрация Буша, которая в начале 2000-х гг. выступала жестким оппонентом европейских оборонных планов, ближе к концу десятилетия довольно охотно пошла навстречу новым инициативам в данной сфере, как только они были высказаны. В этом контексте трудно было ожидать от демократической администрации Обамы, пришедшей к власти 20 января 2009 г., что она примет решение воспрепятствовать воплощению уже достигнутых договоренностей с Францией, особенно учитывая сложившийся за новым руководством Белого дома образ правительства, настроенного на максимальное сотрудничество с Европой.

---

⁵¹³ Gardiner N., McNamara S. The U.S. and U.K. must oppose French plans to weaken NATO. WebMemo No. 2285, The Heritage Foundation, February 10, 2009. P. 3. URL: http://s3.amazonaws.com/thf_media/2009/pdf/wm2285.pdf

Преемственность политики обеих администраций в этом вопросе подтверждают, в частности, и слова упомянутого Д. Уилсона: «Весьма примечательно и важно, что этот вопрос [о договоренностях с Францией – авт.] был одним из главных, которыми мы занимались при переходе власти к администрации Обамы. Это была одна из первых тем, которой мы начали заниматься совместно с генералом Дж. Джонсом»⁵¹⁴, которого Б. Обама в декабре 2008 г. назначил своим будущим помощником по вопросам национальной безопасности.

Официально позицию новой администрации ясно выразил вице-президент Дж. Байден в своей речи на конференции по вопросам безопасности в Мюнхене 7 февраля 2009 г. Он заявил о полной поддержке полномасштабного участия Франции в деятельности НАТО со стороны президента Обамы, добавив, что это «усилит роль европейцев в рамках альянса». Кроме того, по словам Дж. Байдена, Белый дом «полностью поддержал дальнейшее усиление европейской обороны, углубленную роль Европейского союза в деле защиты мира и безопасности, фундаментальное укрепление партнерства НАТО и ЕС, а также более тесное сотрудничество с теми странами вне рамок Североатлантического альянса, которые разделяют наши общие цели и принципы»⁵¹⁵.

В результате, 4 апреля 2009 г., в ходе саммита НАТО в Страсбурге - Келе, Франция объявила о своем полномасштабном возвращении в объединенную командную структуру альянса. В качестве условия для такого шага французским военным был предоставлен ряд высоких должностей в этой структуре. В частности, французские представители получили две высшие генеральские должности (из семи, имеющих в командовании НАТО): пост командующего Союзным командованием по трансформации

---

⁵¹⁴ France's Normalization with NATO. France-NATO Panel, Atlantic Council of the United States, June 30, 2009. URL: <http://www.atlanticcouncil.org/news/transcripts/1297-francenato-panel-6-30-2009-transcript>

⁵¹⁵ Remarks by Vice President Biden at 45th Munich Conference on Security Policy, Hotel Bayerischer Hof, Munich, Germany. The White House, Office of the Vice President. February 7, 2009. URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/remarks-vice-president-biden-45th-munich-conference-security-policy>

(Allied Command on Transformation) со штабом в г. Норфолк, шт. Вирджиния, США, и Объединенное командование в Лиссабоне (Joint Command Lisbon). Обе указанные должности, до их передачи французским военным, занимали американские генералы⁵¹⁶.

Примечательно, что Объединенное командование в Лиссабоне отвечало, помимо прочего, за управление Силами быстрого реагирования НАТО, которые в первой половине 2000-х гг. выступали в роли «конкурента» сил ЕС. Теперь командование этой «альтернативой» было поручено французскому генералу.

При этом Франция заявила, что сохранит самостоятельность в принятии решений об отправке французских военнослужащих для участия в боевых операциях и не будет передавать свои войска под управление НАТО в мирное время. Также она сообщила о сохранении в полной мере национального контроля над своим ядерным арсеналом⁵¹⁷.

При вступлении Франции в объединенную командную структуру НАТО не было каких-либо сообщений о новых решениях в вопросе развития ЕПБО. Таким образом, хотя Н. Саркози увязывал два этих вопроса, и эта увязка нашла понимание у американской стороны, присоединение Франции не выглядело как сделка или размен позиций. С другой стороны, как уже отмечалось выше, на тот момент, до вступления в силу Лиссабонского договора, европейским политикам было трудно и тактически нецелесообразно публично формулировать планы по созданию интегрированных оборонных структур ЕС⁵¹⁸.

Поэтому следующим важным этапом в развитии трансатлантических отношений вокруг темы ЕПБО, стало одобрение европейцами и вступление в силу Лиссабонского договора, которое произошло 1 декабря 2009 г.

---

⁵¹⁶ Belkin P. France: Factors Shaping Foreign Policy, and Issues in U.S.-French Relations. Congressional Research Service, Report RL32464, Washington D.C., May 20, 2009. P. 12-13;

⁵¹⁷ Ghez J., Larrabee F. Stephen. France and NATO. // Survival. 2009. No 2. P. 80–81.

⁵¹⁸ Ibid., P. 84.

Весьма информативным для понимания подходов США к развитию ЕПБО и ко всему комплексу трансатлантических отношений в политической сфере являются материалы прошедших в палате представителей американского конгресса слушаний на тему «Лиссабонский договор: последствия для будущих отношений между Европейским союзом и Соединенными Штатами»⁵¹⁹. Слушания состоялись в подкомитете по делам Европы 15 декабря 2009 г., основным докладчиком был помощник госсекретаря по делам Европы и Евразии Ф. Гордон. Он подробно изложил позицию администрации Обамы не только по отношениям США и Европы в целом, но и к ЕПБО в отдельности. Кроме того, с точки зрения понимания подхода американского политического класса интерес представляют высказывания ряда аналитиков, выступавших на слушаниях, а также конгрессменов.

На слушаниях конгрессмены поставили ряд вопросов относительно роли Лиссабонского договора для дальнейшего развития трансатлантических отношений. В частности лидер республиканцев в подкомитете Э. Гэллегли заявил: «В конечном счете, целью Лиссабонского договора является рационализация процесса принятия решений в ЕС и превращение ЕС в более активного и сплоченного игрока в международных делах. У меня нет законченной точки зрения относительно того, будет ли договор выгодным для народов Европы». В то же время, с точки зрения США, по мнению Э. Гэллегли, возникают следующие вопросы: «Повредит ли каким-то образом ратификация договора нашим близким двусторонним отношениям в военной и разведывательной сферах, которые мы поддерживаем с некоторыми европейскими странами? Не осложнит ли новый договор для стран Европы сотрудничество с нами, особенно в регионах, подобных Афганистану?» Конгрессмен пояснил, что, прежде всего, имел в виду те положения договора, которые требуют от стран ЕС «перед тем, как предпринять международные

---

⁵¹⁹ The Lisbon Treaty: Implications for Future Relations between the European Union and the United States. Hearing before the Subcommittee on Europe of the Committee on Foreign Affairs, House of Representatives, December 15, 2009. Washington, D.C., 2010.

акции, проводить консультации, чтобы подтвердить, что эти акции соответствуют политике ЕС»⁵²⁰. По мнению конгрессмена, все это могло привести к блокированию со стороны ЕС ряда действий Великобритании, которые она может предпринять в качестве ближайшего американского союзника.

Представитель демократов Д. Скотт поставил вопрос об отношениях между обязательствами о взаимной обороне союзников по НАТО (согласно ст. 5 Вашингтонского договора) и теми условиями в Лиссабонском договоре, согласно которым страны ЕС должны проводить консультации в случае нападения на одну из них⁵²¹.

Со своей стороны Ф. Гордон в доступной форме рассказал о сути изменений, произошедших во внешнеполитическом сегменте аппарата Евросоюза в результате вступления договора в силу: об учреждении поста постоянного президента Европейского совета, о новой должности Высокого представителя ЕС по иностранным делам и политике безопасности, а также о создании новой Европейской службы внешних связей. По мнению Ф. Гордона, эти перемены «продолжат эволюцию Европейского союза к формированию более последовательной, понятной и эффективной внешней политики»⁵²².

Помощник госсекретаря также дал оценку изменений, которые Лиссабонский договор привнес в сферу ЕПБО: «ЕС продолжает двигаться в сторону реализации европейских намерений добиться того, чтобы ЕС играл такую же роль в дипломатии и обороне, которую он играет в торговле и экономике. Согласно договору, ЕПБО была переименована в Общую политику безопасности и обороны, ОПБО. Договор расширяет полномочия ЕС в сфере использования войск для урегулирования кризисов, миротворчества, поддержки третьих стран в деле борьбы с терроризмом на их территориях, а также в области координации оборонных усилий.

---

⁵²⁰ Ibid. P. 3-4.

⁵²¹ Ibid. P. 7.

⁵²² Ibid. P. 11.

Политика этой [американской – авт.] администрации заключается в поддержке усиления европейских оборонных возможностей. Мы считаем, что ОПБО может внести важный вклад в международную безопасность и стабильность. ... Вокруг имеется более чем достаточно работы, так что имеет смысл для обеих организаций [ЕС и НАТО – авт.] координировать их усилия, чтобы максимально эффективно использовать имеющиеся ограниченные ресурсы путем минимизации дублирования сил и средств, инфраструктуры и операций»⁵²³.

Эта фраза отражает существенное изменение американского подхода к европейской обороне. Ранее представители США, в частности еще госсекретарь М. Олбрайт, настаивали на необходимости избегать не только указанного «дублирования», но и отделения (de-coupling) европейского процесса принятия военно-политических решений от общенатовского⁵²⁴. Теперь представители новой демократической администрации уже вели речь о желательности избегать лишь «дублирования». Что касается независимого европейского подхода к принятию внешнеполитических решений (который теоретически мог привести к направлению европейских усилий не в тех направлениях, которые Вашингтон считал бы оптимальными), то здесь подход администрации Обамы отражало использованное Ф. Гордоном выражение о большом количестве «работы вокруг». Оно означало, что США были бы рады, если бы ЕС взял на себя ответственность хотя бы за часть из тех проблем, которые в Белом доме считали важными для трансатлантического сообщества. При этом американская администрация готова была оставить на усмотрение европейцев вопрос о том, какие именно проблемы они возьмут на себя и в какой последовательности.

Это понимание международного положения США отражает и следующее высказывание Ф. Гордона перед конгрессменами: «Всем нам очевидно, что Соединенные Штаты сталкиваются с пугающей массой

---

⁵²³ Ibid. P. 12.

⁵²⁴ Albright M. The right balance will secure NATO's future. Financial Times, December 7, 1998.

глобальных проблем, которые ни одна страна не способна решить самостоятельно. Решение целого ряда критически важных вопросов ... потребует работы в тесном сотрудничестве с нашими европейскими партнерами»⁵²⁵.

Рассуждая о последствиях изменений во внешнеполитическом сегменте ЕС, Ф. Гордон отметил, что «теоретически, хотя это еще не проверено на практике, ... теперь будет более понятно, кто выступает от имени европейцев по вопросам внешней политики». В то же время, с технической точки зрения процесс политического взаимодействия с ЕС «останется довольно запутанным»⁵²⁶.

Кроме того, весьма важным фактором стало то, что формирование «более последовательной внешней политики и назначение людей, ответственных за эту политику, поможет европейцам мыслить более стратегически и расширить свой кругозор...». Это в свою очередь, «усилит роль Европы на мировой арене и тем самым сделает трансатлантические отношения более сбалансированными, когда речь касается решения упомянутых крупных внешнеполитических проблем»⁵²⁷.

Эта оценка Ф. Гордона отражает сложившееся в среде американских дипломатов и аналитиков мнение, что одной из главных проблем взаимодействия США и европейцев на мировой арене является отсутствие у представителей ЕС глобального видения происходящего в мире и долгосрочной стратегии своих действий. В результате страны Евросоюза довольно сдержанно реагируют на попытки США проявить свою руководящую роль в евроатлантическом сообществе, но при этом и сами не имеют ясного представления о том, какую стратегию они считают целесообразной. Упомянутый выше аналитик Госдепартамента Д. Армитадж охарактеризовал эту ситуацию следующим образом: «Возможно, самая

---

⁵²⁵ The Lisbon Treaty: Implications for Future Relations between the European Union and the United States ... P. 12.

⁵²⁶ Ibid. P. 20.

⁵²⁷ Ibid. P. 21.

большая проблема Европы заключается в недостатке стратегического видения, то есть консенсуса среди стран-членов ЕС относительно того, что конкретно является целью ЕПБО. У ЕС есть слишком много руководителей, но не хватает твердого руководства. ... Проблема внешней политики ЕС состоит в ее идеализме. Идея, что Европа должна руководствоваться альтруизмом, а не национальными интересами, привела к тому, что ее участие в крупных внешнеполитических мероприятиях является символическим, без какой-либо твердой нацеленности на достижение поставленных целей. В результате, ЕС в большей степени движим желанием изобразить, что он что-то делает, чем реальным стремлением к могуществу»⁵²⁸.

Как видно, помощник госсекретаря Ф. Гордон довольно оптимистически оценивает способность Лиссабонского договора положительно повлиять на эту черту европейского внешнеполитического мышления.

В ходе слушаний Ф. Гордон изложил и видение администрацией возможных проблем, которые могут возникнуть в отношениях США, НАТО и ЕС: «Вопрос отношений между этими двумя организациями имеет весьма давнюю подоплеку. В прошлом, Соединенные Штаты, включая администрацию Клинтона, в которой я работал, были очень обеспокоены относительно потенциала для конкуренции и дублирования между ними. И эти сомнения продолжают существовать. ... Но мы уверены в том, что наши интересы в достаточной степени согласованы ..., чтобы мы могли избежать такого ненужного дублирования. И по сути, мы считаем выгодным для себя, если ЕС будет играть более существенную роль в мировой политике. ... Вместо того, чтобы беспокоиться, что каким-то образом ЕС собирается использовать военную силу в тех местах, где бы мы этого не хотели, намного более вероятно, что они помогут в стабилизации той или иной ситуации, для вмешательства в которую у нас не будет достаточно ресурсов или

---

⁵²⁸ D. Armitage, *Soft Power in Hard Times* ... P. 13 – 14.

политической воли»⁵²⁹. Д. Армитадж выразил примерно ту же мысль в более короткой и саркастической форме: «США больше беспокоит не то, что европейцы пойдут своим путем, а то, что они вообще никуда не пойдут»⁵³⁰.

В целом, позицию сторонников более позитивного подхода США к ОПБО, которые в настоящий момент приобрели решающее влияние в американском внешнеполитическом сообществе, можно резюмировать прозвучавшими на слушаниях словами аналитика К. Дорнфрид, вице-президента Фонда Маршалла "Германия – США" (The German Marshall Fund of the United States), которая заявила: «В этой столице [Вашингтоне – авт.] есть надежда, что Евросоюз теперь будет обращать внимание и за пределы Европы и результативно использует свои более эффективные управленческие структуры, чтобы помочь Соединенным Штатам справиться с тем множеством глобальных проблем, с которыми мы сталкиваемся»⁵³¹.

В феврале 2010 г. позицию США еще раз подтвердила госсекретарь Х. Клинтон, которая заявила: «В прошлом у Соединенных Штатов были сомнения относительно того, должно ли НАТО вступать в сотрудничество по вопросам безопасности с ЕС. И так, теперь это время прошло. Мы не рассматриваем ЕС в качестве конкурента НАТО, напротив, мы воспринимаем Европу как важнейшего партнера НАТО и США. Мы надеемся, что принятие Лиссабонского договора поможет нам в развитии этих отношений. И мы также рассчитываем работать совместно с ЕС, по мере того, как он будет развивать свою ОПБО, чтобы определить, как лучше мы можем поддерживать друг друга и ООН в решении проблем безопасности»⁵³².

---

⁵²⁹ The Lisbon Treaty: Implications for Future Relations between the European Union and the United States ... P. 22.

⁵³⁰ D. Armitage, *Soft Power in Hard Times* ... P. 10.

⁵³¹ The Lisbon Treaty: Implications for Future Relations between the European Union and the United States ... P. 31.

⁵³² Remarks at the NATO Strategic Concept Seminar. Hillary Rodham Clinton, Secretary of State. Ritz-Carlton Hotel, Washington, DC, February 22, 2010. URL:

<http://www.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2010/02/137118.htm>

В целом, можно прийти к выводу, что произошедшее изменение позиции США к европейской оборонной интеграции носит совершенно объективный характер. Во-первых, об этом свидетельствует полная преемственность подходов к данному вопросу администрации Буша в последние годы ее правления и администрации Обамы, хотя, как известно, республиканцы и демократы имеют весьма различающееся мнение по целому ряду других международных тем.

Во-вторых, пассивность самих европейцев в деле развития ЕПБО создала у американских политиков четкое впечатление, что амбиции ЕС в военно-политической сфере весьма ограничены. Причем в США пришли к выводу, что эта ограниченность даже вредна для самих американских интересов. Ведь в противном случае, учитывая существенную схожесть подходов Соединенных Штатов и их европейских союзников к основным международным проблемам (по сравнению с аналогичными подходами со стороны другим мировым центром силы), Вашингтон мог бы рассчитывать на более существенную помощь со стороны европейцев в реализации своих внешнеполитических задач.

Наконец еще одним, важнейшим, фактором стало усложняющееся международное положение самих Соединенных Штатов, о чем американские представители откровенно заявляли. В США вполне осознавали, что обилие проблем, с которыми сталкивалась их страна, не оставляло американскому руководству иного выбора, кроме как постараться позитивным подходом добиться поддержки или хотя бы благожелательного нейтралитета со стороны тех мировых центров силы, в отношении которых этого реалистично ожидать.

Заключение

В своей политической линии в отношении ЕПБО по мере ее эволюции Соединенные Штаты исходили из следующих своих интересов. В первую очередь, Вашингтон надеялся, что развитие ЕПБО приведет к увеличению военного потенциала европейских стран. Этот потенциал США рассчитывали поставить в распоряжение НАТО. Данный мотив был едва ли не единственным, который заставлял США соглашаться на развитие европейской военно-политической самостоятельности вне рамок НАТО.

Для того, чтобы иметь возможность воспользоваться потенциалом ЕПБО, Соединенным Штатам было необходимо поставить европейский оборонный проект в прочную институциональную зависимость от НАТО. Что было еще более важно, такая зависимость позволяла бы предотвращать негативные для США явления в развитии ЕПБО, что было вторым важнейшим мотивом в американской политике. К подобным явлениям можно отнести, прежде всего, вероятность создания европейского «кокуса»⁵³³ при обсуждении тех или иных вопросов на трансатлантическом уровне, или использование военных сил ЕС без согласования с США. В США опасались, что если в рамках Евросоюза будет сформирована своя, независимая площадка для обсуждения тех или иных военно-политических вопросов, то в рамках НАТО Вашингтону придется сталкиваться с заранее выработанной без американского участия единой европейской позицией, на которую США не смогут оказывать существенного влияния. В этом контексте для Вашингтона было принципиально важным, чтобы структуры ЕПБО не поставили под сомнение монополию НАТО в европейской военно-политической сфере.

В своей статье – реакции на соглашение в Сен-Мало – госсекретарь М. Олбрайт писала, что «НАТО должна остаться организацией суверенных

---

⁵³³ Данный термин в США означает собрание сторонников или членов какой-либо политической партии. Также используется для обозначения некой группы/фракции в партии или в Конгрессе.

союзников, где европейский процесс принятия решения не будет отцеплен (unhooked) от общего процесса принятия решений в альянсе»⁵³⁴. Безусловно, эта фраза, как и вся логика американской реакции на действия союзников по НАТО в тот момент, отражали глубокое недоверие со стороны Вашингтона к европейцам. В конечном счете, военно-политические союзы должны, в идеале, строиться на доверии между странами, их составляющими. Соединенные Штаты в данной ситуации продемонстрировали неполное доверие даже к своему ближайшему союзнику в Европе – Великобритании.

В этом контексте Вашингтон выдвигал принципиальное ограничение в отношении европейского оборонного проекта – отсутствие собственных структур оперативного планирования в распоряжении Евросоюза. США оправдывали это требование необходимостью избегать дублирования военных органов НАТО и ЕС, что могло привести к «распылению ресурсов» и т.п. Однако очевидно, что главным мотивом США в этом вопросе было стремление закрепить зависимость европейских сил от органов военного управления НАТО, которые, в свою очередь, были подконтрольны Вашингтону.

Система американского контроля над развитием ЕПБО носила комплексный характер и опиралась на ключевое содействие таких союзников США, как Великобритания и Турция.

Влияние Великобритании на развитие ЕПБО и трансатлантических дискуссий вокруг этого проекта носило особый характер. В силу исторических условий «холодной войны» абсолютное большинство вооруженных сил стран Западной Европы к концу 1990-х годов по-прежнему было нацелено на их использование в основном для обороны территории самих этих стран или их ближайших соседей по НАТО. Они не имели возможностей, технических и организационных, для того, чтобы проводить сколько-нибудь крупные операции на больших расстояниях от Европы. Исключение составляли Великобритания и Франция, причем

---

⁵³⁴ Albright M. The Right Balance Will Secure NATO's Future. Financial Times, December 7, 1998.

экспедиционные возможности британских ВС были наиболее развитыми: очевидные географические и исторические причины, многовековой опыт проведения заморских операций привели к формированию в британских вооруженных силах не только соответствующих войсковых структур, обладающих необходимыми техническими средствами, но и к выработке, так сказать, «экспедиционной» культуры военного мышления. В связи с этим, было ясно, что без участия Великобритании автономные европейские оборонные структуры и возможности, даже в случае их создания, во-первых, оказались бы лишь призрачной тенью аналогичных американских сил и средств⁵³⁵, а во-вторых, в этих европейских структурах неизбежно доминировала бы Франция. Подобная перспектива неминуемо привела бы к появлению разногласий и напряженности между Парижем и другими потенциальными участниками оборонного проекта. В свою очередь, участие Великобритании не только придавало идее европейской оборонной автономии большой авторитет и военную состоятельность, но и делало этот проект политически более сбалансированным с точки зрения других европейских стран. Все это приводило к тому, что без участия Великобритании проект ЕПБО всерьез не рассматривался в Париже и других европейских столицах.

Британское руководство во главе с премьер-министром Т. Блэром активно использовало эту ситуацию для того, чтобы занять позицию, когда его мнение было бы особенно значимо и для США, и для «континентальных европейцев». Т. Блэр откровенно заявлял, что Британии не выгодно делать политический выбор между тем или иным берегом Атлантики, ей необходимо стать «мостом» между ними и воспользоваться всеми преимуществами этого положения.

---

⁵³⁵ Вооруженные силы США используются почти исключительно для действий на больших расстояниях от американской территории. Схожесть задач военного строительства США и Великобритании на протяжении многих десятилетий является одним из существенных факторов сближения военно-политических и стратегических культур этих государств.

В отношении ЕПБО Великобритания неизменно выдвигала условие о том, что все этапы в развитии этой европейской политики должны быть согласованы с НАТО. Это требование и являлось главной гарантией контроля со стороны США посредством натовских структур за ходом развития ЕПБО. Как отмечал в 2006 г. эксперт «Корпорации РЭНД» С. Ларраби, «британская поддержка ЕПБО действует в качестве фактора, сдерживающего французские амбиции, и гарантирует, что ЕПБО не будет направлена в антиамериканском или антинатовском направлении»⁵³⁶.

Однако Вашингтон, стремясь максимально надежно контролировать европейский оборонный проект, активно требовал формально-юридического закрепления институциональной связи между ЕПБО и НАТО. Со своей стороны, Франция настойчиво сопротивлялась этому требованию. Его нельзя было полностью игнорировать, так как помимо того, что его поддерживала Великобритания, установление бюрократических отношений с НАТО позволяло использовать ряд натовских ресурсов в операциях ЕПБО. При этом Евросоюз в принципе не мог создать некоторые из этих ресурсов для самостоятельного использования. Речь шла о коалиционных штабах оперативно-стратегического уровня, которые имелись в распоряжении у НАТО, и против создания которых в рамках структур ЕС решительно возражали и Вашингтон, и Лондон. Это было еще одно ключевое средство сохранения безусловного примата НАТО над ЕПБО.

В этих условиях европейские сторонники максимальной самостоятельности⁵³⁷ (прежде всего, Франция, которую поддерживали Германия, Бельгия и Люксембург) стремились если не исключить полностью, то максимально ослабить бюрократические механизмы подчиненности ЕПБО Североатлантическому альянсу. На данном этапе в поддержку позиции США решительно выступала Турция. К тому времени накопились многочисленные

---

⁵³⁶ Larrabee F. S. The United States and the European Security and Defense Policy: Old Fears and New Approaches. // Strategic Yearbook 2006, European Security and Defence Policy: A European Challenge. Swedish National Defence College. P. 173. URL: http://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/reprints/2006/RAND_RP1232.pdf

⁵³⁷ В англоязычной литературе за ними закрепилось прозвище «евро-голлисты».

разногласия как в вопросе о присоединении Турции к ЕС, так и по линии греко-турецких отношений. В этих условиях Турция начала требовать максимально возможного допуска стран НАТО – не членов ЕС к процедурным механизмам ЕПБО. Когда Евросоюз отказался пойти навстречу этим требованиям в должной (с турецкой, а по сути, и с американской, точки зрения) мере, Анкара на два года, с 2000 г. по 2002 г., заблокировала в рамках натовских процедур подписание соответствующих соглашений между ЕС и НАТО, получивших условное название «Берлин Плюс». В течение этого времени развитие ЕПБО было остановлено, так как Великобритания, со своей стороны, отказывалась давать согласие на начало самостоятельных операций ЕС без урегулирования отношений с НАТО, то есть с Турцией.

Открытым остается вопрос, осуществлялась ли прямая дипломатическая координация политики между Вашингтоном и Анкарой, однако эмпирический анализ последовательности событий показывает, что согласование действий и позиций, скорее всего, имело место. Таким образом, можно говорить о наличии, как минимум, ситуативного альянса между США и Турцией в вопросе совместного воздействия на формирование ЕПБО.

В свою очередь в 2003 г. Франция, Германия, Бельгия и Люксембург на фоне противостояния с Соединенными Штатами по иракскому вопросу попытались привлечь другие страны ЕС к идее создания независимого штаба сил Евросоюза. По сути, это являлось своего рода «последней попыткой» преодолеть американскую систему «сдержек и противовесов», столь эффективно ограничившую ЕПБО. В США вполне серьезно восприняли этот порыв. В декабре 2003 г. Д. Рамсфельд с разочарованием говорил журналистам: «...Кажется, только вчера соглашение «Берлин Плюс» было оформлено после четырех с половиной лет усилий. Я вроде как вздохнул с облегчением и сказал “Отлично, все неплохо”. Оно [соглашение-авт.] не добавляло сил и средств, но это был вполне разумный подход, и он был достигнут после острых переговоров. А теперь что – восемь, девять, десять, двенадцать месяцев спустя у нас опять повторение того, что уже было».

Тогда же Д. Рамсфельд заявил, что вопрос ЕПБО «будет влиять на НАТО на протяжении десятилетий»⁵³⁸. В стремлении нейтрализовать активность Франции и Германии, продемонстрировать им слабость их положения, Вашингтон зимой 2003 – 2004 гг. предпринял скоординированное дипломатическое наступление, заключающееся в предъявлении французским и германским руководителям комплекса ультиматумов в тех сферах, где эти страны зависели от США.

Для самих Соединенных Штатов период первой половины 2000-х гг. отмечен резким смещением внешнеполитических акцентов. После терактов 2001 г. внимание американского руководства было прочно приковано к региону Ближнего и Среднего Востока в связи с объявленной Вашингтоном «Глобальной войной с терроризмом». Активно развивались американские военные кампании в Ираке и Афганистане. Поэтому европейские демарши 2003 г. были особенно неуместны для США. Они не могли не вызвать того раздражения и разочарования в Вашингтоне, о котором свидетельствовали высказывания Д. Рамсфельда.

Инициаторы проекта тервюренского штаба, очевидно, надеялись, что они смогут сформировать широкую коалицию из европейских стран на волне трансатлантических противоречий по иракскому вопросу. Однако в связи с отсутствием поддержки других государств ЕС эта попытка потерпела провал, причем важную роль в данном эпизоде снова сыграла Великобритания.

Появившийся следом проект «боевых групп» уже не вызвал и доли того резонанса, который спровоцировал тервюренский штаб. Больше того, практическая общая результативность европейской оборонной активности в конечном счете, оказалась близкой к нулю, а Франция, главная движущая сила автономистов, уже при следующем после Ж. Ширака президенте пошла на то, чтобы вернуться в командную структуру НАТО. Мрачные предчувствия Д. Рамсфельда, казалось, не оправдались.

---

⁵³⁸ Rumsfeld D. H. Secretary Rumsfeld European Editors Roundtable. Transcript. U.S. Department of Defense, December 2, 2003. URL: <http://archive.defense.gov/Transcripts/Transcript.aspx?TranscriptID=2761>

Однако в результате сложилась такая ситуация, когда США могли с помощью своих союзников пресекать нежелательные варианты развития ЕПБО, но, как и в рамках НАТО, не могли заставить своих союзников расходовать больше средств на оборону. По сути, ЕПБО так и не стала значимым военно-политическим ресурсом, превратившись в некий аналог ооновских программ миротворчества и помощи в распоряжении Евросоюза. К концу правления администрации Дж. Буша-мл. американские политики и эксперты прекрасно понимали это, что и послужило причиной утраты данной темой конфликтного потенциала. Как образно выразился один из аналитиков Госдепартамента в 2009 г., «США больше беспокоит не то, что европейцы пойдут своим путём, а то, что они вообще никуда не пойдут»⁵³⁹.

По сути, несмотря на самое тесное экономическое взаимодействие и формирование единой экономической, а отчасти, и социальной основы европейские страны так и не смогли выработать единства в вопросе о военно-политических приоритетах, стоящих перед ними. Три сильнейшие страны ЕС по-прежнему придерживались различающихся между собой подходов с точки зрения своего позиционирования на международной арене: Франция была опорой «евро-голлизма» (хотя там он в какой-то мере ослаб после прихода к власти президента Н. Саркози), Великобритания оставалась последовательным представителем атлантических интересов в рамках ЕС, а Германия, несмотря на поддержку французской позиции в период правления канцлера Г. Шредера, последовательно сокращала свои военные возможности и поэтому не могла стать полноценным партнером Парижа в деле военно-политической «эмансипации» Европы. В этих условиях не могло идти речи о формировании единого европейского центра принятия внешнеполитических и военных решений. Со своей стороны США, понимая опасность формирования такого центра, или хотя бы его прообраза – «европейского кокуса», – предприняли максимум усилий, чтобы предотвратить его появление. Кроме того, вскоре образование «кокуса» стало

---

⁵³⁹ D. Armitage. *Soft Power in Hard Times...* P. 10.

еще менее вероятным, так как в результате расширения Евросоюза в 2004 г. его членами стали страны из Центральной и Восточной Европы, придерживающиеся едва ли не более про-атлантистских позиций, чем Великобритания.

Если следовать давнему высказыванию германского военного теоретика о том, что «война есть продолжение политики другими средствами», то и единая военная политика, как в смысле военного строительства, так и в смысле применения тех сил, которые создаются в рамках этого строительства, является лишь продолжением единой внешней политики. Это означает, что поскольку Европейский Союз испытывает затруднения с формулированием внешней политики, единой по сути, а не только в рамках многочисленных декларативных документов, то и единая оборонная политика остается в существенной степени выхолощенной. И сфера ее применения ограничивается теми вопросами, где нет сколько-нибудь значимых интересов ведущих стран Европы. Попытки оборонной интеграции Европы показывают, что для ее успеха, в отличие, например, от экономической интеграции, совершенно необходим единый центр принятия внешнеполитических решений, одновременно выступающий источником политической воли для их реализации. (Такой центр мог бы возникнуть, например, в результате появления крупномасштабной общей угрозы государствам ЕС). Если бы формирование подобного единого центра военно-политической власти в рамках ЕС стало действительной потребностью правящих кругов большинства влиятельных европейских стран, то те сравнительно мягкие политико-дипломатические меры, которые США применяли для сохранения своего военно-политического доминирования на континенте посредством НАТО, вряд ли достигли бы успеха. Иными словами, неудача Европейской политики безопасности и обороны является плодом не столько американских усилий, при всей их системности и проработанности, сколько отсутствия реальной потребности у большинства

крупных стран ЕС в том, чтобы сформировать военно-политический центр силы, альтернативный НАТО.

Таким образом, гипотетически рассуждая, попытки сформировать самостоятельный и дееспособный военно-политический механизм в рамках ЕС могут достичь успеха лишь в случае появления некоей военной угрозы, общей для ведущих европейских держав, но не затрагивающей интересы США. В обозримой перспективе такой сценарий представляется весьма маловероятным.

Кроме того, история трансатлантических дебатов по вопросу ЕПБО имеет важное практическое значение в том смысле, что демонстрирует, какое важное значение придавали Соединенные Штаты НАТО, прежде всего, как инструменту сохранения своих доминирующих (или, как предпочитают говорить сами американцы – лидерских) позиций на Европейском континенте. Контроль, или решающее влияние, на внешнюю и оборонную политику стран Европы позволяет США позиционировать себя в качестве лидера «мирового сообщества», повышать свой авторитет и весомость уже собственной внешней политики в общемировом масштабе. Фактически, борьба вокруг вопроса о ЕПБО являлась для США борьбой за однозначное лидерство в рамках Западного мира. В свою очередь, для стран ЕС отсутствие успеха в военно-политической интеграции тождественно незавершенности европейского интеграционного процесса в целом. Например, единый военно-политический контур управления теоретически мог бы быть использован и для решения экономических проблем ЕС, как это бывало в истории многих национальных государств.

Развитие событий после 2009 г., новые серьезные изменения в Евросоюзе и в политике самих США привели к тому, что выглядевшие незыблемыми основы евро-атлантических отношений оказались поставленными под сомнение. В свою очередь, это привело к новой актуализации темы европейской военно-политической интеграции.

23 июня 2016 г. в Великобритании состоялся референдум по вопросу о дальнейшем пребывании этой страны в составе Евросоюза. На референдуме была одобрена идея о выходе Британии из состава ЕС. Через несколько месяцев после этого, 11 сентября 2016 г., министры обороны Франции и Германии направили в Европейскую службу внешнеполитической деятельности совместный меморандум, в котором предлагали активизировать сотрудничество в рамках ЕС в сфере оборонной интеграции⁵⁴⁰.

При этом в документе было прямо указано, что возможность для этого появится с учетом выхода из Евросоюза Великобритании. В то же время, согласно сообщениям в британской прессе, планы по углублению оборонной интеграции в ЕС начали прорабатываться Ф. Могерини, руководителем внешнеполитического ведомства Евросоюза, еще до британского референдума⁵⁴¹. Очевидно, она заранее предполагала большую вероятность указанного исхода британского референдума.

Помимо референдума, еще одним импульсом для новой актуализации оборонных проектов ЕС послужило избрание президентом США Д. Трампа, которое состоялось 8 ноября 2016 г. Внешнеполитическая позиция нового главы Белого дома характеризуется отчетливыми чертами изоляционизма, и в частности, намерением сократить американское участие в военно-политических делах Европы. Поэтому не случайно, что уже 14 ноября 2016 г., менее чем через неделю после победы Д. Трампа, министры обороны и иностранных дел ЕС одобрили «План реализации мероприятий в сфере безопасности и обороны»⁵⁴², разработанный Ф. Могерини. Положения «Плана» были сформулированы в довольно осторожной форме⁵⁴³.

---

⁵⁴⁰ Rettman A. France and Germany propose EU 'defence union'. EUobserver. 12.09.2016. URL: <https://euobserver.com/foreign/135022>

⁵⁴¹ Johnston C. Plans for closer EU military cooperation held until after vote. Guardian. 27.05.2016.

⁵⁴² Implementation Plan on Security and Defence. A proposal from the High Representative of the Union for Foreign Affairs and Security Policy, Vice President of the European Commission, and Head of the European Defence Agency. Brussels, 14 November 2016. URL: https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/eugs_implementation_plan_st14392.en16_0.pdf

⁵⁴³ EU backs minimalist defence plan in effort not to undermine NATO. EurActiv. 15.11.2016. URL: <http://www.euractiv.com/section/global-europe/news/eu-backs-minimalist-defence-plan-in-effort-not-to-undermine-nato/>

Существенно важными пунктами «Плана» были предложения об активизации механизма «Постоянного структурированного сотрудничества» в сфере обороны и об «усилении возможностей ЕС по планированию [курсив мой – авт.] и проведению гражданских и военных миссий и операций»⁵⁴⁴. Причем, первый из этих пунктов был упомянут еще в Лиссабонском договоре⁵⁴⁵, однако с тех пор так и оставался незадействованным. Он предусматривает формирование группы из тех членов ЕС, которые были бы готовы к более тесной и активной оборонной интеграции. По сути, это является повторением в военно-политической области модели, подобной Шенгенской зоне – в сфере пограничного контроля или Евроне – в финансовой сфере.

15 декабря 2016 г. положения указанного «Плана» были одобрены уже на уровне глав государств-членов ЕС. В соответствующем документе, в частности, было указано, что «в предстоящие месяцы Высокий представитель [ЕС по вопросам внешней политики – авт.] представит предложения ... о формировании постоянно действующей структуры по планированию и проведению операций стратегического уровня»⁵⁴⁶. Понятно, что такой подход является очередным возвращением к проекту создания Евросоюзом собственных командных структур.

Высокий представитель ЕС Ф. Могерини прямо увязала эти шаги с позицией новой республиканской администрации США. В своем интервью по итогам встречи лидеров Евросоюза она отметила, что новые оборонные планы «могут стать частью нового делового (transactional) подхода к отношениям с США, так как Трамп официально заявляет, что европейцы должны нести больше ответственности в сфере европейской обороны»⁵⁴⁷.

---

⁵⁴⁴ Implementation Plan on Security and Defence. Paragraphs 12, 32.

⁵⁴⁵ Consolidated Version of the Treaty on European Union. Art. 42.6, Art. 46. // Official Journal of the European Union. C 202. English edition. Information and Notices. Vol. 59. 7 June 2016. URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=OJ:C:2016:202:FULL&from=EN>

⁵⁴⁶ European Council meeting (15 December 2016) – Conclusions. Brussels, 15 December 2016. Point 11. URL: <http://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-34-2016-INIT/en/pdf>

⁵⁴⁷ Barnes J. E., Norman L. EU Leaders Plan Military Overhaul After Pressure From Trump. The Wall Street Journal. December 15, 2016.

Можно сделать вывод, что тема военной интеграции в рамках Евросоюза и, соответственно, восприятия этой интеграции в США, остается политически актуальной. То падение интереса к ней, которое наблюдалось в Европе и в США с конца 2000-х гг., очевидно, оказалось лишь временным. Более того, если раньше основной движущей силой этой интеграции было лишь стремление части западноевропейских государств к обособлению своих военно-политических интересов от американских, то после прихода в Белый дом администрации Д. Трампа аналогичное стремление стало проявляться и с другой стороны Атлантики. Все это, наряду с наметившимся выходом Великобритании из ЕС, будет способствовать активизации интереса европейских политиков к Общей политике безопасности и обороны (новое название ЕПБО в соответствии с Лиссабонским договором). Соответственно, этот сюжет и в дальнейшем будет важной темой в отношениях между Соединенными Штатами и Евросоюзом.

Как представляется, у ведущих стран ЕС, как минимум, после окончательного выхода Британии из Евросоюза и до конца правления администрации Д. Трампа открывается «окно возможностей» для того, чтобы попытаться сформировать действенные военно-политические структуры, не сталкиваясь при этом с американским давлением и британским саботажем. Однако вероятность достижения успеха для «континентальных европейцев» далеко не гарантирована.

Во-первых, в рамках Евросоюза по-прежнему нет единого представления о том, какие внешнеполитические приоритеты являются для ЕС безусловно важными, а какие угрозы – наиболее опасными. Во-вторых, как отмечалось выше, выход Британии из Евросоюза и, как следствие, из ЕПБО, должен привести к чрезмерной «франкоцентричности» военно-политической сферы деятельности ЕС. Этого можно избежать только в случае, если гораздо более активную военную роль возьмет на себя Германия. И первый вариант – превалирование французского влияния, и второй – военно-политическая активизация Германии, чреватые обострением

противоречий между членами ЕС. Можно заключить, что устранение помех ЕПБО со стороны Соединенных Штатов может привести лишь к выявлению других препятствий на пути этого проекта, на этот раз – уже внутриевропейского характера.

Вполне возможно, с течением времени новая республиканская администрация решит, что доминирующее американское влияние в военно-политических делах Европы все-таки имеет высокую ценность для Вашингтона. Это привело бы к повторению ситуации начала 2000-х гг. В любом случае, предсказание Д. Рамсфельда о том, что ЕПБО «будет влиять на НАТО на протяжении десятилетий» еще может оказаться пророческим.

Библиография

Источники

Официальные публикации и документы

1. The American Presidency Project. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.presidency.ucsb.edu/> (Дата обращения 3.12.2016).
2. Centre Virtuel de la Connaissance sur l'Europe. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cvce.eu/> (Дата обращения 14.12.2016).
3. The Common Security and Defence Policy (CSDP). [Электронный ресурс]. URL: https://eeas.europa.eu/topics/common-security-and-defence-policy-csdp_en (Дата обращения 21.12.2016).
4. Congressional Record. Proceedings and Debates. Vols. 137–155. Washington, D.C. 1991–2009.
5. Consolidated Version of the Treaty on European Union. // Official Journal of the European Union. C 202. English edition. Information and Notices. Vol. 59. 7 June 2016. [Электронный ресурс]. URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=OJ:C:2016:202:FULL&from=EN> (Дата обращения 15.01.2017).
6. Eurocorps. A Force for the European Union and NATO. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.eurocorps.org/> (Дата обращения 12.01.2017).
7. European Commission. [Электронный ресурс]. URL: http://ec.europa.eu/index_en.htm (Дата обращения 17.11.2016).
8. European Council / Council of the European Union. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consilium.europa.eu/en/home/> (Дата обращения 18.01.2017).
9. European defence: core documents. Vol. V. Chaillot Paper 75. Paris – February 2005.
10. EU security and defence. Core documents 2005. Vol. VI. Chaillot Paper 87. Paris – March 2006.

11. EU security and defence. Core documents 2006. Vol. VII. Chaillot Paper 98. Paris – March 2007.
12. EU security and defence. Core documents 2007. Vol. VIII. Chaillot Paper 112. Paris – October 2008.
13. EU security and defence. Core documents 2008. Vol. IX. Chaillot Paper 117. Paris – July 2009.
14. European security – Sécurité Européenne. [Электронный ресурс]. URL: <http://european-security.com/> (Дата обращения 11.11.2016).
15. European Union security and defence. Core documents 2009. Vol. X. Paris – July 2010.
16. From St-Malo to Nice. European defence: core documents. Chaillot Paper 47. Paris – May 2001.
17. From Nice to Laeken. European defence: core documents. Vol. II. Chaillot Paper 51. Paris – April 2002.
18. From Laeken to Copenhagen. European defence: core documents. Vol. III. Chaillot Paper 57. Paris – February 2003.
19. From Copenhagen to Brussels. European defence: core documents. Vol. IV. Chaillot Paper 67. Paris – December 2003.
20. IIP Digital – State Department’s Bureau of International Information Programs. [Электронный ресурс]. URL: <http://iipdigital.usembassy.gov/iipdigital-en/index.html> (Дата обращения 29.11.2016).
21. The Lisbon Treaty: Implications for Future Relations between the European Union and the United States. Hearing before the Subcommittee on Europe of the Committee on Foreign Affairs, United States House of Representatives. 111th Congress. December 15, 2009. Washington, D.C. 2010.
22. NATO Ambassador Burns' Visit to Helsinki. December 16, 2004. // WikiLeaks. Public Library of US Diplomacy. [Электронный ресурс]. URL: https://wikileaks.org/plusd/cables/04HELSINKI1571_a.html (Дата обращения 01.12.2016).

23. NATO and the EU's European Security and Defense Policy. Hearing before the Subcommittee on European Affairs of the Committee on Foreign Relations, United States Senate. 106th Congress. March 9, 2000. Washington, D.C. 2000.
24. Nominations before the Senate Armed Services Committee, First Session, 109th Congress, February 15, 17; March 15; April 19, 21; June 29; July 28; October 6, 25, 27, 2005. Washington, D.C. 2007.
25. North Atlantic Treaty Organization. [Электронный ресурс]. URL: nato.int (Дата обращения 29.01.2017).
26. Treaty on European Union, signed at Maastricht on 7 February 1992. // Official Journal of the European Union. C 191. English edition. Information and Notices. Vol. 35. 29 July 1992. [Электронный ресурс]. URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=OJ:C:1992:191:FULL&from=EN>
27. UK Government Web Archive. [Электронный ресурс]. URL: http://collections.europarchive.org/tna/*/http://number10.gov.uk//output/page1.asp (Дата обращения 22.12.2016).
28. U.S. Department of Defense. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.defense.gov/> (Дата обращения 30.01.2017).
29. U.S. Department of Defense archive. [Электронный ресурс]. URL: <http://archive.defense.gov/> (Дата обращения 22.12.2016).
30. U.S. Department of State. [Электронный ресурс]. URL: www.state.gov
31. U.S. Department of State 2001-2009 Archive. [Электронный ресурс]. URL: <http://2001-2009.state.gov> (Дата обращения 22.12.2016).
32. U.S. Department of State 1997-2001 Archive. [Электронный ресурс]. URL: <https://1997-2001.state.gov> (Дата обращения 23.12.2016).
33. Vie-publique.fr – Un site réalisé par la Direction de l'Information Légale et Administrative. Collection des discours publics. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vie-publique.fr/discours/> (Дата обращения 11.12.2016).
34. Western European Union. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.weu.int/index.html> (Дата обращения 22.01.2017).

35. The White House. President George W. Bush. [Электронный ресурс]. URL: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov> (Дата обращения 28.10.2016).
36. The White House. President William J. Clinton. [Электронный ресурс]. URL: <https://clinton3.nara.gov/> (Дата обращения 30.10.2016).
37. The White House. President Barack Obama. [Электронный ресурс]. URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/> (Дата обращения 12.11.2016).

Литература

Монографии, коллективные исследования

1. Безопасность Европы. Под ред. В.В. Журкина. М., 2011.
2. Бордачев Т.В., Зиновьева Е.С., Лихачева А.Б. Теория международных отношений в XXI веке. М., 2015.
3. Боришполец К.П. Методы политических исследований. М., 2005.
4. Внешняя политика администрации Б. Обамы (2009-2012). Под ред. В.А. Кременюка. М., 2012.
5. Воронцов Г.А. Атлантические отношения и современность. М., 1977.
6. Воронцов Г.А., Уткин А.И. Атлантические союзники: новые тенденции в соперничестве. М., 1983.
7. Давыдов В.Ф., Оберемко Т.В., Уткин А.И. США и западноевропейские “центры силы”. М., 1978.
8. Давыдов Ю.П. Норма против силы. Проблема мирорегулирования. М., 2002.
9. Европейский союз в XXI веке: время испытаний. Под ред. О.Ю. Потемкиной. М., 2012.
10. Европейский Союз: факты и комментарии. Институт Европы РАН, Ассоциация Европейских Исследований (АЕВИС). Архив. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.edc-aes.ru/ru/union/archive> (Дата обращения 25.12.2016).

11. Ежегодник СИПРИ 2000. Вооружения, разоружение и международная безопасность. М., 2001.
12. Ежегодник СИПРИ 2001. Вооружения, разоружение и международная безопасность. М., 2002.
13. Ежегодник СИПРИ 2003. Вооружения, разоружение и международная безопасность. М., 2004.
14. Журкин В.В. Европейский Союз: внешняя политика, безопасность, оборона. М., 1998.
15. Журкин В.В. Европейский Союз в XXI веке: Европейская политика безопасности и обороны. М., 2005.
16. Журкин В.В. Европейская армия: Поражения и победы. Общая политика безопасности и обороны ЕС. М., 2012.
17. Журкин В.В. Военная политика Евросоюза. М., 2014.
18. Иванян Э.А. История США: пособие для вузов. М., 2008.
19. Караганов С.А., Трофименко Г.А., Шеин В.С. США – диктатор НАТО. М., 1985.
20. Киссинджер Г. Нужна ли Америке внешняя политика? М., 2002.
21. Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М., 2003.
22. Конфликт и консенсус в американском обществе: теория и практика. Материалы VIII научной конференции Российской ассоциации американистики. Под ред. А.С. Манькина, Ю.Н. Роголева, Е.Ф. Языкова. М. 2004.
23. Коньшев В.Н. Американский неореализм о природе войны: эволюция политической теории. СПб., 2004.
24. Манькин А.С., Печатнов В.О. История внешней политики США. М., 2012.
25. Махмудова З.У. Конфедерализм: концепции и практика в современном мире. М., 2009.
26. Михеев В.С. США, Франция и европейская безопасность (1958-1992). М., 1993.

27. Основы общей теории международных отношений. Под ред. А.С. Манькина. М., 2009.
28. Петров Ю.А., Захаров А.А. Общая методология мышления. М., 2001.
29. Пилько А.В. "Кризис доверия" в НАТО: альянс на пороге перемен (1956–1966). М., 2007.
30. Политика США в меняющемся мире. Под ред. П.Т. Подлесного. М., 2004.
31. Пономарева И.Б., Смирнова Н.А. Геополитика империализма США: атлантическое направление. Под ред. Е.М. Примакова. М., 1986.
32. Приходько О.В. Трансатлантические отношения в сфере безопасности и их влияние на внешнеполитические позиции России. М., 2004.
33. Россия и основные институты безопасности в Европе: вступая в XXI век. Под ред. Д.В. Тренина. М., 2000.
34. Румянцева М.Ф. Теория истории. М., 2002.
35. Системная история международных отношений в четырех томах. События и документы. 1918–2003. Т. 4. Документы 1945–2003/ Сост. Е.Г. Капустян, А.В. Мальгин, А.А. Соколов. М. Научно-образовательный форум по международным отношениям. 2004.
36. США и Европа: перспективы взаимоотношений на рубеже веков. Под ред. А.И. Уткина. М., 2000.
37. Теория и методы в социальных науках. Под ред. С.У. Ларсена. М., 2004.
38. Тренин Д.В. Мир безусловный. Евро-Атлантика XXI века как сообщество безопасности. М., 2013.
39. Троицкий М.А. Трансатлантический союз. 1991–2004. Трансформация системы американо-европейского партнерства после распада биполярности. М., 2004.
40. Уткин А.И. Доктрина атлантизма и европейская интеграция. М., 1979.
41. Черчилль У. С. Вторая мировая война. В 6 т. Т. 1: Надвигающаяся буря. М., 1997.
42. Штоль В.В. Армия "Нового мирового порядка". М., 2010.
43. Acheson D. Present at Creation. My Years at the State Department. L., 1969.

44. Bozo F. Two Strategies for Europe: De Gaulle, the United States, and the Atlantic Alliance. Lanham, MD, 2001.
45. Dover R. Europeanization of British Defence Policy. Aldershot, Hampshire, 2007.
46. Gnesotto N. European Defence: Why Not the Twelve? Chaillot Paper 1, Paris – March 1991.
47. Gnesotto N. (ed.) EU Security and Defence Policy: the first five years (1999-2004). P., 2004.
48. Gordon Ph. French Security Policy after the Cold War. RAND Corporation, Santa Monica, CA, 1992.
49. Grevi G., Helly D., Keohane D. ESDP: The first 10 years (1999-2009). P., 2009.
50. Heisbourg F. European defence: making it work. Chaillot Paper 42. Paris – August 2000.
51. Heisbourg F. The French-German Duo and the search for a new European security model. // The International Spectator. 2004. №3. [Электронный ресурс]. URL: pubblicazioni.iai.it/pdf/articles/heisbourg.pdf (Дата обращения 22.12.2016).
52. Hodge C. Britain and the Balkans: 1991 until the present. Abingdon, UK – N.Y., 2006.
53. Howorth J. European integration and defence: the ultimate challenge? Chaillot Paper 43. Paris - November 2000.
54. Howorth J., Keeler J. T. S. (eds.) Defending Europe. The EU, NATO and the Quest for European autonomy. Basingstoke – N.Y., 2003.
55. Howorth J. Security and Defence Policy in the European Union. Basingstoke – N.Y., 2007.
56. Hunter R. E. The European Security and Defense Policy: NATO's Companion – or Competitor? RAND, Santa-Monica, CA, 2002.
57. Jones S.G. The Rise of European Security Cooperation. Cambridge, 2007.
58. Keohane R.O. (ed.) Neorealism and its critics. N.Y., 1986.

59. Latawski P. Smith M.A. *The Kosovo Crisis and the Evolution of a Post-Cold War European Security*. Manchester – N.Y., 2003.
60. Lindström G. *Enter the EU Battlegroups*. Chaillot Paper 97. Paris – February 2007.
61. Mearsheimer J. *The Tragedy of Great Power Politics* N.Y.2001.
62. Missiroli A. *CFSP, defence and flexibility*. Chaillot Paper 38. Paris – January 2000.
63. Missiroli A. (ed.) *Enlargement and European defence after 11 September*. Chaillot Paper 53. Paris – June 2002.
64. Schmidt, P. *The Special Franco-German Security Relationship in the 1990s*. Chaillot Paper 8, Paris - June 1993.
65. Schoutheete P. *La cohérence par la défense. Une autre lecture de la PESD*. Chaillot Paper 71. Paris – October 2004.
66. Silj A. *Europe's Political Puzzle. A study of the Fouchet Negotiations and the 1963 Veto*. Cambridge, Mass., 1967.
67. *SIPRI Yearbook 2002. Armaments, Disarmament and International Security*. Oxford, 2002.
68. *SIPRI Yearbook 2004. Armaments, Disarmament and International Security*. Oxford, 2004.
69. *SIPRI Yearbook 2005. Armaments, Disarmament and International Security*. Oxford, 2005.
70. *SIPRI Yearbook 2007. Armaments, Disarmament and International Security*. Oxford, 2007.
71. Sloan S. R. *The United States and European Defense*. Chaillot Paper 39. Paris. April 2000.
72. Sloan S. R. *NATO, the European Union, and the Atlantic community: the transatlantic bargain challenged*. Lanham, Md. 2005.
73. Sloan S. R. *Permanent Alliance? NATO and the Transatlantic Bargain from Truman to Obama*. N.Y. 2010.

74. Sutton M. France and the Construction of Europe, 1944-2007: The Geopolitical Imperative. N.Y.–Oxford, 2007.
75. Tardy T. CSDP in action – What contribution to international security? Chaillot Paper 134. Paris – June 2015.
76. Vanhoonacker S. The Bush Administration and the development of the European Security Identity. Maastricht, 1999.
77. Walt S. The origins of alliances. Ithaca, N.Y. 1990.
78. Waltz K. N. Theory of International Politics. Reading, MA. 1979.

Периодические издания

1. BBC News. 1998 – 2009. [Электронный ресурс]. URL: <http://news.bbc.co.uk>. (Дата обращения 27.12.2016).
2. EUobserver. 2016 – 2017. [Электронный ресурс]. URL: <https://euobserver.com>. (Дата обращения 29.01.2017).
3. Financial Times. 1998 – 2009.
4. The Guardian. 1998 – 2009.
5. International Herald Tribune. 1991 – 2003.
6. Jane's Defence Weekly. 2001 – 2009.
7. The New York Times. 1991 – 2009.
8. Spiegel ONLINE International. 2008 – 2009. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.spiegel.de/international/> (Дата обращения 22.11.2016).
9. The Times. 1998 – 2009.
10. The Wall Street Journal. 1998 – 2017.
11. The Washington Post. 1991 – 2009.

Диссертации

1. Войтоловский Ф.Г. Идеология и практика атлантизма во внешней политике США: диссертация на соискание ученой степени доктора политических наук. Москва, ИМЭМО РАН, 2013.

2. Коварский Н.Н. Военно-политическая интеграция ЕС: направления, формы, методы: диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. М., Дипломатическая академия МИД России, 2007.
3. Лобанов Р.О. Проблемы внешней политики, безопасности и обороны в деятельности Европейского Союза: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., Московский государственный областной университет, 2005.
4. Пилько А.В. "Кризис доверия" в НАТО и его влияние на политику альянса в Европе, 1956 - сер. 60-х гг.: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., МГУ им. М.В. Ломоносова, 2003.
5. Тихова В.В. Формирование Общей внешней политики и политики безопасности Европейского Союза (1992 – 2004 гг.): диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., МГИМО МИД России, 2006.
6. Тузовская Н.Ю. Отношения ЕС и НАТО в процессе трансформации европейской системы безопасности: диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. Москва, Институт Европы РАН, 2009.
7. Уткин С.В. Процесс формирования общей внешней политики и политики безопасности Европейского Союза: диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. Москва, ИМЭМО РАН, 2006.
8. Цыкало В.В. «Европейская оборонная идентичность в трансатлантических отношениях и Россия: диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. М., Дипломатическая академия МИД России, 2007.
9. Armitage Jr. D.T. Enduring dilemmas: sources of American ambivalence toward European defense autonomy, EDC and ESDP in comparative perspective. Dissertation. University of Maryland, 2005. [Электронный ресурс]. URL: <http://drum.lib.umd.edu/bitstream/1903/2931/1/umi-umd-2722.pdf>. (Дата обращения 03.09.2016).

Статьи, доклады, аналитические записки

1. Батюк В. И., Мазинг В. А. Европа в военной политике администрации Буша. // США-Канада: экономика, политика, культура. 2001. № 10.
2. Батюк В. И., Мазинг В. А. Проблема европейской оборонной интеграции и США// США-Канада: экономика, политика, культура. 2002. № 1.
3. Андреева Т.Н. Военно-технический фактор политической интеграции ЕС. // Мировая экономика и международные отношения. 2006. №8.
4. Бабынина Л.О. Дифференциация в рамках ОВПБ/ЕПБО Евросоюза. // Обозреватель-Observer. 2010. №4.
5. Батюк В.И. Отношения США и НАТО в начале XXI века. // США-Канада: экономика, политика, культура. 2003. № 10.
6. Давыдов А.Ю. Экономика определяет политику? (Проблемы внешнеэкономических связей США со странами Евросоюза). // США-Канада: экономика, политика, культура. 2012. № 10.
7. Давыдов Ю.П. «Старый» европеизм против «нового» атлантизма? // США-Канада: экономика, политика, культура. 2003. № 9.
8. Давыдов Ю.П. Стратегические культуры США и Европы. // США-Канада: экономика, политика, культура. 2006. № 3.
9. Иванов И.Д. Военно-промышленный комплекс Евросоюза. // Современная Европа. 2006. № 1.
10. Иванов П.Л. Трансформация НАТО: век нынешний и век минувший. // Мировая экономика и международные отношения. 2003. №1.
11. Иноземцев В.Л. США и ЕС в новом столетии: союзники или соперники? // США-Канада: экономика, политика, культура. 2002. №№ 9, 10.
12. Истомин И.А. Внешняя политика ЕС в современном мире. // Международные процессы. 2008. №3.
13. Кокеев А.М. Трансатлантические отношения во внешней политике Германии. // Мировая экономика и международные отношения. 2015. №11.
14. Коровин О.Ю. США и «смена караула» в НАТО. // США-Канада: экономика, политика, культура. 2000. № 4.

15. Кузьмичева Л. О. "Внешнее измерение" сотрудничества ЕС по вопросам безопасности и обороны. // *Мировая экономика и международные отношения*. 2006. №8.
16. Лебедева Л.Ф., Фейгин Г.Ф. Факторы и условия трансатлантической интеграции. // *США-Канада: экономика, политика, культура*. 2015. № 5.
17. Миронова Д.С. Трансформация НАТО в контексте глобального финансово-экономического кризиса. // *Мировая экономика и международные отношения*. 2016. №6.
18. Надточей Ю.И. Назад в Евро-Атлантику: почему НАТО перестает быть глобальной организацией? // *Мировая экономика и международные отношения*. 2014. №6.
19. Носов Н.Г. Зачем Европе собственная армия? // *Современная Европа*. 2005. № 1.
20. Носов М.Г. Глобальные аспекты трансатлантических отношений. // *Современная Европа*. 2006. № 2.
21. Носов М.Г. Отношения ЕС-США: политика, экономика, безопасность. // *Современная Европа*. 2014. № 4.
22. Носов М.Г. ЕС – США и Канада. // Громько Ал.А., Носов М.Г. *Европейский Союз в поиске глобальной роли: политика, экономика, безопасность*. М., 2015.
23. Панюжева М.М. Европейская безопасность: атлантизм vs европеизм. // *Современная Европа*. 2016. №1.
24. Приходько О.В. Западное «сообщество безопасности»: взгляд по обе стороны Атлантики. // *США и Европа: перспективы взаимоотношений на рубеже веков*. М., 2000.
25. Приходько О.В. Кризис атлантизма или смена традиционной модели? // *США-Канада: экономика, политика, культура*. 2004. № 8.
26. Приходько О.В. Какая Европа нужна США? // *США-Канада: экономика, политика, культура*. 2006. №2.

27. Приходько О.В. «Американский интернационализм» vs «европейская многосторонность». // США-Канада: экономика, политика, культура. 2008. № 10.
28. Приходько О.В. Формирование европейской политики администрации Обамы. // США-Канада: экономика, политика, культура. 2010. № 5.
29. Приходько О.В. Обновление и преемственность в отношениях США с Европой. // Внешняя политика администрации Б. Обамы (2009-2012) / Отв. ред. В.А. Кременюк. М., 2012.
30. Приходько О.В. США и политика партнерства НАТО. // США-Канада: экономика, политика, культура. 2013. № 3.
31. Раков А.В. Атлантический альянс в эпоху перемен. // Международные процессы. 2011. №1.
32. Сидоров А.С. Вооружённые силы ЕС: реальность или химера? // Современная Европа. 2012. № 1.
33. Смирнов П.Е. США и НАТО: есть ли будущее у альянса? // США-Канада: экономика, политика, культура. 2000. № 4.
34. Тарасов И.Н. Перспективы внешнеполитического единства ЕС. // Международные процессы. 2007. №3.
35. Тузовская Н.Ю. Трансформация НАТО: от концепции к практике. // Мировая экономика и международные отношения. 2008. №3.
36. Уткин А.И. США-ЕС: два полюса, два взгляда. // США-Канада: экономика, политика, культура. 2005. № 7.
37. Уткин С.В. Основные инструменты Общей внешней политики и политики безопасности Европейского Союза. // Мировая экономика и международные отношения. 2005. №11.
38. Ученый совет ИМЭМО. Влияние кризиса на внешнюю и оборонную политику ЕС. // Мировая экономика и международные отношения. 2013. №8.
39. Филатова А.А. Франция-НАТО: что стоит за решением о возврате в военную структуру? // Современная Европа. 2010. № 1.

40. Albright M. The Right Balance Will Secure NATO's Future. *Financial Times*, December 7, 1998.
41. Andreani G. Old French problem – or new transatlantic debate? // *RUSI Journal*. February/March 1999.
42. Andreani G., Bertram C., Grant Ch. Europe's military revolution. *Centre for European Reform*. February 28, 2001.
43. Archick K. The United Kingdom: Issues for the United States. *Congressional Research Service report for Congress*, RL33105. September 23, 2005.
44. Archick K., Gallis P. NATO and the European Union. *Congressional Research Service report for Congress*, RL32342. January 29, 2008.
45. Armitage D. Soft Power in Hard Times: An American Perspective of ESDP after a Decade. Paper presented at the European Union Studies Association Conference, April 23–26, 2009, Los Angeles, CA. [Электронный ресурс]. URL: http://www.unc.edu/euce/eusa2009/papers/armitage_10J.pdf (Дата обращения 10.12.2016).
46. Belkin P. France: Factors Shaping Foreign Policy, and Issues in U.S.-French Relations. *Congressional Research Service report for Congress*, RL32464. May 20, 2009.
47. Belkin P., Morelli V. NATO in Afghanistan: A Test of the Transatlantic Alliance. *Congressional Research Service report for Congress*, RL 33627. December 3, 2009.
48. Bradford W. The Western European Union, Yugoslavia, and the (Dis)Integration of the EU, The New Sick Man of Europe. // *Boston College International and Comparative Law Review*. 2000. № 1. [Электронный ресурс]. URL: <http://lawdigitalcommons.bc.edu/iclr/vol24/iss1/3/> (Дата обращения 20.09.2016).
49. Burghardt G. The European Union's transatlantic relationship. // *EU Diplomacy Papers*, College of Europe, Department of EU International Relations and Diplomacy Studies. 2006. № 2. [Электронный ресурс]. URL:

https://www.coleurope.eu/sites/default/files/research-paper/edp_2-2006_burghardt.pdf (Дата обращения 22.12.2016).

50. Burwell F. G. et al. Transatlantic Transformation: Building a NATO – EU Security Architecture. Atlantic Council of the United States. March 2006. [Электронный ресурс]. URL: http://www.atlanticcouncil.org/images/files/publication_pdfs/1/0603-Transatlantic_Transformation_0.pdf (Дата обращения 13.12.2016).

51. Chivvis Ch. S. Birthing Athena. The Uncertain Future of European Security and Defense Policy (ESDP). // Focus stratégique. 2008. № 5. [Электронный ресурс]. URL: http://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/Focus_strategique_5_Chivvis_PESD.pdf (Дата обращения 11.10.2016).

52. De Wijk R. The reform of ESDP and EU-NATO cooperation. // The International Spectator. 2004. №1.

53. Dempsey J. The Depressing Saga of Europe's Battle Groups. Judy Dempsey's Strategic Europe. Carnegie Europe. December 19, 2013. [Электронный ресурс]. URL: <http://carnegieeurope.eu/2013/12/19/depressing-saga-of-europe-s-battle-groups> (Дата обращения 18.12.2016).

54. Donfried K., Gallis P. European Security: The Debate in NATO and the European Union. Congressional Research Service Report to Congress, RL30538. April 25, 2000. [Электронный ресурс]. URL: https://digital.library.unt.edu/ark:/67531/metacrs1132/m1/1/high_res_d/RL30538_2000Apr25.html (Дата обращения 30.01.2017).

55. France's Normalization with NATO. France-NATO Panel. Atlantic Council of the United States. June 30, 2009. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.atlanticcouncil.org/news/transcripts/1297-francenato-panel-6-30-2009-transcript> (Дата обращения 20.09.2016).

56. Gardiner N., McNamara S. The U.S. and U.K. must oppose French plans to weaken NATO. WebMemo No. 2285. The Heritage Foundation. February 10, 2009. [Электронный ресурс]. URL:

http://s3.amazonaws.com/thf_media/2009/pdf/wm2285.pdf (Дата обращения 15.10.2016).

57. Ghez J., Larrabee F. Stephen. France and NATO. // Survival. 2009. № 2.

58. Giegerich B., Pushkina D., Mount A. Towards a Strategic Partnership? The US and Russian Response to the European Security and Defense Policy. // Security Dialogue. September 2006. No 3.

59. Gordon Ph. Address at the Paris Transatlantic Forum: European defence – European and American perceptions. May 18, 2000. // Occasional Papers 17, Institute for Security Studies, Western European Union. July 2000.

60. Grant Ch. Can Britain lead in Europe? Centre for European Reform. October 2, 1998. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cer.org.uk/publications/archive/report/1998/can-britain-lead-europe> (Дата обращения 19.12.2016).

61. Grant Ch. Resolving the rows over ESDP. Centre for European reform. October 3, 2003. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cer.org.uk/publications/archive/briefing-note/2003/resolving-rows-over-esdp> (Дата обращения 22.12.2016).

62. Hamilton D. American perspectives on the European Security and Defence Policy. // Pilegaard J. (ed.) The politics of European security. Copenhagen, March 2004. Chapter 8. [Электронный ресурс]. URL: https://pure.fak.dk/ws/files/5599553/The_Politics_of_European_Security.pdf (Дата обращения 30.12.2016).

63. Heisbourg F. European defence takes a leap forward. // NATO Review. Spring – Summer 2000. №1. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nato.int/docu/review/2000/0001-03.htm> (Дата обращения 17.12.2016).

64. Hofmann S.C. Overlapping institutions in the realm of international security: The case of NATO and ESDP. // Perspectives on Politics. 2009. №1.

65. Howorth J. Saint-Malo plus five: an interim assessment of ESDP. // Paris: Notre Europe policy papers. 2003. №7.

66. Howorth J., Menon A. Still not pushing back. Why the European Union is not balancing the United States. // Journal of Conflict Resolution. 2009. №5.
67. Homan K. Operation Artemis in the Democratic Republic of Congo. Netherlands Institute for International Relations 'Clingendael'. May 2007. [Электронный ресурс]. URL: http://www.clingendael.nl/sites/default/files/20070531_cscp_chapter_homan.pdf (Дата обращения 23.12.2016).
68. Kim J. Bosnia and the European Union Military Force (EUFOR): Post-NATO Peacekeeping. Congressional Research Service Report for Congress. December 5, 2006. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fas.org/sgp/crs/row/RS21774.pdf> (Дата обращения 22.10.2016).
69. Kupferschmidt F. The United Kingdom between transatlantic relationship and European integration: Pragmatism put to the test. Working Paper. Stiftung Wissenschaft und Politik, German Institute for International and Security Affairs. Berlin, March 2007.
70. Larrabee F. Stephen. The European Security and Defense Identity (ESDI) and American Interests. March 2000. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/testimonies/2005/CT168.pdf> (Дата обращения 22.11.2016).
71. Larrabee F. Stephen. ESDP and NATO: Assuring complementarity. // The International Spectator. 2004. №1.
72. Larrabee F. Stephen. The United States and the European Security and Defense Policy: Old Fears and New Approaches. // Strategic Yearbook 2006, European Security and Defence Policy: A European Challenge. Swedish National Defence College. [Электронный ресурс]. URL: http://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/reprints/2006/RAND_RP1232.pdf. (Дата обращения 26.12.2016).
73. Larrabee F. Stephen. The United States and the evolution of ESDP. RAND Corporation. December 2008. [Электронный ресурс]. URL:

http://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/reprints/2010/RAND_RP1404.pdf

(Дата обращения 22.12.2016).

74. Medina-Abellan M. Turkey and the ESDP: Anatomy of an Uncomfortable Relationship. // CFSP Forum. July 2008. № 4. [Электронный ресурс]. URL: www.lse.ac.uk/internationalRelations/centresandunits/EFPU/EFPUpdfs/CFSPForum6-4.pdf (Дата обращения 12.12.2016).

75. Menon A. From crisis to catharsis: ESDP after Iraq. // International Affairs. 2004. №4.

76. Menon A. Empowering paradise? The ESDP at ten. // International Affairs. 2009. №2.

77. Menon A. European Defence Policy from Lisbon to Libya. // Survival. 2011. №3.

78. Moens A. The European Security and Defence Identity and the Non Concert of Europe. // Archive of European integration. 1993. [Электронный ресурс]. URL: <http://aei.pitt.edu/7142/> (Дата обращения 29.12.2016).

79. Moens A. NATO and ESDP: the need for a political agreement. // Canadian Military Journal. 2000. №4. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.journal.forces.gc.ca/vol1/no4/doc/59-68-eng.pdf> (Дата обращения 21.12.2016).

80. Oakes M. European Defence: From Pörtschach to Helsinki. House of Commons Library research paper 00/20. U.K. Parliament, February 21, 2000. [Электронный ресурс]. URL: <http://researchbriefings.files.parliament.uk/documents/RP00-20/RP00-20.pdf> (Дата обращения 07.12.2016).

81. Ojanen H. The EU and Nato: Two competing models for a common defence policy. // Journal of Common Market Studies. 2006. №1.

82. Pierre A.J. Can Europe's security be "decoupled" from America? // Foreign Affairs. 1973. №. 4.

83. Posen B.R. European Union Security and Defense Policy: Response to Unipolarity? // Security Studies. 2006. № 2.

84. Quille G. The EU Battlegroups. European Parliament, Brussels. September 12, 2006. [Электронный ресурс]. URL: http://www.europarl.europa.eu/meetdocs/2004_2009/documents/dv/091006eubattlegroups_/091006eubattlegroups_en.pdf (Дата обращения 19.12.2016).
85. Quinlan M. Atlanticism and European Defence. Atlantic Council of the United States, Washington. 8 December 2000. [Электронный ресурс]. URL: <https://web.archive.org/web/20010518194526/http://www.acus.org/Publications/Speeches/Quinlan-presentation.pdf> (Дата обращения 30.11.2016).
86. Rodman P.W. U.S. Leadership and the Reform of Western Security Institutions: NATO Enlargement & ESDP. Conference of the German Foreign Policy Association (DGAP), Berlin. December 11, 2000. [Электронный ресурс]. URL: https://web.archive.org/web/20010603074224/http://www.nixoncenter.org/publications/articles/12_11_00Berlin.pdf (Дата обращения 20.12.2016).
87. Sloan S. R. NATO: July 1997 Madrid Summit Outcome. Congressional Research Service report to Congress, 97-443 F. July 14, 1997. [Электронный ресурс]. URL: http://digital.library.unt.edu/ark:/67531/metacrs449/m1/1/high_res_d/97-443f_1997Jul14.pdf (Дата обращения 24.12.2016).
88. Vershbow A. R. European Security and Defense Identity: Berlin, St. Malo, and Beyond. // Joint Forces Quarterly. Spring 1999.
89. Williams Ph. British NATO Policy: The Next Five Years. RAND Corporation. May 1990. P. 1. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dtic.mil/dtic/tr/fulltext/u2/a258073.pdf> (Дата обращения 12.12.2016).
90. Walt S. M. Alliance formation and the balance of world power. // International Security. Spring 1985. № 4.
91. Waltz K.N. Structural Realism after the Cold War // International Security. Summer 2000. № 1.